Г. Нагаев

ДЕГТЯРЕВ

Молодая гвардия

Г. Нагаев * ДЕГТЯРЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге Г.Нагаева "Дегтярев" перед читателем развертывается картина большой трудовой жизни простого русского человека. В.А.Дегтярев, благодаря неутомимой энергии, трудолюбию, беззаветной любви к своей Родине, сделался видным государственным и общественным деятелем, выдающимся конструктором, изобретателем, организатором крупного творческого коллектива.

- Нагаев Герман Данилович
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - В СТАРОЙ ТУЛЕ
    - В ВЫВШЕЙ КУЗНЕЦКОЙ СЛОБОДЕ
    - ПО ПРОТОРЕННОМУ ПУТИ
    - СОЛДАТСКИЕ ГОДЫ
    - СОЛДАТ СТАНОВИТСЯ МАСТЕРОМ
    - ОКОНЧАНИЕ СЛУЖБЫ
    - ВСТРЕЧА С ФЕДОРОВЫМ
    - РАБОТА НАД АВТОМАТИЧЕСКОЙ ВИНТОВКОЙ
    - НА СЕСТОРЕЦКОМ ЗАВОДЕ
    - РУССКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
    - ПЕРВОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ
    - РУССКИЙ АВТОМАТ
    - ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ
    - В ГОДЫ ВОЙНЫ И РАЗРУХИ
    - УНИФИКАЦИЯ ОРУЖИЯ
    - ДУМЫ О ПУЛЕМЕТЕ
    - РОЖДЕНИЕ ПЕРВЕНЦА
    - ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ
    - РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА
    - ВТОРОЕ ИСПЫТАНИЕ
    - ПОБЕДА РУССКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
    - АВТОМАТИЧЕСКИЕ ВИНТОВКИ ДЕГТЯРЕВА
    - «ДЕГТЯРЕВ АВИАЦИОННЫЙ»
    - ДЕГТЯРЕВ ВООРУЖАЕТ ТАНКИ
    - ОТВЕТ НА НУЖДЫ АРМИИ
    - «ДШК»

        - ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО ТРУДА
        - СОЗДАНИЕ „ППД“
        - ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ
        - НАКАНУНЕ ВОЙНЫ
        - В КОНСТРУКТОРСКОМ БЮРО
        - ОРУЖИЕ ПРОТИВ ТАНКОВ
        - «ПТР» В ДЕЙСТВИИ
        - НОВЫЕ ОБРАЗЦЫ
        - В ТЫЛУ, КАК НА ФРОНТЕ
        - ТОРЖЕСТВО ПОБЕДЫ
        - ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. А. ДЕГТЯРЕВА
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

Нагаев Герман Данилович
ДЕГТЯРЕВ

В. Денисов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге Г. Нагаева «Дегтярев» перед читателем развертывается картина большой трудовой жизни простого русского человека. В. А. Дегтярев, благодаря неутомимой энергии, трудолюбию, беззаветной любви к своей Родине, сделался видным государственным и общественным деятелем, выдающимся конструктором, изобретателем, организатором крупного творческого коллектива.

Жизненный путь прославленного оружейника — яркий пример замечательного сочетания таланта и настойчивости.

«Если у меня спросят, какие качества нужны изобретателю, я прежде всего назову любовь к этому делу и упорство, — как-то сказал Василий Алексеевич. — Под любовью к изобретательству я понимаю ту самую творческую жилку, которая не дает человеку покоя. Даже во сне видишь свою машину, как будто уже готовую, «живую»... Можно ли воспитать в себе эту жилку, я не знаю. Я почувствовал ее с самых ранних лет. А вот упорство — это можно и нужно воспитывать, и к этому я приучаю себя постоянно».

И действительно, настойчивое выполнение поставленных перед собой задач — характерная черта В. А. Дегтярева, проявившаяся в нем еще с детских лет.

Юного Васю Дегтярева привлекает замечательная фигура механика-самородка Ползунова, большое впечатление производит на него знакомство с работой конструктора-оружейника Мосина, создателя русской трехлинейной винтовки.

Однако в условиях дореволюционной России Василий Алексеевич, несмотря на исключительную одаренность, в лучшем случае остался бы малоизвестным изобретателем-са-моучкой и не смог бы проявить во всем блеске свои, творческие способности.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция, которую В. А. Дегтярев, как представитель рабочего класса, воспринял с глубоким удовлетворением, помогла Дегтяреву выйти на широкий жизненный путь.

Творческое содружество В. А. Дегтярева со старейшим конструктором-оружейником В. Г. Федоровым, основоположником теории автоматического оружия в России, оказало благотворное влияние на деятельность Василия Алексеевича. Эта совместная работа — один из примеров того метода развития советской науки и техники, который в настоящее время сделался необходимым условием технического прогресса в нашей стране, — метода научной работы с помощью содружества

ученых и работников производства.

Замечательным явлением в деятельности В. А. Дегтярева была организация им и В. Г. Федоровым талантливого творческого коллектива, с помощью дружной работы которого В. А. Дегтярев выполнял ответственные задания партии и правительства в период Великой Отечественной войны.

Особое значение книга о В. А. Дегтяреве приобретает в наше время для воспитания советской молодежи в свете исторических решений XIX съезда КПСС. Жизнь и деятельность В. А. Дегтярева — пример того, как надо бороться за выполнение решений нашей партии, овладевать техникой своего дела, непрерывно повышать свою производственную и деловую квалификацию.

Книга представляет и специфический интерес для работников оружейного дела, освещая ряд моментов деятельности В. А. Дегтярева, связанных с решением сложных технических задач. В книге подчеркнуты самобытные пути развития отечественной оружейной техники.

Скромный труженик, талантливый изобретатель-самоучка, достигший ученой степени доктора технических наук, четырежды лауреат Сталинской премии, человек, создавший прекрасные образцы советского оружия, с честью выдержавшего тяжелые испытания в борьбе нашего Отечества с фашистскими захватчиками, — В. А. Дегтярев будет всегда вдохновляющим примером для нашей молодежи.

Академик,
генерал-лейтенант артиллерии А. А. БЛАГОНРАВОВ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В СТАРОЙ ТУЛЕ

Несколько столетий назад Тула была южным рубежом и крепостью Московского государства.

Еще при Василии III, более чем за четыреста лет до наших дней, в Туле построили кремль с толстыми кирпичными стенами, девятью могучими башнями и железными воротами на два створа. Этот кремль был свидетелем многих битв, его стены выдержали не одну осаду.

Во времена Ивана Грозного туляки, укрывшись в кремле, успешно сдерживали натиск огромных татарских орд, посланных на Москву крымским ханом Девлет-Гиреем.

Постоянная угроза со стороны врагов заставляла туляков быть настороже. Имея поблизости залежи железной руды, они издавна научились изготовлять оружие, сначала холодное, а потом и огнестрельное.

Железоделательное мастерство на Руси развивалось с незапамятных времен.

При археологических раскопках древних городищ было найдено большое количество различных изделий из железа, что свидетельствует о том, что железоделательные ремесла были распространены во многих местах древней Руси. Из железа изготовляли простейшие орудия обработки земли, некоторые предметы домашнего обихода, оружие, воинские доспехи.

Наши летописи, а также арабские писатели IX века, свидетельствуют о наличии мечей на вооружении древних славян.

Русские железодельцы и ковачи обеспечивали достаточным количеством металлического оружия дружины Олега, Святослава, Владимира Святославовича, Ярослава Мудрого.

В великом русском эпосе «Слово о полку Игореве», описывающем события 1185 года, немало говорится о применении русскими дружинами различного оружия из железа: «Летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья булатные в поле неведомом, посреди земли половецкой...» Памятник древней письменности «Моление Даниила Заточника», относящийся к началу XIII века, свидетельствует о широком применении железа на Руси. В то время железо прочно вошло в быт людей.

Искусство русских железодельцев и ковачей было известно в древние времена и далеко на Западе.

Изделия из железа вывозились в соседние государства. В описи имущества Хцебуцкой церкви Бревновского монастыря,

составленной чешскими монахами в XIV веке, значится «три железных замка, в просторечии называемых русскими».

С давних времен занимались железоделательным мастерством и в Туле.

В тридцати километрах от Тулы, около села Дедилова, до сих пор сохранились следы древних рудников — большие осыпавшиеся ямы. Это бывшие Дедиловские провалища. В древние времена здесь добывали железную руду и окрест стояло множество примитивных «доменных печей». Это были даже не печи, а большие горны, снабженные сильными мехами.

В горн засыпались уголь и руда, руду покрывали слоем угля, затем снизу разжигали огонь, и несколько дюжих мужиков начинали качать мехи — так производилась плавка.

Железо выделывалось из глыбовой руды, добываемой из земли с помощью бадеек и воротов, и из болотной руды, залегавшей на поверхности земли.

В XVI веке тульские кузнецы и железных дел мастера приобретают большую известность: о них знают в Москве, Рязани, Владимире, Суздале.

В 1595 году, по указу царя Федора Иоанновича, многие тульские кузнецы переселяются из посада в особую слободу, названную Кузнецкой, и становятся самопальными (оружейными) мастерами. Им поручают изготовление оружия для казны.

Самопальные мастера освобождаются от посадского тягла, то-есть от повинностей и податей, и по сравнению с посадскими людьми попадают в более привилегированное положение. Благодаря этому число самопальных мастеров быстро растет. С годами в Туле образуется сословие казенных кузнецов — будущих тульских оружейников.

Так как казенные кузнецы расселялись на посадской земле, между ними и посадскими людьми шла непрекращающаяся вражда на протяжении многих десятилетий. Посадские люди начали жаловаться, писать челобитные царю. Казенных кузнецов лишили их привилегий, и оружейное дело начало хиреть.

В 1619 году самопальные мастера Федотка Федосеев да Якунко Пушкин написали челобитную царю Михаилу Федоровичу, в которой просили вернуть им прежние привилегии освободить от посадского тягла. В этой челобитной они ссылались на то, что «делают на Туле самопальное дело день и ночь беспрестанно».

Через три года самопальный мастер Потапко Полуэктов послал царю новую челобитную, прося освободить самопальных мастеров от посылок на работу в другие города и от постоев, «от коих им становится теснота великая».

Эти ли челобитные помогли, или подействовали на царя угрозы польской шляхты, готовившейся к войне с Россией, но только тульским казенным кузнецам были возвращены прежние льготы. Кузнечное дело стало быстро развиваться.

В 1640 году в Кузнецкой слободе трудилось больше ста самопальных мастеров. Они работали на казну, но материалы для изделий должны были покупать сами.

Царским указом самопальным мастерам предоставлялось право первоочередной покупки железа и угля, они освобождались от денежных оброков и податей.

В XVII веке «тульские оружейники образовывали особую кузнецкую слободу, составляли особое сословие, с особыми правами и привилегиями»[1], — писал В. И. Ленин.

К концу XVII столетия самопальные мастера изготовляли для казны ежегодно около двух тысяч пищалей (ружей).

Процесс изготовления пищали был очень сложен. Особенно тяжело давалась заварка ствола. Стволы делались из хорошо выкованных железных полос. Их накаливали, свертывали в трубу и сваривали в горниле, потом, надев на круглый железный стержень, ковали на наковальне.

Эта операция и называлась заваркой ствола. При длинных стволах в трубы сваривали отдельно казенную и дульную части, соединяли их поперечной сваркой. Затем соединенные части рассверливали длинным сверлом, шлифовали и обтачивали снаружи, придавая им нужную форму. Каждую часть пищали делал определенный мастер.

Самопальные мастера имели право выполнять, помимо казенных, частные заказы — работать на сторону. Этим пользовались «пожиточные» (богатые) люди — ловкие и оборотистые дельцы. Они скупали оружие у «скудных» (бедных) людей и продавали его в других городах втридорога. Многие на этой торговле быстро разбогатели и стали заниматься оружейным делом.

В конце XVII века в Туле были хорошо известны крупные поставщики оружия Исай и Максим Мосоловы и Никита Орехов.

В те же годы предприимчивый посадский мужик Никита Антуфьев (Демидов) зачастил в Кузнецкую слободу и быстро сдружился с самопальными мастерами. Познав их искусство, он и сам сделался мастеровым, а потом завел собственную мастерскую, куда залучил хороших мастеров. Изделия его мастерской отличались высоким качеством.

Через некоторое время Демидов взялся поставлять оружие для казны, и слух о нем дошел до царя Петра.

В 1696 году Петр I, возвращаясь из Азовского похода, заехал в

Тулу, чтобы ознакомиться с работой самопальных мастеров.

В Дороге у Петра поломался «аглицкий» пистолет, и по прибытии в Тулу Петр приказал узнать, не возьмутся ли за его починку местные мастера.

Через два дня к Петру явился Демидов, могучий чернобородый человек с ястребиным носом и хищным взглядом из-под бровей.

Он передал исправленный пистолет и такого же фасона другой, новый, который красотой отделки намного превосходил «аглицкий».

— Это откуда? — изумился Петр.

— Туляки сделали своему государю в подарок, — почтительно сказал Демидов. — Мы бы и не это сделали, кабы была на то ваша царская милость!

Царь немало дивился подарку туляков.

— Глядите, — говорил он придворным, — русские мастера могут делать оружие не хуже аглицкого, да с такой быстротой, какая англичанам и не снилась!..

Усадив Демидова подле себя, Петр долго расспрашивал его о нуждах мастеров и о том, как можно расширить в Туле производство оружия.

Оценив в Демидове смелость, предприимчивость и ум, Петр повелел ему «немедля строить плотину при впадении Тулицы в Упу и возводить завод железоделательный». Демидов стал расширять свое производство.

В 1705 году, по указу Петра, в Тулу приехал дьяк Беляев с заданием «поспешно построить при Кузнецкой слободе оружейный двор о пятидесяти горнах и многих амбарах для изготовления ружей».

Это мероприятие Петра дало резкий толчок развитию оружейного дела в Туле.

В начале 1712 года Петр I снова побывал в Туле, осмотрел оружейный двор, демидовские мастерские и повелел заложить в Туле казенный оружейный завод, «где можно бы ружья, фузеи, пистолеты сверлить и оттачивать, а палаши и ножи точить водой...».

За постройку этого завода на Старом городище и семидесятитрехметровой плотины взялись русские мастера-механики Красильников и Шелашников. В 1714 году, когда строительство шло полным ходом, Красильников неожиданно умер. Однако работа не остановилась, — его заменил другой русский умелец — солдат Ораниенбаумского батальона Яков Батищев, слывший хорошим механиком.

В 1718 году строительные работы были завершены. Завод

построили «на два жилья» (в два этажа). Внизу было размещено 12 кузниц с 96 горнами и склады, а вверху — 12 мастерских палат (цехов).

Все оружейное производство решено было сосредоточить на заводе, однако разместить там более тысячи мастеров, живших в Кузнецкой слободе, не удалось. Большинство из них попрежнему продолжало работать дома. Заказы на те или иные части оружия выполнялись не только отдельными мастерами, но и целыми семьями.

Постепенно число дворов, где селились мастеровые, возрастало. Так образовались слободки: заварщиков, ствольников, штыковиков. Со временем на их месте возникли улицы, до наших дней сохранившие свои самобытные названия: Ствольная, Дульная, Курковая, Замочная и т. д.

При Петре I производство ружей в Туле было доведено до 15—18 тысяч штук в год. Вооруженные ими русские воины одержали великую победу над шведами под Полтавой.

Тульский оружейный завод, созданный Петром I, был расширен Екатериной II, которая сама приезжала осматривать его. Производство ружей на нем было увеличено с 18 до 45 тысяч штук в год.

Славные чудо-богатыри Суворова во всех походах были вооружены ружьями, изготовленными тульскими мастерами. И эти ружья служили воинам безотказно.

Во время Отечественной войны 1812—1813 годов и в 1814 году тульские оружейники сделали 600 тысяч ружей. Это был невиданный дотоле трудовой подвиг русских оружейников.

Солдаты Кутузова, вооруженные тульскими ружьями, разбили вторгшиеся на русскую землю полчища Наполеона.

Генерал Воронов, бывший в то время начальником Тульского оружейного завода, писал в рапорте артиллерийскому департаменту о работе тульских оружейников:

«...Соразмеряя отечественным нуждам и усиливая рвение свое, трудились они день и ночь и все праздничные и табельные дни, определенные для свободы и отдохновения от трудов, употребляли на одно только дело оружия, торжествуя их в трудах, отечеству посвященных. Такова есть жертва оружейников...»

В Крымскую кампанию, когда героические защитники Севастополя испытывали острую нужду в штуцерах (нарезном оружии), которыми были вооружены их противники, тульские оружейники торжественно обещали сделать в часы отдыха и без оплаты 2 тысячи нарезных ружей и послать их в дар солдатам Севастополя. За три года, с 1853 по 1855, в Туле было

изготовлено 174 тысячи нарезных ружей.

На протяжении столетий тульские оружейники свято хранили свои славные традиции. В годы смертельной опасности для родины они работали «не щадя живота», чтобы помочь русским воинам одолеть врага.

Со временем из самопальных мастеров, расселенных в Кузнецкой слободе, за рекой Упой, сложилось славное и многочисленное сословие тульских оружейников. Росло и совершенствовалось их замечательное мастерство. От отцов к сыновьям и внукам передавался веками накопленный опыт и секреты оружейного производства.

Так возникли в Туле династии потомственных, русских оружейников. Из них вышло немало знаменитых мастеров, прославивших русское оружие на весь мир.

В ВЫВШЕЙ КУЗНЕЦКОЙ СЛОБОДЕ

Нижне-Миллионная улица серыми уступами сползла к реке. Ветхие, покосившиеся домики словно смеялись над названием улицы.

Ее название действительно никак не вязалось с вековой бедностью ее обитателей. Очевидно, «отцы города», наделившие улицу таким именем, были не лишены чувства юмора.

Однако другие улицы Заречья (так называлась промышленная окраина Тулы) носили самобытные названия, связанные с их многовековой историей: Штыковая, Ствольная, Курковая. Некогда тут находилась Кузнецкая слобода.

Здесь издавна ютился рабочий люд, ружейных и пушечных дел мастера, скромные русские умельцы, по преданьям, подковавшие «аглицкую блоху».

Жили оружейники большими семьями в крохотных, собственных или на долгий срок арендуемых домишках, неизменной принадлежностью которых были или маленькая кузня, или сарайчик для слесарных и кузнечных работ. В этих кузнях и сарайчиках трудились оружейники после работы на заводе, выполняя частные заказы.

Почти у каждого домика был разбит небольшой сад, под окнами росли рябины, березы, сирень.

В зимний вечер 1879 года к воротам небольшого домика на Нижне-Миллионной подкатили розвальни. Из них бойко выскочили двое; они помогли сойти укутанной в шаль женщине с ребенком и под руку вытащили сгорбленную старушку.

Она громко закричала:

— В избу, в избу младенца-то несите! — и, увязая в глубоком снегу, проковыляла через двор к маленькой кузне.

— Дед, слышишь ли! Мироныч, оглох, что ли? — кричала она простуженным голосом, стуча обледенелой рукавицей в заиндевелое окно. — Вернулась Саня из церкви, окрестили внука-то Васюткой!..

Так в семье потомственных тульских оружейников Дегтяревых появился новый человек — будущий мастер оружейного дела Василий Алексеевич Дегтярев.

Мальчик рос шустрым и смышленым.

В детские годы большое влияние оказывал на него дед Мироныч, который прививал внуку любовь к труду, развивал в нем любознательность.

Лет с семи пристрастился мальчик к дедушкиной кузне.

Придет, встанет у порога и подолгу смотрит, как дед кует железо. Особенно нравилось мальчику наблюдать за работой, когда деду помогали отец или кто-нибудь из мастеров, выполнявших роль молотобойца. Огромная кувалда со свистом падала на раскаленный кусок железа, во все стороны летели огненные искры. Васютка мечтал, что, когда вырастет, непременно станет кузнецом и будет вместе с отцом помогать деду.

Однажды, когда дед и молотобоец сели отдохнуть, Вася пробрался в кузню и, дотянувшись до лямки, стал ее дергать, пытаясь качать кузнечные мехи.

— Глянь, Мироныч, какой помощник у тебя появился!

Дед рассмеялся:

— От горшка два вершка, а в кузнецы лезет... Ну, ну, качай!

Вася изо всех сил потянул шест, потом выпустил лямку и больше уже не смог до нее дотянуться.

Дед встал и привязал к лямке веревку.

— Ну-ка, дергай теперь!

Мальчик, пыжась и краснея, стал качать кузнечные мехи. И вдруг, увидав, что угли в горне начали разгораться, радостно закричал:

— Дедушка, смотри, дедушка, смотри, загорелось!..

С этого дня дед стал пускать Васю в кузню и даже позволял качать мехи.

Постепенно Васютка сделался помощником деда: то угля подбросит в горнило, то клещи подержит, то мехи покачает.

Приходил он домой вместе с дедом чумазый, закопченный и с гордостью говорил:

— Вот и мы пришли. Кончили работу!..

По вечерам любил Вася послушать рассказы деда про житье-бытье. Рассказывал Мироныч мастерски! Послушать его всегда собиралось много народу: всем нравилось, что в рассказах деда была горькая, суровая правда о жизни простых рабочих людей..

— И вот поехал как-то раз государь в заграницу, — говорил дед тихим, ласковым голосом. — С ним целая свита увязалась: тут и генералы, и адмиралы, и попы, и повара — всех и не пересчитаешь! И каждый государю по своей части разные разности кажет. Кто, значит, книги, кто ковры разные, кто насчет монополии соображает, а генералы ружье заморское приволокли.

Как глянул на него государь, так и обмер от удивления. Ствол вороненый, с синевой, как у цыгана волос. А на стволе насечка, словно кто золотом расшил. Ложа из резного дерева, и на ней-то перламутром да слоновой костью узоры выведены. А замок уж так аккуратно да чисто сработан, что и царь диву дался. И велел он тут же купить это иноземное ружье, сколько б оно ни

стоило.

Генералы исполнили царский приказ.

Вот вернулся царь-государь в столицу и велит ему заморское ружье принести. Вытащили генералы ружье из сафьяна. Рассматривают, любуются, дивятся.

И вдруг видят на стволе золотом выведенную надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Вот тебе и заморская штуковина!..

А царь в колокольчик звонит: велит скорее ружье подавать. Как тут быть?.. Думали, думали генералы, да и соскребли золотые-то буквы. Так и не узнал царь, что это ружье сделал не иноземец, а наш тульский мастеровой...

Слушали деда, не переводя дыхания. Когда он заканчивал свой рассказ, Вася взволнованно спрашивал:

— Дедушка, а это правда?

— Знамо, правда! Вот и ты, ежели будешь учиться да стараться, может, таким же мастером станешь...

* * *

Дед Мироныч горячо любил оружейное дело и очень тосковал по нему, когда по старости уже не мог работать на заводе.

Заметив во внуке любознательность и способности к мастерству, дед стремился привить и ему любовь к оружейному делу.

Однажды дед повел Васю в заводской Оружейный музей. Они вошли в помещение, увешанное и уставленное всевозможным оружием. Вася восхищенно смотрел по сторонам. Тут были и шашки и тяжелые палаши, старинные фузеи и штуцера, современные винтовки и всяких размеров и систем пистолеты.

— Вот гляди, Васютка, примечай. Все это оружие сделали наши тульские мастера. Тут и мои изделия были, да сейчас опознать не могу.

Очень понравились Васе маленькие пистолетики на золотой цепочке.

— Дедушка, а эти пистолеты всамделишные?

— А как же? Самые заправские, знаменитый мастер делал — Медведков.

Вдруг в зал вошел стражник.

— Вы чего тут?.. Откуда взялись?.. Сейчас начальство идет...

Дед схватил внука за руку и потащил к выходу.

— Идем, Васютка, идем, сюда никого не пускают...

Дед был разгневан стражником, дорогой хмурился и что-то сердито бормотал себе под нос.

А Васютка возвращался домой радостный и счастливый. Перед глазами его, одно красивей другого, стояли ружья, палаши, шашки, пистолеты...

У самого дома он остановился и схватил за руку деда:

— Эх, дедушка, кабы мне научиться делать настоящие ружья, я бы сделал такое ружье, которое бы стреляло от нашего дома до самой Москвы!

— Ишь, чего захотел, — улыбнулся дед, и эта неожиданная улыбка расправила суровые морщины на его лице, сделала его добрым, приветливым. — Человек может многого достигнуть, Васютка, надо только стараться да не лениться.

* * *

После посещения музея Вася сильнее прежнего привязался к деду и стал проявлять еще большую любознательность. Теперь, придя в кузню, он не только качал кузнечные мехи или держал длинные клещи, помогая деду, но и старался узнать, что за изделия кует дед.

Когда дед становился к верстаку и выдвигал широкий ящик с инструментами, Васютка не давал ему работать.

— Дедушка, а это что за рогулька? — указывал он на кронциркуль. И, не дожидаясь ответа, спрашивал: — Зачем такой молоточек?.. А вот какие щипчики... Они нужны тебе?..

— До чего ты дотошный стал, Васютка, — отвечал Мироныч. — Мыслимое ли дело все разом объяснить?.. Гляди и примечай, что к чему. А мешать будешь — прогоню.

Вася умолкал, но ненадолго. Переминаясь с ноги на ногу, он опять начинал осаждать деда:

— Дедушка, а что крепче: железо или медь?

Мироныч, увлеченный работой, незаметно для себя пускался в объяснения и спохватывался лишь тогда, когда разговор действительно начинал ему мешать.

— Да отстанешь ли ты наконец?! — сердито прикрикивал он. — Иди лучше в бабки играть, от тебя не подмога, а одна помеха.

Васютка знал, что Мироныч быстро отходит. Поэтому, нахмурясь и уйдя, он минут через пять являлся снова.

— Дедушка, может, уголька подбросить?

— Уголька? Подбрось, пожалуй, да качни раз-другой, а то того гляди и потухнет в горне...

Дед был для Васи и учителем, и наставником, и другом.

Только дружба эта оборвалась неожиданно и слишком рано. Васе было всего восемь лет, когда, заболев, дед умер.

На мальчика смерть деда произвела тяжелое впечатление. Несколько дней он метался в горячке, бредил, но и оправившись от болезни, долго не мог забыть деда. Ни дела по хозяйству, в которых Вася как старший помогал матери и бабке, ни игры с товарищами, ни мастерство — ничто не могло рассеять его горе.

Но вот наступила осень.

Васю отдали в приходскую школу. Знакомый сапожник принес ему сапожки. Это была такая радость, что мальчик невольно забыл свою печаль. Первый раз в жизни ему довелось надеть собственные сапожки!

На другой день мать и бабка торжественно собирали его в школу. Вася шел гордо. Он видел, что соседские ребятишки из калиток и с заборов смотрели на него с великой завистью. Редко кто в то время из детей рабочих мог пойти учиться. Это было большим счастьем.

Зима пролетела незаметно. Учился Вася прилежно. Несмотря на то, что он был самым маленьким в классе, учитель нередко ставил его в пример остальным.

С наступлением летних каникул мальчик перебрался из дома в сарай, где устроил себе мастерскую.

Уже с этих пор стала проявляться в Васе страсть к изобретательству. Началось с того, что однажды вместе с товарищами он соорудил в саду настоящий фонтан. Вытащив во двор отца, Вася подвел его к клумбе и открыл кран. Над клумбой взвился водяной султан.

Обрадованный отец долго не верил своим глазам. Оценив труд Васи, дал ему двугривенный:

— Молодец, Васек! Вот тебе на пряники.

Вася купил на эти деньги книжку по механике, в которой вычитал о замечательном русском самородке — изобретателе Ползунове, построившем первую паровую машину.

Васю очень заинтересовал Ползунов и его изобретение. Ему захотелось больше узнать о судьбе русского изобретателя-самоучки.

Однажды он опросил отца:

— Папа, верно это, что был такой мастер Ползунов, который построил паровую машину?

— А ты откуда знаешь о нем? — удивился отец.

— Вот в книжке вычитал.

— Ишь ты!.. В книжке... Справедливо все это, сынок, только в книжке-то всего не опишут.

А был у нас на заводе механик, так тот сказывал, что великие муки испытал Ползунов, прежде чем сделал свою машину. Хозяин-то завода не любил машин, за них большие деньги надо было платить, а рабочие в то время работали почти вовсе задаром, вот и невыгодно ему было вместо них машину-то заводить. Бился, бился Ползунов, да так и помер в бедности. А один англичанин построил такую машину. И хотя после Ползунова, а его вон первым изобретателем считают.

— Почему же так бывает?

— А потому, что цари да слуги царевы не верят в простых русских людей, не дают им выбиваться на большую-то дорогу.

ПО ПРОТОРЕННОМУ ПУТИ

Смерть деда Мироныча тяжело сказалась на бюджете семьи Дегтяревых. Как ни старался отец Васи, его заработка не хватало на пропитание семьи. Чтобы не разориться вконец, пошел он к дедовским заказчикам и набрал у них работы на дом.

Установив в кузне еще дедом купленный ножной токарный станок, он стал на нем вытачивать различные детали, занимаясь этим по вечерам после работы на заводе и в воскресные дни.

Вася, сделав уроки, подходил к отцу и подолгу смотрел, как отец вытачивает медные детали для самоваров. Иногда отец подставлял к станку невысокую скамейку, ставил на нее сына и показывал, как надо работать на станке.

Вася быстро научился вставлять резец, обтачивать деталь, но, стоя на скамейке, он не доставал ногой до педали и не мог приводить в движение станок.

— Чистое наказание с тобой, Васютка, — говорил отец, — с полу не достаешь до резца, со скамьи не дотянешься до педали. Надо тебе, брат, подрасти. Иди-ка лучше к своим книжкам или пойди покатайся с горы.

Вася с обидой уходил, но мастерство так его манило, что через некоторое время он опять оказывался в кузне.

— Гляди, Алексей, сын-то и не отходит от тебя, — говорила старуха, — рукомеслу его учить надо, а не в школу посылать. Ишь, он какой смышленый до этого!

Отец хмурился и молчал. Не хотелось ему, чтобы сын пошел по той же торной дороге, по которой шел он сам и почти все дети мастеровых: в одиннадцать-двенадцать лет — на завод в ученики, потом — в подмастерья и так до тех пор, пока не выучится на слесаря, токаря или кузнеца.

Мечтал Алексей хоть одного из сыновей выучить, вывести в люди. И сам не верил, что эту мечту можно осуществить.

Как-то поздней весной Вася вернулся из школы радостный и счастливый. Он принес от учителя похвальный лист, выданный за успешное окончание приходской школы.

Вечером пришел учитель. Он долго убеждал родителей и бабку отдать Васю в гимназию и даже брался помочь определить его на казенный счет. Два месяца учитель и отец Васи обивали пороги управы, писали в Петербург, но хлопоты ни к чему не привели.

Однажды отец сказал сыну:

— Вот что, Васютка, теперь ты не маленький, должен сам

думать о себе. Лето побегал — и хватит! Грамоте учить тебя мне не под силу, так давай-ка, брат, учиться ремеслу. Будешь хорошим мастером, тогда и грамоту осилишь. Это никогда не поздно.

Через несколько дней Вася стал работать вместе с отцом на заводе.

Мальчика поставили за «шарманку» — машину, похожую на небольшой ящик. Эта машина, применявшаяся для испытания пружин, называлась «шарманкой» потому, что то и дело надо было крутить ее ручку. В этом и заключалась работа Васи. Сначала она показалась ему простой и легкой. Но за день он так уставал, что еле добирался до дому. От усталости сильно ныли руки.

Отец, выслушав его жалобы, сказал:

— Ничего, это с непривычки. Втянешься — пройдет! Ты старайся работать так, чтоб было ловчее, тогда и уставать не будешь.

Вася стал думать о том, как бы облегчить работу.

На другой день он притащил со двора низенький широкий ящик и, перевернув его, подвинул к «шарманке». Получился помост. С этого помоста стало удобней вертеть ручку «шарманки», можно было налегать на нее грудью. Работа пошла легче. Вася стал меньше уставать.

Однако вертеть ручку «шарманки» — небольшая наука, а Вася надеялся, что на заводе он будет учиться мастерству.

— Ну как, Васютка, работается? — спросил однажды отец.

— Что это за работа, — сказал Вася с недовольством, — только и знаю, что ручку кручу.

— Э, да ты, брат, видно, и не понимаешь того, что делаешь. Ведь ручку-то вертя, ты испытываешь пружины, а это главный механизм в винтовке. Сообрази-ка, если, скажем, в бою у винтовки откажет пружина, — что будет с солдатом?.. А то, что погибнет он ни за грош. Пристрелят его, как цыпленка, потому что без пружины его винтовка — палка. А ныне за пружинами особый глаз нужен.

— Почему же?

— Да потому, — продолжал отец, — что как раз в этом году завод начал производство новых трехлинейных винтовок, созданных капитаном Мосиным. Это такие винтовки, каких нет ни в одной стране мира. А ты для них испытываешь пружины — главный механизм. Этим ты должен гордиться. А что проста работа, так то ничего. И годов-то тебе всего одиннадцать. Пооглядишься да покажешь себя — тебе потрудней работу дадут. И научиться еще всему успеешь. Главное — была бы охота.

После разговора с отцом Вася изменил отношение к своей «шарманке»: стал за ней ухаживать, обтирать ее, смазывать. И работа на ней уж не казалась ему такой никчемной.

* * *

Прошли три года. Вася подрос, возмужал, ему шел уже пятнадцатый год, но работал он попрежнему на «шарманке». Чтобы продвинуться и получить лучшую работу, нужны были деньги на подарок мастеру, а у отца их не было.

За эти годы Вася хорошо изучил завод, завел себе товарищей.

Часто в обеденный перерыв он приходил в ствольную мастерскую, где работал браковщиком его сосед—рослый веселый парень Саша Синепальников, самый молодой из семьи знатных оружейников. Отец Саши долгое время работал с Мосиным и был отладчиком первых образцов знаменитой мосинской винтовки.

Другим товарищем Васи был сын слесаря Миша Судаков, работавший на этом же заводе.

В свободное время друзья любили поиграть в бабки.

В бабки в то время играли не только подростки и молодежь, но даже совсем взрослые, очень почтенные и уважаемые люди. Игра велась обычно на тихих улочках или во дворах.

Однажды вечером, когда друзья собрались, чтобы играть в бабки, Вася положил на ладонь Миши сверкающий медный биток, точную копию костяного.

Миша приподнял биток на руке:

— Какой тяжелый! Вот это да!

— Возьми на память! — неожиданно сказал Вася.

— А как же ты?

— А вот и мой! — ответил он, достав другой биток, но не из желтой, а из красной меди, и пояснил: — Для того, чтобы не путали. — И, испытующе посмотрев на Мишу, сказал: — В цехе один мастер сделал.

— Какой?

— Да там один старичок, ты не знаешь...

Новые битки оказались очень хорошими. Многие игроки завидовали друзьям. Стремясь обзавестись такими же битками, охотились за мастером. Но нигде его найти не могли.

Уже потом, через несколько лет, Миша догадался, что никакого биточного мастера на заводе не было, а битки эти Вася сделал сам, но по скромности не захотел в этом признаться.

Было у них и еще одно развлечение — лапта.

Чтобы быть в команде хорошим, надежным игроком, нужно было уметь сильно и далеко отбивать мяч. Вася не обладал большой физической силой. Но однажды он изумил всех. Принеся свою лапту, он ею отбивал мяч значительно дальше, чем самые сильные игроки. Миша попробовал его лапту — получилось то же самое.

Лапта была сделана из ручки деревянной лопаты с тяжелым концом. Преимущество этой лапты заключалось в том, что она оказалась намного длиннее и тяжелее прежней. Васина лапта, как и биток из меди, была оценена по достоинству всеми играющими.

* * *

Как-то стоя за «шарманкой», Вася заметил, что все рабочие пристально смотрят в проход между станками, откуда доносились приглушенные голоса.

Зарядив «шарманку» пружинами, он тоже повернулся в ту сторону. Вдоль цеха по расчищенному и подметенному проходу двигалась большая группа военных и штатских. Впереди всех быстро шел коренастый старик с пышной седой бородой, в светлой широкополой шляпе, в темной длинной рубахе и широких брюках, нависавших над сапогами. В руке у него была толстая палка, но шел он легко, не опираясь на нее.

Васю поразил быстрый и пронзительный взгляд из-под седых нахмуренных бровей. Казалось, что, проходя по цеху, этот человек заглядывал в души людей, работавших за станками, понимал, о чем они думают.

Вася, почувствовав на себе его взгляд, тотчас же взялся за работу и не успел рассмотреть ни самого старика, ни тех, кто его сопровождал.

Когда они вышли во двор, Вася отошел от «шарманки» и несколько секунд глядел в распахнутую дверь на удаляющегося старика.

— Васька, ты чего глаза-то пялишь, аль графов не видел? — спросил его сосед.

— Это разве граф?

— Это не только граф, это Толстой!

— Неужели тот самый?

Вася, и раньше слыхавший о Толстом, теперь вдруг захотел узнать о нем как можно больше. Но в цехе спрашивать было не у кого.

После работы Вася зашел к учителю. До позднего вечера пробыл он у Федора Ильича, слушая его рассказы о Толстом.

Домой Вася принес от него толстую зачитанную «Азбуку» Толстого, где были собраны знаменитые рассказы для детей. В этих простых, маленьких, удивительно ясных и правдивых рассказах был целый мир. Приходя с работы, Вася читал эту книгу, забывая обо всем. Многие рассказы он заучил на память и потом рассказывал их Мише и другим товарищам.

Возвращая учителю волшебную книгу, Вася спросил:

— Не писал ли Толстой про Ползунова — больно уж охота мне о нем побольше узнать.

— Нет, про Ползунова Толстой не писал, — сказал учитель. — Но вот в этой книге рассказывается о другом русском механике — Кулибине, советую почитать.

Новую книгу Вася прочел не отрываясь. Рассказ о том, как простой человек, мастер Кулибин, стал знаменитым русским механиком-инженером, взволновал Васю не меньше, чем история о Ползунове. Ему захотелось сделаться таким же изобретателем, как Кулибин и Ползунов, создать что-то ценное, нужное людям.

Прежде всего Вася решил усовершенствовать свою «шарманку»: вместо ручки приспособить к ней ножную педаль, как у отцовского токарного станка, или присоединить «шарманку» к трансмиссии.

О своих замыслах Вася рассказал мастеру Зубову.

— Ты чего же, мил паренек, хочешь? Не пойму.

— Хочу, чтобы легче работать было.

— Ишь, какой облегчитель нашелся. А тебе это зачем? Лоботрясничать хочешь, по дворам бегать, «чижа» гонять?.. Ведь ежели мы это самое приспособим, тебе, да и мне вместе с тобой, завтра могут по шапке дать. Отваливайте, мол, вам тут делать нечего, у нас машина есть... Так-то, запомни! А потом и другие причины имеются... На всякие там приспособления деньги нужны, а тебе сколько платят-то?.. Гроши? Вот и выходит, что тебя выгодней держать, чем машину заводить, мил паренек... Так что забудь лучше о своих облегчениях да помалкивай о том, что трудно... этак-то лучше... верней!..

Получив такую отповедь, Вася притих, но от замыслов своих не отказался: «Раз на заводе нельзя — буду делать дома».

Как-то, возвращаясь с завода вместе с отцом, он увидел мастерового, едущего на двухколесном самокате (велосипеде), которых в Туле тогда никто не видывал. Безусловно, этот велосипед был самодельный.

Мастеровой ехал медленно, тяжело нажимая ногами на педали переднего колеса и часто теряя равновесие.

Вася решил, что лучше было бы сделать этот самокат с тремя колесами: так он был бы устойчивее, а заднюю ось вращать при помощи цепной передачи, какие имеются у некоторых станков на заводе. Эта мысль не давала ему покоя всю дорогу.

«Конечно, — размышлял Вася, — с помощью передачи легче будет вращать колеса, и скорость получится больше». Твердо уверившись в правильности своих суждений, Вася решил создать свой самокат — на трех колесах и с цепной передачей.

На заводе в куче мусора он нашел старую цепную передачу, раздобыл колеса от поломанной детской коляски — и работа закипела...

Однажды в воскресный день Вася вышел на улицу со своей «машиной». Она казалась грубой, неуклюжей. Колеса ее были без резины, поэтому они грохотали, лязгали, скрипели. Окруженный толпой любопытных, Вася сел на велосипед и поехал под гору под дикое улюлюканье ребят и лай дворовых собак. Потом прокатился еще и еще. Наконец и среди ребят нашлись желающие прокатиться, и скоро от них не стало отбоя. Но так как «машина» двигалась медленно, ее единодушно прозвали «тихоходом». Васе было обидно. Он верил, что «машину» можно заставить ехать быстрее, и взялся за ее усовершенствование.

После долгих раздумий и трудов ему удалось с помощью отца отладить передачу, которая раньше «заедала». «Тихоход» стал двигаться быстрей и легче. Он стал любимым развлечением зареченских ребят, которые в воскресные дни толпами сходились на Нижне-Миллионную.

Удача с «тихоходом» очень обрадовала Васю. У него появилась надежда, что если он будет учиться у хороших мастеров, то со временем, быть может, сумеет сделать более совершенные «машины». Он стал досаждать отцу, чтобы тот помог ему перейти на другую работу. Осенью, попав в сборочный цех, где собирались мосинские винтовки, Вася получил возможность учиться оружейному мастерству.

Работая среди оружейников, Вася узнал от них немало нового, интересного из истории оружейного дела. Узнал он и о кровной обиде оружейников. Большое начальство зажимало изобретения русских мастеров, отдавало предпочтение иноземным изобретателям.

Возмущение оружейников было глубоко справедливо.

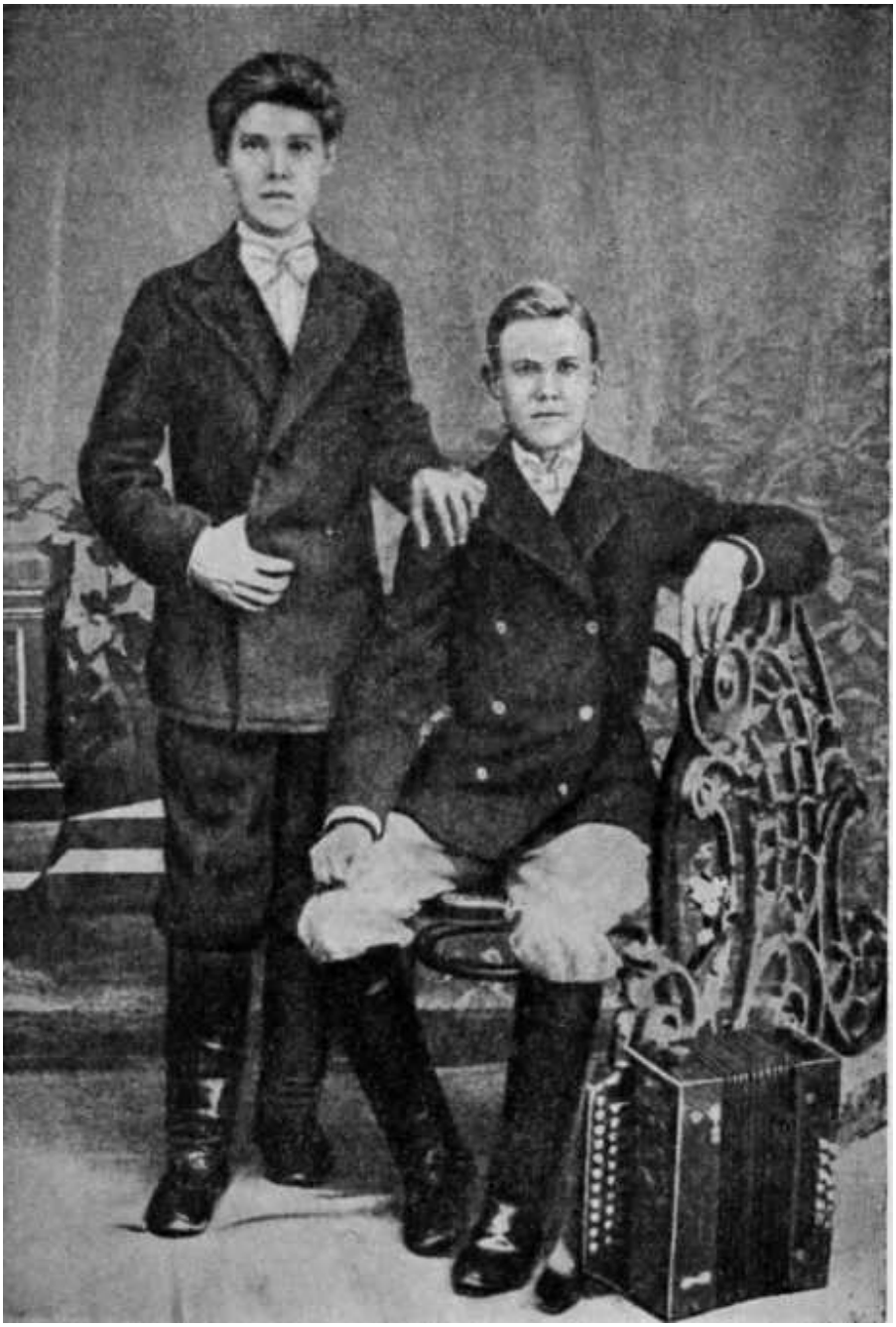
На протяжении многих десятилетий, вплоть до 1891 года, русская армия вооружалась иноземным, зачастую плохим и устаревшим оружием.

В Крымскую кампанию по этой причине русские войска оказались в катастрофическом положении,— у них почти не было

штуцеров (нарезных ружей), которыми были вооружены противники.

Штуцеры стреляли значительно дальше гладкоствольных ружей. Поэтому враг имел огромные преимущества. Только самоотверженность и беззаветная храбрость защитников Севастополя помогли им продержаться так неслыханно долго.

Тула в 90-е годы прошлого столетия.



В. А. Дегтярев (сидит) в 1900 году.

Перевооружение русской армии и после Крымской войны осуществлялось безалаберно. Системы новых винтовок, заряжающихся с казенной части, сменялись одна за другой с поразительной быстротой. В 1866 году на вооружение русской

армии была принята винтовка Терри-Нормана, через год, то-есть в 1867 году, ее заменили системой Карле, а еще через год — винтовкой Крнка. В том же году на вооружение была принята винтовка «Бердана № 1», а через два года, в 1870 году, этот образец заменили «Берданой № 2».

Эта винтовка оказалась лучшей и производилась в Туле на протяжении многих лет. Лишь в 1891 году на смену ей принимается отечественный образец винтовки системы Мосина.

Русское правительство тратило на перевооружение колоссальные суммы. Когда же начиналась война, Россия испытывала острый недостаток в новейшем оружии. Так было и в Крымскую кампанию и в русско-турецкую войну 1877—1878 годов.

Все это хорошо было известно тульским оружейникам. От них Вася Дегтярев узнал, что винтовку «Бердана № 1» усовершенствовал русский офицер Горлов. В армии ее многие называли «русской берданкой».

Здесь же на заводе Дегтярев впервые услышал от старых оружейников правдивую историю о судьбе русского изобретателя Сергея Ивановича Мосина — творца русской трехлинейной винтовки. Васе Дегтяреву довелось учиться у мастеров, которые были ближайшими помощниками Мосина и вместе с ним на протяжении десяти лет трудились над созданием винтовки.

В течение этих десяти лет Мосин не раз представлял свою винтовку на испытания, но комиссия по разработке винтовки всякий раз ес браковала. Между тем французы предложили Мосину за его оригинальное изобретение 600 тысяч франков.

Лишь в 1891 году военное ведомство России приняло мосинскую винтовку на вооружение армии. Однако по указанию царя Александра III ее лишили и родины и имени изобретателя, назвав «винтовкой образца 1891 года».

Поводом для столь несправедливого названия русского изобретения послужило то обстоятельство, что Мосин по настоянию комиссии применил в своей винтовке некоторые детали из винтовки Нагана, которая испытывалась одновременно, но была забракована.

Это незначительное заимствование явилось также причиной того, что иностранец Наган получил от царского правительства премию в 200 тысяч рублей, а фактический изобретатель винтовки — Мосин — всего 30 тысяч рублей.

После этих рассказов Вася Дегтярев долго думал о судьбе Мосина и о его замечательном изобретении.

Скоро ему довелось увидеть и самого изобретателя.

Как-то Мосин приехал на завод, и слух об этом быстро

распространился среди рабочих. Мосина с нетерпением ждали в цехах. После обеда в цех, где работал Вася Дегтярев, незаметно вошел высокий полковник с русой окладистой бородой.

— Мосин... Мосин, — пролетел шопот.

Имя Мосина тогда было известно каждому рабочему. Завод в то время изготовлял его винтовку, прекратив производство устаревших «берданок».

Вася вытянулся на носках, чтобы из-за станков получше рассмотреть знаменитого изобретателя.

Мосин подходил то к одному, то к другому мастеру, попросту здоровался с ними и дружески разговаривал, как со старыми знакомыми. Он интересовался мнением мастеров.

Конструктор очень понравился Васе простым и сердечным обращением с рабочими, которое редко случалось ему наблюдать на заводе.

Мосин скоро уехал. Но после этой встречи Васе еще больше захотелось попробовать свои силы в изобретательстве.

* * *

За последние годы отец Васи сильно сдал: похудел, осунулся. Его одолевал удушливый кашель. Все же он продолжал работать на заводе и дома, никогда не жалуясь на болезнь.

Стояла весна. Вешние воды отрезали город от деревенского мира, где была другая жизнь: распевали жаворонки и скворцы, зеленели необъятные просторы полей.

Отец Васи, страстно любивший природу, рвался в деревню, на свежий воздух лугов, в сосновый лес. В нем еще теплилась надежда, что целебный деревенский воздух «заврачует» его полуразрушенные легкие.

Когда просохло, он выпросил у соседей лошадь, отпросился на заводе и вместе с Васей поехал навестить родных. «Может, больше и свидеться не доведется», — думал он.

День выдался погожий, с ласковым, теплым ветерком. Когда выехали за город, отец оживился, повеселел, словно аромат весеннего цветения действительно помог ему.

— Как хорошо-то, Васютка, какой простор кругом, как много воздуха, солнышка, света!.. А жаворонки поют, будто в сказке... Все живет, цветет!.. Хорошо!..

Вася спрыгнул с телеги и пошел пешком. Минут через десять они оказались в лесу и так ехали около часа.

Но вот дорога свернула вправо, а лес отступил, открыв взору

широкие поля, покрытые густой зеленой озимью. Потом зелень сменили сочные, каштановые пашни.

— Васютка, видишь ли пахаря-то на пригорке?

— Вижу, а что?

— Да ты вглядись получше, может, признаешь?

Вася, прищурясь от солнца, стал всматриваться.

Пахарь — босой крепкий старик в соломенной шляпе, с длинной развевающейся на ветру бородой, бодро шел за сивой лошадью, изредка покрикивая: «Но-но... прямо!..»

— Не узнаешь?

— Нет! —ответил Вася.

— Да это же граф Толстой, которого ты читал.

Вася с изумлением смотрел на Толстого, идущего босиком.

— Вот, гляди, — продолжал отец, — барин, граф, их сиятельство, а пашет, как мужик, босиком идет за лошадью, а почему? Потому, что труд любит. Труд, батенька мой, первейшее дело на земле. От него и польза, и радость, и утеха!.. Теперь ты уж большой, пригляделся к жизни, понимаешь, что без труда не проживешь... А не дай бог умру я... ведь на тебя вся надежда...

Вскоре по возвращении из деревни отец занемог и, полежав с неделю, умер.

Семнадцатилетний юноша остался хозяином в доме и кормильцем большой семьи. За несколько дней он переменился: стал молчалив, серьезен не по годам. Чтобы заработать на пропитание семьи, поставить на ноги маленьких братьев, Василий на заводе и дома трудился за двоих.

К этому времени он стал уже опытным слесарем: умел работать на станках, знал и токарное дело и кузнечное. Но ему было всего семнадцать лет, поэтому он продолжал получать заработок ученика.

Чтобы спасти семью от обнищания и голода, он принужден был работать по вечерам дома, как это делал отец. После утомительного труда на заводе он становился к дедовскому станку и работал до тех пор, пока хватало сил.

Очень тяжело было качать педаль. Нога от этого немела, словно наливалась свинцом. Василий серьезно задумался над тем, как бы облегчить свой труд.

Ему хотелось придумать какой-нибудь двигатель, который вращал бы вал станка подобно заводским трансмиссиям и цепным передачам.

«Если бы не так далеко была река, — размышлял он, — можно бы подумать о водяном приводе».

Но так как реки вблизи не было, Василий решил применить силу ветра.

Юноше вспомнилась ветряная мельница, которую еще в детстве показал ему отец. Мельница эта поразила тогда Васю простотой своего устройства.

«А ведь, пожалуй, — подумал он, — хороший ветряк мог бы вертеть вал станка». И взялся за дело.

Соорудив ветряк из шести деревянных реек, он установил его на крыше дома. Затем при помощи конусных шестерен соединил стержнем этот ветряк с валом станка. Во избежание посторонних помех стержень, густо смазанный мазутом, был спрятан в водопроводную трубу.

Труба вместе со стержнем должна была пройти сквозь крышу и потолок. Для ветряка была задумана металлическая опора, увенчанная втулкой, которая позволяла ему поворачиваться навстречу ветру.

Сооружение, вначале показавшееся Василию простым, на самом деле потребовало большого труда. Но в юноше уже выработался упорный дедовский характер — стремление каждое начатое дело доводить до конца. Больше месяца провозился он со своим ветряком, но в конце концов завершил работу.

Ветряк можно было включать и выключать при помощи рычажка, от которого в дом была протянута проволока с петлей на конце. Дождавшись ветра, Василий включил ветряк, зажал деталь и, вставив новый резец, потянул за проволоку.

Деталь быстро завертелась. Василий, преодолевая волнение, направил резец. Послышался характерный певучий скрежет, и с резца упала золотистая стружка.

Василий продолжал обтачивать деталь. Вал станка вращался то быстро, то медленно, — очевидно, дул порывистый ветер. Все же работать было несравнимо легче и обточка шла много быстрей.

Василий вынул готовую деталь и, показав всем, сказал:

— Глядите, и пяти минут не прошло, а деталь готова, а отец за час обтачивал не больше пяти.

Через некоторое время он придумал для станка регулятор скорости, вал стал вращаться ровней, работа пошла лучше.

В первый же месяц работы на станке с ветряком Василий заработал почти втрое больше обычного. Получив деньги, он купил колбасы, кренделей, конфет и устроил настоящий пир. Его первое изобретение было признано всей семьей. Даже бабка, бранившая раньше его за «пустые затеи», добродушно сказала:

— Башковит ты, однако, Василий, в деда пошел!

Василий очень гордился первым своим изобретением и даже рассказал об этом мастеру на заводе.

Тот пришел, осмотрел станок, похвалил:

— Молодчина ты, Васюха! Мог бы ты большую пользу людям принести, да на заводе об усовершенствованиях и заикнуться нельзя...

Когда Василию исполнилось восемнадцать лет, он получил прибавку жалованья и стал меньше работать дома, отводя некоторые вечера для отдыха. Любил он в летнее время после работы посидеть в саду у своего старого друга Михаила Судакова. Иногда Вася приносил с собой гармонь, старенькую тульскую двухрядку, и часами играл старинные русские песни.

Играл он хорошо, с душой. Когда раздавались переборы его гармошки, то нежно-тоскливые, то залихватски-веселые, в окнах соседних домов показывались девушки и женщины, любительницы родной русской музыки. Они любили под гармошку завести песню, и та долго звучала над тихой, сонной окраиной...

Но друзьям уж недолго оставалось быть вместе.

Подошла осень 1901 года. В серый осенний день на вокзале собрались толпы народу.

Это жители города и окрестных деревень провожали новобранцев. Здесь были женщины и девушки в домотканных сарафанах, в лаптях, с узелками в руках и котомками за плечами, дряхлые старики с палками и трубками, мастеровые в сапогах в гармошку и косоворотках, фабричные девчата в ярких косынках. У длинного красного эшелона пели, плясали и плакали. Звуки множества голосов смешивались в сплошной, тяжелый шум.

Среди новобранцев стоял и Василий, окруженный родными. Тут были и бабушка, и мать, и живая черноглазая девушка Вера, его невеста, и младшие братья.

Но вот заревел паровоз. Скрежеща, повизгивая и пыхтя, он начал набирать скорость.

Толпа взвыла, послышались громкие крики, рыдания, топот бегущих за поездом новобранцев. Их подхватывали на ходу крепкие руки и затаскивали в вагоны.

И все эти крики, вздохи, рыдания покрывала затянутая в конце эшелона и подхваченная сотнями голосов разрывающая душу песня:

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек.
Заплачет вся моя семья...

СОЛДАТСКИЕ ГОДЫ

Василий Дегтярев и другие новобранцы думали, что их везут в Москву.

— Не горюй, ребята, — говорил веселый краснощекий парень, — от Москвы до Тулы рукой подать. В случае чего и на побывку дернем.

Кто-то заиграл на гармошке, кто-то затянул песню. До Москвы доехали незаметно.

В Москве сообщили, что эшелон пойдет в Петербург. Но Петербурга новобранцы так и не повидали. У самого вокзала эшелон отправили в тупик. А через несколько дней всех прибывших распределили по разным частям и городам.

Василий вместе с группой других туляков попал в Ораниенбаум. Их свели в баню, обрядили в солдатское обмундирование, поместили в унылые, мрачные казармы.

На другой же день началась обычная солдатская муштра. Новобранцы часами маршировали на широком поле полигона. Учились отдавать честь, изучали воинские уставы.

В Ораниенбауме в то время находилась офицерская стрелковая школа. При школе была большая оружейная мастерская. Работали в ней солдаты, отбывающие службу. Василий надеялся попасть в эту оружейную мастерскую.

Однако вскоре он понял, что при его скромности нечего и думать об оружейной мастерской: туда попадали единицы, да и то лишь после строевой подготовки.

Помог случай.

Через несколько месяцев после приезда в Ораниенбаум новобранцев начали обучать стрельбе из только что появившихся тогда пулеметов. Пулеметы были несовершенны и очень часто ломались.

Однажды пулемет отказал в стрельбе, и ни солдаты, ни офицеры, ни прибывший из мастерской механик ничего не могли с ним поделать. Офицер, обругав механика, пошел к начальнику полигона.

Василий, наблюдавший за тем, как механик разбирал и собирал пулемет, вдруг встрепенулся и побежал догонять офицера.

— Ваше благородие, дозвольте мне посмотреть пулемет, — может, сумею починить.

Офицер сердито взглянул на него и, с досадой махнув рукой, пошел дальше. Дегтярев, истолковав этот жест за разрешение,

подбежал к пулемету и качал его разбирать. Василий обрадовался, увидев любимые предметы. Ободряющие возгласы солдат придали ему уверенность, и он начал исправлять повреждение. Прошло не больше двадцати минут, как пулемет был исправлен и собран.

— А ну, братцы, кто желает испытать?

Подошедший солдат дал короткую очередь.

— Идет, ребята! — закричал он. — Вот что значит туляки-казяки!.. [2]

Услышав стрельбу, офицер вернулся и спросил Дегтярева:

— Починил?

— Так точно, ваше благородие.

— Молодец. Как фамилия?

Василий вытянулся и отрапортовал:

— Дегтярев Василий Алексеев...

После ученья офицер доложил о случившемся начальству, и смышленого солдата перевели в оружейную мастерскую.

Оружейная мастерская при офицерской школе поразила Дегтярева чистотой, опрятностью, обилием света. После прокопченных и грязных заводских помещений Василию она казалась необыкновенной.

Это первое и неожиданное впечатление вызвало в нем растерянность и смущение. Перешагнув порог, Василий остановился в нерешительности и стал осматриваться, к кому бы обратиться.

У станков и верстаков работали солдаты. Это показалось ему странным, но в то же время несколько успокоило: «свои», — подумал он и направился к столику, за которым сидел человек в штатском, с бритой головой.

Тот, заметив Дегтярева, закричал:

— Гуляй сюда!.. Дегтярев будешь?.. Работать пришел?

Этот бритый коренастый человек со скуластым лицом и бойкими черными глазками оказался мастером. Он говорил с сильным татарским акцентом, но фамилия у него была русская — Елин.

Расспросив Дегтярева о том, где он работал и что умеет делать, Елин хитровато посмотрел на него и подвел к верстаку.

— Вот твоя место, вот твоя инструмент, покажи, что умеешь.

Он отошел от верстака и скоро вернулся с винтовочным затвором.

— Смотри затвор: туда-сюда нажимаешь — работы нет, чинить надо.

Василий взял затвор и стал разбирать. Мастер постоял, посмотрел и, потирая руки, ушел к своему столу. Он был доволен,

что задал новичку трудную задачу. Над этим затвором накануне долго возился опытный мастер, но так и не починил его.

Дегтярев, разобрав затвор, сразу увидел повреждение и быстро сообразил, как его исправить. За многие годы работы на Тульском оружейном заводе Василий так хорошо изучил винтовку Мосина, что едва ли какая-нибудь поломка в ней могла его смутить.

Прошло не более получаса, как он уже подошел к Елину и положил ему на стол исправленный затвор.

— Готово, исправил!

Елин прищурился, недоверчиво посмотрел на затвор, потом на Дегтярева, затем снова на затвор, попробовал его раз, другой. Затвор щелкал у него в руках.

— Молодца! — сказал он Дегтяреву и, поманив пальцем других слесарей, заговорил скороговоркой: — Смотри: затвор делал всего полчаса, Дегтярев звать, из Тулы приехал. У нас будет...

Слесари, осматривая затвор, одобрительно говорили:

— Хорошая работа!

— Чисто сделано!

— Ну, пошел работать, — сказал Елин, хлопнув Василия по плечу. — Испытание сдавал, похвала получал!

С этого дня Василий стал работать слесарем в оружейной мастерской.

Несмотря на чистоту и порядок в помещении мастерской, оборудование ее почти не отличалось от заводского: станки были старые, инструменты тоже. Но в этой мастерской, что особенно обрадовало Василия, было собрано новейшее автоматическое оружие — пулеметы и пистолеты. Правда, это оружие было еще очень несовершенным, и мастерская существовала для того, чтобы исправлять это оружие, то и дело отказывавшее в стрельбе.

Василий старался как можно лучше ознакомиться с новыми образцами. Мастер Елин, заметив его любознательность, позволял ему после работы задерживаться в мастерской, а иногда и сам помогал разбирать и собирать некоторые системы.

— Учись, Дегтярев. Научишься — будешь сам пулемет делать.

В мастерской узнали об исправлении Василием на полигоне пулемета «Максим». С тех пор стали ему поручать ремонтирование пулеметов.

Прошло два года. Василий до тонкостей изучил эту систему и мог исправить любое повреждение. Его так и звали — «пулеметный мастер».

Специализируясь на ремонте станковых пулеметов, Василий одновременно изучал первые образцы ручных пулеметов и

пистолеты различных систем.

Как-то осенью, в тоскливый пасмурный день, когда Василий стоял у верстака, копаясь в разобранном механизме «Максима», послышался чей-то возбужденный голос:

— Ребята, новобранцев пригнали, пошли поглядим!

Василий вместе с другими вышел на крыльцо мастерской и стал всматриваться в пеструю толпу новобранцев.

Среди них он узнал своего старого друга Михаила Судакова. Жестами Василий стал объяснять ему, что рад встрече и что вечером придет в казарму.

За окном лил дождь. Было тяжело и тоскливо. Миша сидел на солдатском деревянном топчане и думал о том, что же сулит ему новая, солдатская жизнь.

Вдруг растворилась дверь, и перед ним вырос Василий, возмужавший, улыбающийся. Мигом исчезли грустные думы, и Михаил с радостью бросился в объятия друга. Они проговорили допоздна. Миша рассказал все новости о Туле, о родных Василия, о его невесте. Было решено, что Василий станет добиваться перевода Михаила Судакова в оружейную команду, где он сам числился.

Но добиться этого оказалось нелегко, хотя Судаков и был хорошим слесарем.

Лишь месяца через три, когда Михаил прошел положенное строевое обучение, его перевели в оружейную команду. Друзья стали работать в одной мастерской, жить в одной казарме.

Мастерская, помимо ремонта оружия, занималась изготовлением прицельных станков для новобранцев. При помощи такого станка новобранец закреплял винтовку в нужном, на его взгляд, положении, а проводивший учение офицер мог проверить, правильно ли тот прицелился.

Василий предложил сделать в этих станках кое-какие упрощения, отчего станки стали более удобными в обращении, а стоимость их изготовления снизилась.

По вечерам, в свободное от работы время, в казарме Василий раскладывал ящик с инструментами и приступал к починке пистолетов. Работы было много, так как по соседству находилась офицерская школа.

Дегтярева офицеры знали как замечательного мастера и всегда обращались к нему. Подрабатывая таким путем, Василий Дегтярев ежемесячно посылал немного денег матери, чтобы поддержать оставшуюся без кормильца семью.

СОЛДАТ СТАНОВИТСЯ МАСТЕРОМ

Ремонтируя различные образцы автоматического оружия, Дегтярев тщательно изучал каждую систему. Иногда небольшие переделки и усовершенствования в той или иной системе могли бы, на его взгляд, значительно улучшить ее боевые качества. Василий пытался об этом говорить Елину, но тот отмахивался:

— Твое какое дело? Пусть думает начальство, у него башка больше.

Василий понимал, что здесь также невозможно применить свои изобретательские способности, как и на заводе. Как бы ни был одарен солдат, начальство смотрело на него, только как на солдата, призванного нести воинскую службу. Как ни хотелось заняться Дегтяреву изобретательской работой, он принужден был откладывать свои мечты и желания до лучших времен.

Все же работа по ремонту различного оружия была для Дегтярева хорошей школой.

В те годы начали распространяться в России привозимые из-за границы автоматические пистолеты. Так как по сравнению с системой Нагана это оружие было более скорострельным, каждый из офицеров старался приобрести его. Охотно покупались пистолеты системы Браунинга, Борхардта-Люгера и Маузера. Новые пистолеты были очень непрочны. Они часто ломались, отказывали в стрельбе. В оружейной мастерской редкие мастера брались за их ремонт, а взявшись, часто не могли исправить повреждений.

Дегтярев же, благодаря исключительному чутью и пониманию оружия, легко разбирался в новых, иногда совершенно незнакомых ему системах и умел устранить любую поломку. Совершенствуясь в работе по ремонту различного автоматического оружия, он с каждым днем укреплял за собой славу лучшего оружейного мастера.

В 1904 году началась русско-японская война. Автоматическое оружие, особенно станковые пулеметы «Максим», спешно стали внедрять в армию. Но так как пулеметы часто ломались, потребовалось также в спешном порядке обучить войсковых оружейников ремонту этих пулеметов.

Начальник оружейного полигона при офицерской школе полковник Филатов организовал курсы войсковых оружейников, а обучение поручил лучшему оружейному мастеру Василию Дегтяреву. Обучая войсковых оружейников ремонту пулемета, Дегтярев одновременно научил их изготовлению наиболее

ломких и нужных деталей, как, например, ударников.

После подготовки войсковых оружейников Филатов получил новое задание — обучить стрельбе из пулемета группу ефрейторов. Вызвав к себе Дегтярева, он сказал:

— Вот что, Дегтярев. С первым заданием ты справился отлично и принес этим большую пользу. Сейчас поручаю тебе еще более трудное дело. Будешь обучать стрельбе из пулемета группу ефрейторов.

Дегтярев топтался в нерешительности. Стрельбе из пулемета он научился сам, без посторонней помощи и не имел ни малейшего представления о том, как следует учить этому других.

— Ну, что ж ты молчишь? — спросил Филатов, поглаживая густую пышную бороду. — Боишься?

— Никак нет, просто не знаю, с чего начинать.

Филатов расхохотался.

— А с чего ты начинал, когда обучал оружейников?

— С устройства пулемета.

— Вот и тут начинай с устройства. А если будет трудно, приходи ко мне.

Василий познакомился с Филатовым около двух лет назад в оружейной мастерской и сразу проникся к нему глубоким уважением. Филатов был большим знатоком оружейного дела и, пожалуй, единственным человеком в оружейной школе, кто оказывал внимание простым солдатам-оружейникам. Он всемерно поощрял способных мастеров, давая возможность им совершенствовать свой опыт и знания.

Выполняя задание Филатова, Дегтярев взялся за обучение ефрейторов стрельбе из пулемета.

Однако научить этому было в то время очень трудно. Иногда и очереди выпустить не успеют, как сломается ударник, надо его менять. Очень часто случались заедания и мелкие поломки. Дегтярев всегда имел при себе ящик с инструментами и запасными частями.

Пулеметы при стрельбе быстро перегревались, так как водяное охлаждение действовало плохо. Это было одним из самых больших недостатков пулемета системы Максима. Сделаешь несколько сот выстрелов, и вода в кожухе закипает; надо ставить пулемет на охлаждение или беспрерывно поливать холодной водой.

За это прозвали пулеметы «самоварами». Иногда ефрейторы, зная, что Дегтярев туляк, любили подшутить:

— Эй, земляк, выкатывай свой «самовар», пора чай кипятить!

После того как все ефрейторы выдержали положенный экзамен, Дегтярев, по настоянию Филатова, взялся за обучение

солдат.

Со временем благодаря усилиям Филатова занятия эти стали проводиться более организованно. В результате из отдельных обучающихся групп возникла в Ораниенбауме школа русских пулеметчиков, первым преподавателем в которой был рядовой солдат и оружейный мастер Василий Дегтярев.

* * *

Война с Японией, поглотившая уже десятки тысяч человеческих жизней, все еще продолжалась. Она была наруку фабрикантам оружия, получившим возможность подороже сбыть свою продукцию царскому правительству, оказавшемуся совершенно неподготовленным к войне.

В Россию один за другим ехали иностранные конструкторы со своими изобретениями. Стремясь .не упустить драгоценное для продажи время, некоторые везли явно недоработанные образцы, надеясь, что русские не будут особенно придирчивы, поскольку новое оружие им крайне необходимо.

Испытание привозимых из-за границы новых систем оружия производилось в Ораниенбауме, на оружейном полигоне, вблизи мастерской, где работал Дегтярев.

Известным конструктором в то время был Браунинг. В Ораниенбаум он привез автоматическую винтовку, которую готовил к испытаниям.

Как-то возбужденный вбежал он в мастерскую с винтовкой в руке. Положив винтовку на верстак, взялся за ее починку.

Все слесари прекратили работу и стали наблюдать за американцем. Они поняли, что его винтовка отказала на испытаниях, и сейчас он стремится исправить повреждение, пока не разошлись члены комиссии.

Оттого, что Браунинг спешил, работа у него не ладилась. Минут через десять он швырнул инструмент и, отойдя от верстака, закурил сигару.

Взгляд его упал на Дегтярева, стоявшего за соседним верстаком. Он поманил его к себе и через переводчика спросил, не может ли русский мастер исправить его винтовку.

Дегтярева очень интересовало новое изобретение Браунинга, и он, не задумываясь над тем, сможет или нет исправить повреждение, согласился и стал не спеша разбирать винтовку.

Круг наблюдающих стал тесней. Дегтярев чувствовал на себе взгляды товарищей и понимал, что они подбадривали его, как бы

говоря: покажи им. на что способен русский мастер!

Отыскав поломку, Дегтярев уверенно взялся за работу. Быстро исправив повреждение, он ловко собрал винтовку, щелкнул затвором и передал ее Браунингу.

— Карош русский! — закричал Браунинг и протянул Василию пачку долларов.

— Не возьму, — сказал Дегтярев и решительно отвел его руку.

Браунинг пожал плечами и, прибавив к пачке еще несколько бумажек, снова постарался вручить их Дегтяреву.

— Скажите ему, — обратился Василий к переводчику, — что я денег не возьму.

Тот с трудом убедил Браунинга положить деньги обратно в карман.

— Что может посоветовать русский мастер? — спросил Браунинг через переводчика.

— Надо крепче приладить штык, а то он соскакивает и мешает прицелу.

Браунинг записал, улыбнулся Дегтяреву и вышел. Вслед ему Дегтярев сказал:

— Забракуют его винтовку.

— Почему? — спросили сразу несколько человек.

— Сложна она, деталей много, от этого они мелкие, непрочные. Работать не будет.

Действительно, винтовку Браунинга забраковали. Она не выдержала положенных испытаний.

Встреча с Браунингом и знакомство с его винтовкой о многом заставили подумать Дегтярева. Он окончательно убедился в том, что заграничное оружие еще очень несовершенно. Ему захотелось изобрести свое русское оружие, которое оказалось бы самым лучшим и самым надежным в мире.

ОКОНЧАНИЕ СЛУЖБЫ

Срок службы Дегтярева в солдатах подходил к концу. Василий нередко задумывался над тем, что будет делать по окончании службы: останется здесь или поедет в Тулу? Ему хотелось осмотреть город, порасспросить: нельзя ли где поблизости снять комнатушку? Но солдат стали содержать еще строже, в город не отпускали. Офицеры старались, чтобы солдаты поменьше знали о событиях, происходивших в России. Однако солдатам удавалось узнавать почти все новости. Провал войны с Японией вызвал среди них глубокое возмущение. Они открыто ругали незадачливых генералов, а втихомолку и все правительство во главе с царем.

Бессмысленную гибель многих тысяч русских солдат и почти всего посланного на восток флота нельзя было ни оправдать, ни простить. Солдаты начинали понимать, что в этом позорном поражении виновато бездарное и насквозь прогнившее самодержавие.

Больше всего их возмущало то, что одной из причин поражения в этой войне был острый недостаток в русских войсках оружия, боеприпасов. Вернувшиеся из-под Мукдена солдаты рассказывали о том, что русские воины нередко сидели в окопах без патронов и, подпустив неприятеля вплотную, бросались в штыки.

Но храбрость солдат не всегда могла спасти отчаянное положение на фронте.

Преступную беспечность царского правительства Дегтярев и его товарищи могли наблюдать и здесь, в Ораниенбауме. Они были свидетелями того, что новейшее автоматическое оружие начали завозить в Россию лишь после того, как разразилась война. К началу русско-японской войны станковые пулеметы были в частях большой редкостью, а обучение пулеметчиков началось лишь перед самой войной.

В середине января от солдата, вернувшегося из петербургского госпиталя, Дегтярев и его товарищи узнали о кровавой расправе с безоружными демонстрантами на Дворцовой площади.

С каждым днем в казарму проникали все новые и новые слухи об этом преступлении.

На солдат эти известия производили ошеломляющее действие: в мастерской никто не хотел работать, все ходили понурые, мрачные.

— Будучи потомственным рабочим, — рассказывал впоследствии Дегтярев, — я переживал эти события очень болезненно.

Кровавые события 9 января зажгли сердце Дегтярева ярой ненавистью к царю и всему самодержавному строю. Он понял, что на борьбу с царизмом встает мощная сила — революционный трудовой народ.

Чувствовалось, что назревают бурные события. Прокатившаяся по стране весть о революционном восстании на броненосце «Потемкин» не могла не взволновать солдат.

Солдатская служба в то время была унизительной и тяжелой. Многие офицеры отличались грубостью, ругались непристойными словами, а при случае пускали в ход и кулаки.

В роте, где служил Дегтярев, был небольшой, черноглазый и черноусый офицерик, прозванный «Гнусом», от которого солдаты буквально плакали. Гнус придирался ко всему: к оторванной пуговице, к плохо оправленной рубашке, к рябому лицу, к кривым ногам, к смелому взгляду — и при этом обязательно угощал солдата зуботычиной.

Дегтярева спасало то, что он находился в нестроевой команде, где, к счастью, таких «служак» не было.

И все же он с нетерпением ждал того часа, когда, наконец, ему удастся вырваться из гнетущей казарменной атмосферы.

Но вот подошла осень, кончился срок службы. Василий был свободен.

За пять лет, прожитых в Ораниенбауме, ему ни разу не удалось по-настоящему осмотреть город. И сейчас, выйдя из стен казармы, он отправился вдоль улицы, совершенно не думая о том, куда она ведет.

Вскоре Василий подошел к старинному, в осеннем наряде, парку. Долго бродил он по тенистым аллеям, шурша опавшими листьями.

Но вот аллея кончилась, и Василий как зачарованный застыл перед небольшим прудом, в темных водах которого отразился великолепный белокаменный дворец.

Узкой густой аллеей, окаймляющей пруд, Василий подошел поближе к дворцу. Сквозь открытые окна ему хорошо было видно роскошное убранство комнат: гобелены, картины, ковры, множество всевозможного оружия.

Сторож — дряхлый худенький старичок, заметив постороннего наблюдателя, подошел к нему.

— Засмотрелся, солдатик? — мягко спросил он.

— Никогда не видел таких чудес, — сказал Василий, — будто это и не людьми создано.

— Нет, любезный друг, все это сделали простые русские люди, вроде как мы с тобой. Сам-то откуда будешь?

— Тульский я.

— Из мастеровых, значит. В Туле, известно, все мастеровые. Вот видишь, оружие-то развешано? Оно, говорят, почти все туляками сделано. Так и другое разное. Все народ делал. Крепостные мужики... Дворец-то этот, сказывают, еще князь Меншиков, друг Петра Великого, строил...

Покурив с дедом, Василий вышел из парка. Ему хотелось осмотреть все достопримечательности Ораниенбаума и обязательно увидеть море, которое давно манило его к себе.

Скоро дорога свернула в сосновый бор и стала подниматься в гору. Василий шел, вдыхая бодрящий смолистый воздух.

Вдруг сосны стали редеть, и за ними открылся безбрежный морской простор.

Усевшись на камень, Василий долго смотрел в серовато-синюю даль и думал о жизни.

Она представлялась ему таким же безбрежным морем. В ней, как в море, можно было наметить много разных путей. Но из всех этих путей надлежало выбрать один...

И Дегтярев выбрал его. Он принял твердое решение посвятить свою жизнь оружейному делу.

«Но как быть, — размышлял Василий, — ехать в Тулу или работать здесь?..»

Сердце его рвалось в родные места, к небольшой речке Упе, к яснополянским лесам.

«Тут я буду, как бобыль, а там свой угол, родные, близкие...»

Все складывалось к тому, чтобы ехать в Тулу, но жаль было расставаться с полюбившейся ему оружейной мастерской, с добрым наставником Филатовым, с мечтами об изобретательстве, которые здесь еще больше окрепли и не давали ему покоя.

Утром Дегтярева неожиданно вызвали к Филатову.

— Оставайся у нас вольнонаемным, — предложил он Дегтяреву. — Тебе, брат, учиться надо, а в Туле ты новому не научишься. Оставайся, дело тебе дам хорошее.

— Я бы охотно, да домой тянет!

— Ну что ж, съезди домой, повидайся с родней, погости, осмотрись, женись, а потом с молодой женой и приезжай. Место оставлю за тобой.

Василия обрадовало это предложение. Дав Филатову слово вернуться обратно не позже чем через месяц, он стал собираться на родину.

Из Тулы Дегтярев вернулся очень скоро.

Передав Михаилу скромные подарки от родных, рассказал,

что в Туле жизнь очень тяжелая: на заводе сокращение, и устроиться на работу нет никакой возможности.

— Ну что же, Васюха, оставайся здесь, будем жить вместе, — сказал Михаил. — Подыщешь комнатку — выписывай Веру, я буду к вам в гости ходить...

ВСТРЕЧА С ФЕДОРОВЫМ

Оставшись вольнонаемным, Дегтярев перешел работать в маленькую мастерскую, созданную при оружейном полигоне.

Мастерская помещалась в небольшой комнате деревянного дома, стоявшего на краю огромного поля.

В ней оказалось всего три станка — токарный, фрезерный и сверлильный — да несколько верстаков с тисками для слесарных работ. Кроме Дегтярева, там работали еще двое рабочих. Одного из них Василий узнал сразу — это был слесарь Колесников, знакомый ему по мастерской офицерской школы.

— Ну, как работается на новом месте? — спросил Дегтярев здороваясь.

— Один чорт, — недовольно отозвался Колесников, — только что там почище, а здесь погрязнее.

Проработав месяца два, Василий Дегтярев снял на окраине города маленькую комнатушку, вызвал из Тулы Веру и зажил своей семьей. По воскресеньям приходил к ним Михаил Судаков. На стол подавался фигурный тульский самовар, и начинались задушевные разговоры, воспоминания, расспросы...

Как-то, зайдя к Василию в мастерскую, Михаил застал его настолько поглощенным работой, что тот даже не заметил прихода друга.

— Над чем это ты мудришь, Васюха?

Дегтярев возбужденно и радостно стал рассказывать:

— Делаю занятную штуку для обучения солдат стрельбе. Филатов поручил.

— Что же это за штука, ты толком объясни.

— Движущиеся мишени... Раньше, бывало лупишь и лупишь по мишени, а она ни с места. На войне так не бывает: солдат то лежит, то бежит — попробуй подстрели. Вот Филатов и велел такие мишени придумать, чтоб походили на живых солдат: движущиеся и падающие. Я спрашиваю: «Есть ли где-нибудь такие?» — «Нет, — отвечает, — в том-то и штука, что надо самим выдумать». Эх, Мишуха, до чего по душе мне такая работа! Хлебом не корми, только дай что-нибудь выдумывать!

В мастерскую очень часто приходил Филатов, разговаривал с мастерами, присматривался, как идут дела, давал советы. Однажды, остановившись около Дегтярева, сказал ему:

— Ловко ты работаешь, Дегтярев, а главное — точно. А не сумел бы ты выточить из меди вот такие пульки?

Дегтярев взял бумажку, где карандашом был сделан набросок

пульки.

Пулька эта была не тупоконечная, которую знал каждый солдат, а остроконусная, совершенно незнакомая. Дегтярев задумался.

— Ну как, выточишь? — спросил Филатов.

— Постараюсь, ваше высокоблагородие.

— Ну, так приходи ко мне в три часа...

Когда Дегтярев вошел, Филатов сидел за столом, заваленным бумагами и книгами. Около него стоял молодой гвардейский офицер и показывал ему какой-то чертеж.

— Входи, входи, Дегтярев, — зарокотал Филатов. — Вот вам и мастер, Владимир Григорьевич, — обратился он к офицеру, — золотые руки. Подойди сюда, Дегтярев, познакомься. Это капитан Федоров, Владимир Григорьевич.

Дегтярев смущенно приблизился к столу. Офицер сам протянул ему руку и очень просто, по-деловому заговорил:

— Нам нужен хороший мастер, и Николай Михайлович рекомендовал вас. Вот посмотрите, — он развернул чертеж остроконусной пули, — здесь пуля увеличена в двадцать раз, и поэтому очень легко представить себе ее профиль. Сможете ли вы точно такую же выточить из медного прута? Должен предупредить, — продолжал Федоров, — работу нужно выполнить очень точно: отклонение от чертежа увеличит рассеивание пуль. Чертеж этот сделан профессором Михайловской артиллерийской академии генералом Петровичем на основании сложнейших математических вычислений по преодолению сопротивления воздуха пулями различной формы.

— Позвольте узнать, — спросил Дегтярев, внимательно всматриваясь в чертеж, — эта пуля должна быть самой лучшей?

— По расчетам так, но прежде чем дать окончательный ответ, нужно пули эти изготовить и подвергнуть тщательным и всесторонним испытаниям...

— Простите, Владимир Григорьевич, — прервал Филатов и обратился к Дегтяреву: — Твоя задача в том, чтобы выточить модель пули по данному чертежу. По твоей модели изготовят тысячи пуль и уже с теми пулями будут вести испытания. Если эти пули покажут превосходство перед старыми на испытаниях, они будут приняты на вооружение русской армии.

— Да, дело серьезное, — сказал Дегтярев.

— Ты, что же, испугался? — спросил Филатов.

— Оно, конечно, боязно... Оборудование-то у нас уж больно плохое...

— Ничего, ничего, Дегтярев, берись, торопить тебя не будем... Кроме тебя, некому это дело доверить.

— Вы напрасно боитесь, — сказал Федоров. — Все расчеты вам даны, нужно лишь строго следовать чертежу, вот и все.

— Вот в этом-то и штука, — возразил Дегтярев. — Ну, да я, думаю, справлюсь.

— Давно бы так! — обрадовался Филатов и, дружески хлопнув Дегтярева по плечу, сказал: — Он у нас молодчина и слову своему — хозяин. Ну, забирай чертеж и иди в мастерскую, я попоздней зайду. Да смотри, об этом — ни-ни: дело секретное!..

Дегтярев очень тщательно готовился к новой работе.

Она представлялась ему своеобразным экзаменом. «Сделаю пульку, — думал он, — будет мне доверие. Запорю — шабаш, кроме ремонта ничего не дадут».

Он тщательно подобрал инструмент, направил резцы, сделал заготовку шаблонов и двадцати маленьких медных болванок. Выверив станок, Дегтярев начал обтачивать пульки. Работа шла быстро. Обточив несколько болванок до нужного размера, он остановил станок и по предварительному шаблону стал тщательно вымерять пульки. Замеры его удовлетворили.

— Ну что ж, начнем доводку, — сказал Дегтярев и, зажав пульку в станке, стал снимать тончайшую стружку, часто останавливая станок и производя замеры.

К концу дня три пульки были готовы.

Когда Дегтярев стоял у окна и, глядя на свет, повертывал пульку, сличая ее с шаблоном, в мастерскую вошел Филатов.

— А ну-ка, Дегтярев, покажи, что ты сделал.

— Не выходит, ваше высокоблагородие, — сказал Дегтярев, передавая Филатову пульки и шаблон.

Тот поглядел на свет, повертел пульку в шаблоне.

— А по-моему, очень хорошо выходит. Смотри: просветы совсем крохотные. Старайся, Дегтярев, без старания ничего не сделаешь.

Через несколько дней приехал Федоров и, забежав на минутку к Филатову, направился в мастерскую.

— Здравствуй, Дегтярев, — весело оказал он входя. — Здравствуйте, братцы!.. Так вот какая мастерская у вас!.. Плоховато тут и темно. И станки старые. Как же вы работаете?

— Вот так и работаем, ваше благородие...

— Ну-с, Дегтярев, каковы успехи?

— Плохо, ваше благородие... не ладится что-то.

— Ну-ну, поглядим, — сказал Федоров и, достав лупу, стал рассматривать запоротые пульки.

— Так... А ну-ка, покажи, как ты работаешь.

— Извольте, — сказал Дегтярев и, зажав пульку в станке, стал ее обтачивать.

Федоров достал серебряный рубль и положил его на край станины. Рубль задрожал мелкой дрожью и, соскочив, зазвенел на полу.

— Да-с, дела, — сказал Федоров. — На этом станке пульку вы не выточите, — он вибрирует.

— Может, его прочней закрепить? — спросил Дегтярев.

— Не поможет: станок — рухлядь.

— Что же делать? — спросил Дегтярев. — Может, попробовать доделывать вручную?

— Нет, советую вам сделать нужного профиля резец. Если это удастся, тогда на малых оборотах вы, пожалуй, сумеете выточить пульки и на этом станке.

Дегтярев обрадовался, услышав эти слова. Он и сам думал сделать такой резец, но боялся, что начальство не одобрит трудоемкой работы. Теперь же при поддержке Федорова он мог смело браться за изготовление нужного резца.

Совет Федорова помог. Изготовленный Дегтяревым точнейшего профиля резец помог выточить не одну, а целую партию нужных пулек. Пульки подвергли лабораторной проверке: они соответствовали чертежу.

Месяца через полтора Федоров привез Филатову новый чертеж остроконусных пуль. Опять в кабинет был вызван Дегтярев.

— Вот тебе новое задание, Дегтярев, — сказал Филатов, показывая чертеж. — Что ты так смотришь? Это не та пуля, которую ты делал.

— А как же те? — спросил Дегтярев.

— Те, брат, не оправдали себя. При малом калибре пули оказывались очень острыми, а потому и мало прочными в отношении пробивной способности. Пришлось изменить очертание головной части. Попробуй-ка сделать вот эту модель.

Опять началась кропотливая и тонкая работа. Но теперь Дегтярев начал прямо с изготовления резца. Пульки были сделаны значительно быстрей. Федоров, тщательно проверив их на месте, отвез в Петербург.

Прошло порядочно времени, прежде чем Дегтярев узнал о результатах испытаний сделанных им пуль. На этот раз испытания были очень удачными. Новые остроконусные пули показали себя отлично: возросла дальность прямого выстрела и пробивная способность пуль, улучшилась их меткость и увеличилась отлогость траектории. Все это делало остроконусную пулю более боеспособной, чем тупоконечная, и она была принята на вооружение армии.

Встреча же с Федоровым оказала громадное влияние на всю

последующую жизнь и деятельность Дегтярева.

РАБОТА НАД АВТОМАТИЧЕСКОЙ ВИНТОВКОЙ

Еще в начале 1906 года Артиллерийский комитет утвердил проект капитана Федорова о переделке мосинской винтовки в автоматическую.

В случае успеха этих работ Россия закончила бы перевооружение своей армии новейшим оружием намного раньше любой из стран Западной Европы.

Филатов, будучи членом Артиллерийского комитета, горячо поддержал проект молодого конструктора. Чтобы ускорить работу, он предложил производить переделку мосинской винтовки в мастерской оружейного полигона и даже обещал выделить для этого дела лучшего слесаря-оружейника. Выбор Филатова снова пал на Дегтярева.

Вскоре после того, как Дегтярев получил радостное известие об успешных испытаниях остроконусных пуль, его вызвали к Филатову.

Дегтярев предчувствовал, что ему будет поручена какая-то новая работа, но то, что он услышал от Филатова, его изумило. Филатов предложил Дегтяреву заняться переделкой мосинской винтовки в автоматическую.

— Владимир Григорьевич разработал проект и чертежи, — сказал Филатов, — по этим чертежам и под его наблюдением и будешь работать.

Ввиду секретности предстоящих работ Дегтяреву отгородили в мастерской угол.

Получив от Федорова чертежи и указания на первое время, он с воодушевлением принялся за дело.

«Неужели действительно, — думал он, — мы сделаем винтовку, которая будет стрелять, как пулемет?»

Через три дня неожиданно приехал Федоров.

— Здравствуй, Дегтярев! Не ожидал? Я и сам не думал сегодня быть, но так хотелось взглянуть на твою работу, что не утерпел, отпросился и, как видишь, приехал.

— Очень рад, ваше благородие.

— Да какое там благородие, зови меня просто Владимиром Григорьевичем, а я буду звать тебя Василием, согласен?

— Согласен, Владимир Григорьевич. Ваше задание выполнил.

— Вижу, вижу, — говорил Федоров, осматривая детали. — Отличная работа! Если и впредь так будешь стараться, дело у нас

пойдет!

— Пойдет, Владимир Григорьевич! Буду стараться!

Дегтярев действительно старался. К приезду Федорова все, что ему задавалось, бывало сделано. Рассматривая детали, Федоров высказывал свои суждения об их прочности и конструкторских особенностях.

Иногда разговор заходил о других системах автоматического оружия, Федоров с изумительным знанием дела критиковал эти системы, говоря об их достоинствах и недостатках. Дегтярев жадно впитывал его слова.

Иногда Федорова задерживали в Петербурге, и он не приезжал в намеченные дни. Тогда Дегтярев, работая самостоятельно, нередко придумывал какие-нибудь упрощения в деталях. Федоров за это хвалил и поощрял мастера.

Лето и осень прошли в упорной работе. И Федоров и Дегтярев трудились с воодушевлением, но когда работа стала близиться к завершению, их творческий азарт начал остывать. Тому и другому становилось ясно, что конструкция не удалась. Из-за внешней коробки, надетой на подвижной ствол, система получалась тяжелой и громоздкой. Но главная неудача была в затворе. Затвор открывался с поворотом. При стрельбе не хватало силы пороховых газов на его полное открывание. Федоров долго думал над тем, как добиться более легкого открывания затвора. Постепенно он пришел к мысли, что винтовку Мосина переделать в автоматическую нельзя.

Еще до представления проекта переделки мосинской винтовки у Федорова возник замысел создать автоматическую винтовку совершенно оригинальной конструкции. Тогда он не решился предложить свой проект. Но теперь он энергично взялся за проектирование.

В 1907 году проект Федорова был утвержден Артиллерийским комитетом, и Дегтярев получил от Филатова задание начать изготовление нового образца, коренным образом отличающегося от переделочного и от других систем автоматических винтовок, проектировавшихся в различных странах.

Автоматическая винтовка Федорова была разработана так же, как и переделочный образец, — по принципу подвижного ствола, но затвор двигался не с поворотом, а прямолинейно. При прямолинейном движении затвора тратилось меньше силы на трение. В новой системе было и еще одно преимущество: изобретатель смог отказаться от внешней коробки, что значительно облегчало винтовку. Затвор со стволом крепился не ствольной коробкой, а при помощи двух боковых, симметрично

поставленных личинок.

При выстреле затвор и сцепленный с ним личинками ствол давлением пороховых газов отбрасывались назад. Это движение затвора и ствола продолжалось до тех пор, пока боевые личинки, натолкнувшись на выступы в неподвижной коробке, не останавливали ствол и не разъединяли с ним затвор. Освобожденный затвор в силу инерции продолжал движение назад и сжимал находящуюся сзади возвратную пружину. Та, в свою очередь, выпрямлялась и одновременно с подачей в ствол нового патрона двигала затвор на место.

Такое своеобразие и в то же время простота устройства винтовки Федорова выгодно отличали ее от иностранных опытных образцов, имевшихся в Ораниенбауме, системы Банга и Галле.

Обе эти винтовки были чрезвычайно сложны и несовершенны. По ним можно было лишь учиться тому, как не следует проектировать новое автоматическое оружие.

У винтовки Галле было очень усложнено заряжение. Чтоб вставить патрон, ее нужно было поворачивать вверх магазином.

Дегтярев, знавший иностранные образцы, сразу же оценил преимущества федоровского проекта и взялся за изготовление его винтовки еще с большим увлечением.

Ему хотелось доказать, что русские изобретатели, к которым с таким пренебрежением относилось царское правительство, способны сделать оружие, которое будет гораздо лучше хваленых иностранных образцов.

Но осуществить это в тех условиях, в которых трудился Дегтярев, было нелегко. Дегтярев попрежнему принужден был работать в примитивной, почти кустарной мастерской, а конструктор винтовки Федоров, будучи докладчиком в Артиллерийском комитете, не был освобожден Оружейным отделом от исполнения своих непосредственных обязанностей и мог приезжать к мастеру лишь два раза в неделю. Артиллерийский комитет хотя и вынес решение о разработке автоматической винтовки, но практической помощи не оказывал. На изготовление нового образца автоматической винтовки было выделено всего 500 рублей. Оружейный полигон на эти деньги едва мог содержать одного слесаря, а о приглашении чертежников и других специалистов не могло быть и речи.

Трудность создания автоматической винтовки заключалась еще и в том, что Федоров и Дегтярев были пионерами в разработке нового оружия в России. Автоматических винтовок, принятых на вооружение, в то время не было. Пулеметы и автоматические пистолеты являлись оружием другого типа.

Пистолеты при выстреле развивали несравнимо меньшее давление пороховых газов, чем винтовка. Поэтому автоматическую винтовку нужно было рассчитывать совершенно иначе.

Станковые пулеметы тоже нельзя было брать в качестве примера ввиду допускаемого в этом оружии сравнительно тяжелого веса и больших габаритов.

Проектируя новую автоматическую винтовку, Федоров опирался на свой теоретический труд «Автоматическое оружие» и на тот опыт, который был накоплен им в период работы над переделочным образцом (мосинской винтовкой).

Но чем труднее была работа, чем больше оказывалось преград, тем сильнее увлекались Федоров и Дегтярев и тем крепче становилась их вера в окончательный успех.

Опыт работы над переделкой мосинской винтовки очень пригодился и Дегтяреву. Теперь он все части винтовки делал быстрее. В его работе появились уверенность, решительность, твердость. Он даже перестал жаловаться Федорову на плохие станки.

Федоров был свидетелем того, как на этих ветхих, сработанных станках Дегтярев изготовлял все части винтовки и даже некоторые необходимые инструменты.

Как-то, пригласив в мастерскую Филатова, он показал ему изделия Дегтярева. Филатов, осматривая калибры, восхищенно говорил:

— На наших станках сделал. Талант! Золотые руки!

— Да, но каких усилий это стоит, Николай Михайлович. Я не могу так продолжать работу над винтовкой и прошу вашей поддержки о перенесении всех опытных работ на Сестрорецкий завод.

Филатов горячо поддержал просьбу Федорова. Но пока она рассматривалась в военном ведомстве, Дегтярев продолжал свою работу в маленькой комнатушке с одним окошком.

Несмотря на трудности, работа шла успешно Судя по главным частям винтовки, можно было надеяться на успех. Эта надежда окрыляла Дегтярева.

* * *

Больше года проработал Дегтярев над изготовлением опытного образца автоматической винтовки Федорова.

Наконец настал долгожданный день, когда винтовка была

готова.

Собрав и отладив винтовку, Василий с наслаждением проверял взаимодействие ее частей, осматривал чистоту отделки. Винтовка Браунинга, делавшаяся на первоклассном американском заводе, не могла соперничать с ней чистотой работы, а главное — отладкой. Но каких трудов это стоило!

— Вот, Владимир Григорьевич, получите вашу винтовку, — сказал Дегтярев, передавая Федорову сверкающий образец.

Федоров взял винтовку и дрожащими от волнения руками произвел полную разборку и сборку.

Осмотрев винтовку, он положил ее на верстак и, крепко пожав руку Дегтяреву, ушел к Филатову.

Скоро он вернулся обратно озабоченный.

— Почему вы так невеселы, Владимир Григорьевич?

— Рано веселиться, Василий. Боюсь, не получилось бы так, как с переделочным образцом. Испытания назначены на послезавтра.

Дегтяреву были понятны опасения Федорова, и он постарался его успокоить:

— Владимир Григорьевич, уж вы поверьте мне, винтовочка ваша не осрамит нас: в ней каждый винтик сделан на совесть.

В назначенный день на стрельбище собралась комиссия. Винтовку рассматривали и в собранном и в разобранном виде и лишь после этого разрешили стрельбу.

— Кто будет стрелять? — спросил председатель комиссии.

— Дозвольте мне! — попросил Дегтярев.

— Нет, нет, а вдруг винтовка разорвется? Стрелять буду я сам! — решительно сказал Федоров и изготовился к стрельбе.

Члены комиссии предусмотрительно отошли подальше. Федоров нажал спусковой крючок. Прозвучали выстрелы... И вдруг стрельба прекратилась.

Федоров, опустив винтовку, вскинул затвор.

— Застряла гильза.

— Это ничего, сейчас отладим. — Дегтярев разложил на траве инструменты.

Через некоторое время винтовка была в боевой готовности.

— Разрешите испробовать мне? — попросил Дегтярев.

— Хорошо, попробуй! — разрешил Федоров.

Дегтярев лег на траву, поставил локти, прицелился и нажал на крючок. Послышались громкие, четкие выстрелы. Василий нажал еще — и опять загрохотала винтовка.

Тут уж и Федоров не выдержал, — подбежав к сияющему Дегтяреву, он стал горячо трясти его руку.

НА СЕСТОРЕЦКОМ ЗАВОДЕ

Испытания продолжались несколько часов. Выяснилось, что у винтовки ненадежна возвратная пружина. При длительной и частой стрельбе она так ослабевала, что не могла задвигать затвор. Приходилось досылать его рукой.

Были обнаружены и другие недостатки. При длительной стрельбе, когда патронник и ствол сильно нагревались, застревала гильза, иногда настолько сильно, что ее приходилось выбивать шомполом.

Все же винтовка стреляла неплохо. И комиссия должна была признать за Владимиром Григорьевичем Федоровым неоспоримое первенство в создании действующей русской автоматической винтовки. Это дало основание Федорову решительно потребовать перенесения всех опытных работ на Сестрорецкий оружейный завод: там было больше возможностей для усовершенствования винтовки.

Дегтярев давно мечтал перебраться в мастерскую, где были бы хорошие станки, инструменты, калибры. Поэтому известие о переводе в Сестрорецк он принял с радостью.

На заводе работа по усовершенствованию винтовки пошла более споро. Тут к услугам Дегтярева были отличные инструменты, новые станки, лучшие материалы. Когда он пришел в кладовую попросить сталистой проволоки для пружины, ему предложили проволоку не только различных сечений, но, главное, разных марок: твердую, среднюю, мягкую, различной прочности и упругости.

Такой ассортимент проволоки очень помог исследовать действие винтовки при увеличении количества выстрелов. Были сделаны различные по силе и упругости пружины. Из них выбрали наиболее подходящую Но и она не удовлетворила изобретателей. Обычно винтовка хорошо работала в начале стрельбы, в особенности при хорошо смазанном патроннике, но при длительной стрельбе вследствие нагревания патронника и отсутствия смазки учащались случаи невыбрасывания гильз и неполного отхода затвора. В этих случаях силы пороховых газов не хватало.

Требовалась какая-то новая деталь, которая усиливала бы отбрасывание затвора.

Нужно было срочно что-то придумывать.

Долго Федоров и Дегтярев ломали головы над устранением каверзного дефекта, вспоминали другие образцы оружия, но

сделать пока что ничего не могли...

Однажды Федоров приехал радостный и возбужденный.

— Наконец-то придумал, придумал ускоритель, — заговорил он и стал объяснять Дегтяреву свое приспособление.

Оно оказалось очень простым и оригинальным. На стволе винтовки Федоров предложил установить маленький рычажок (ускоритель). При выстреле нижний конец рычажка должен был наталкиваться на неподвижный упор короба, а верхний — ударять по затвору и с силой откидывать его назад, помогая выбрасывать гильзу.

Сделать и установить ускоритель было нетрудно. К следующему приезду Федорова он был готов и при стрельбе блестяще оправдал возлагаемые на него надежды.

Ускоритель был настоящей находкой: винтовка стала стрелять долго, почти без задержек. Но в ней оказалось много мелких недостатков.

Так как над подгонкой винтовки трудился один Дегтярев, работа затянулась на долгие месяцы.

Одновременно с Федоровым и Дегтяревым над созданием автоматического оружия работали изобретатели Рощепей, Токарев и Фролов. Им приходилось еще труднее: технического образования они не имели, никакой технической помощи со стороны администрации не получали.

Дегтярев часто слышал от Федорова о хорунжем Токареве, который работал над автоматической винтовкой и уже в то время добился значительных успехов.

Токарев был выходцем из простых казаков. Благодаря большим способностям и упорству ему удалось окончить ремесленную школу и юнкерское училище в Новочеркасске.

Дегтяреву, который встречал Токарева еще в Ораниенбауме, очень хотелось познакомиться с ним, поговорить о работе, поделиться своими мыслями. Но сделать это было невозможно: оба они выполняли секретную работу и разговаривать о ней не имели права.

С изобретателем Рощепеем, бывшим рядовым слесарем, Дегтярев был знаком и дружен, но и с ним говорить об изобретательстве он не мог, тем более, что делал не свою винтовку.

Дегтярев, работая над федоровской винтовкой, на удачах и недостатках этой системы неустанно учился конструкторскому искусству.

Сравнивая изготовляемую винтовку с автоматической винтовкой Браунинга, которую ему пришлось чинить в Ораниенбауме, Дегтярев находил, что русский изобретатель во

многом превзошел американца.

Винтовка Федорова по своей конструкции была настолько проста, что разобрать ее ничего не стоило даже не искушенному в оружейном деле человеку. Винтовка же Браунинга была сложна и недоступна для простого солдата. Благодаря простоте устройства винтовка Федорова обладала более крупными деталями и потому была прочной и надежной.

Дегтяреву очень хотелось обстоятельно познакомиться с другими образцами автоматического оружия. Он стал просить Федорова достать ему какую-нибудь книгу, в которой были бы описаны образцы новейшего оружия.

Федоров вскоре привез не только книгу, но и подробнейший атлас с чертежами всех известных образцов автоматического оружия.

Уже после отъезда Федорова Дегтярев, рассматривая книгу, прочел на ней надпись:

«Моему сотруднику Василию Дегтяреву с благодарностью и уважением от автора. В. Федоров».

Книга Федорова и атлас не только восстановили в памяти Дегтярева до мельчайших подробностей все образцы автоматического оружия, виденные им в Ораниенбауме, но и рассказали о том, чего он раньше не знал.

Теперь почти в каждый приезд Федорова Дегтярев урывал несколько минут, чтобы расспросить его о некоторых системах, получить разъяснение мучивших его вопросов по автоматике. Федоров к любознательности Дегтярева относился чрезвычайно внимательно и охотно помогал ему разбираться в тайнах автоматики. Дегтярев платил ему самоотверженной работой над образцом.

Сам Федоров впоследствии так писал об этом в своем труде «Оружейное дело на грани двух эпох»:

«С самого начала наших работ я нашел в В. А. Дегтяреве исключительно способного и притом преданного своему делу работника, живо интересующегося всеми новостями оружейного дела и, в особенности, конструкциями автоматического оружия.

Первые образцы моих винтовок были всецело изготовлены руками В. А. Дегтярева, причем им были лично внесены в разрабатывавшиеся системы некоторые усовершенствования и улучшения».

В процессе работы над автоматической винтовкой дружба Федорова и Дегтярева все время крепла. Но, несмотря на огромные усилия с их стороны, работа над винтовкой продвигалась чрезвычайно медленно.

«Необходимо отметить при этом, — писал впоследствии

Федоров, — те громаднейшие трудности, которые неизбежно при конструировании нового образца должны были преодолевать в то время все оружейные конструкторы.

Проектно-конструкторских бюро тогда еще не было, лицам, разрабатывавшим какую-либо систему, не оказывалось от Главного артиллерийского управления никакой помощи в отношении чертежников, квалифицированных рабочих, хороших станков. Самый же главный недочет заключался в том, что не было еще никакого опыта по конструированию образцов оружия — надо было вспахивать целину».

При дальнейших предварительных испытаниях федоровской винтовки обнаружился новый серьезный дефект: при длительной стрельбе деревянное цевье сильно нагревалось, а при остывании коробилось, мешая скольжению ствола.

Над устранением этого недостатка бились долго и упорно. Цевье и ложу склеивали из различных древесных пород, клали асбестовые прокладки, — ничто не помогало. Помеху удалось устранить лишь тогда, когда деревянное цевье заменили металлическим, пустотелым.

Когда винтовка была почти совсем отлажена, специалисты заявили, что выбрасывание гильз вверх недопустимо: они могут, блестя на солнце, демаскировать стрелков. Нужно было гильзы выбрасывать вперед. Это повлекло за собой новую работу — изменение размеров отражателя.

С того дня, когда Дегтярев еще в Ораниенбауме взялся за изготовление федоровской винтовки, прошли долгие годы. Уже давно Михаил Судаков кончил службу и уехал в Тулу. У Дегтярева росли дети — сын и две дочки. А он все продолжал работать над усовершенствованием опытного образца.

Только в 1912 году, после пяти лет напряженного труда, первая русская автоматическая винтовка системы инженера Федорова, сделанная руками слесаря Дегтярева, выдержала полигонные испытания. Сестрорецкому заводу было заказано 150 таких винтовок для более широких войсковых испытаний.

Дегтярев гордился тем, что его труды не пропали даром, что в России, наконец, появилось свое отечественное автоматическое оружие.

РУССКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Накануне первой мировой войны группа русских оружейников упорно работала над созданием отечественного автоматического оружия. Русские изобретатели добились серьезных успехов по сравнению с оружейными конструкторами западных стран.

Автоматическая винтовка Федорова прошла полигонные испытания. Конструктором Федором Васильевичем Токаревым было изготовлено несколько образцов его оригинальной автоматической винтовки. Серьезных успехов в конструировании добились изобретатели Рощепей, Колесников, Коновалов, Фролов и другие.

Но царское правительство даже и накануне войны не изменило своего преступно-пренебрежительного отношения к русским конструкторам.

Когда Николаю II представляли в Ораниенбауме выпускников офицерской школы, в их строю находился и подъесаул Токарев, только что закончивший разработку образца автоматической винтовки.

Начальник школы, желая похвастаться своими выпускниками, сказал царю:

— Ваше величество, вот подъесаул Токарев, он изобрел автоматическую винтовку.

— Надо подъесаулу помочь, — ответил царь и, даже не взглянув на Токарева, проследовал дальше. Его слова растаяли, как случайный звук. Никакой помощи Токарев не получил.

Даже тогда, когда русские военные агенты доносили о лихорадочной подготовке к войне немецких войск и о принятии там на вооружение новой боевой техники, правительство России не приняло никаких мер к перевооружению.

Именно в то время Николай II посетил Михайловское артиллерийское училище, где Федоров, уже будучи полковником, читал курс стрелкового оружия.

Войдя в аудиторию, царь сел с юнкерами и, дослушав лекцию, подошел к Федорову.

— Полковник, вы изобрели автоматическую винтовку?

— Так точно, ваше императорское величество.

— Я против ее применения в армии, — сказал царь.

— Осмелюсь спросить, почему?

— А... для нее не хватит патронов...

Ответ царя поразил Федорова: если накануне мировой войны так мыслил царь, какой помощи могли ждать от него русские изобретатели-оружейники?

Тем не менее все они продолжали упорно и настойчиво работать.

В 1912 году, после успешных испытаний автоматической винтовки, сделанной им под существующий (штатный) патрон, Федоров разработал новый, малокалиберный патрон (6,5 миллиметра), с улучшенной баллистикой, с гильзой без закраины. Патрон этот получил одобрение, и Федоров немедленно взялся за разработку нового, малокалиберного образца своей винтовки. Система винтовки осталась прежней, были изменены только ее размеры и конструкция магазина.

Изготовление этого образца опять было поручено Дегтяреву.

Дегтярев с увлечением взялся за дело. Он надеялся, что новая винтовка получится еще лучше: ведь теперь и у Федорова и у него был многолетний опыт конструкторской работы.

Первая в России малокалиберная винтовка была сделана, и в 1913 году она успешно выдержала комиссионные испытания.

Сестрорецкий завод получил заказ на изготовление 20 экземпляров новых винтовок, а патронные заводы — на 200 тысяч патронов к ним. Дегтярев, назначенный старшим мастером по изготовлению винтовок, успешно руководил работой.

Но вот началась первая мировая война.

Казалось бы, теперь военное министерство должно было немедленно ускорить производство новейшего оружия. Этого ждали все оружейники. Но получилось наоборот.

Приказом военного министра Сухомлинова все опытные работы по производству автоматического оружия на военных заводах были прекращены, а сами оружейники отправлены на фронт. Не избежал этой участи и Токарев, новый образец автоматической винтовки которого уже был близок к завершению.

Федоров надеялся, что образцы его винтовок, находящиеся в производстве, будут доделаны и отправлены на фронт. Но надежда эта оказалась напрасной. Недоделанные части его винтовок были упакованы в ящики и брошены в подвал, а Дегтярев назначен мастером на завод. Изобретатель же сложенного в подвал новейшего автоматического оружия Федоров в составе военной миссии был командирован в Японию, чтобы договориться о приобретении для русской армии старых японских винтовок.

Так по воле преступного министра закончилась эпопея с

изобретением и производством первой русской автоматической винтовки. И это случилось в то самое время, когда русские солдаты гибли на полях сражений из-за катастрофического недостатка оружия.

ПЕРВОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Около шести лет Василий Дегтярев проработал на Сестрорецком заводе, но у него почти не было друзей. Ввиду секретности заданий работать приходилось в одиночку, избегая излишних знакомств.

Он знал, что на заводе существуют тайные революционные кружки, где читается запрещенная литература, обсуждаются политические события. Дегтярева влекли к себе революционно настроенные рабочие, но он не мог и подумать о сближении с ними.

С переходом на работу в цех Дегтярев скоро познакомился с некоторыми рабочими-революционерами. Его стали приглашать на рабочие маевки, которые устраивались в лесу на берегу Разлива. Разливом назывался огромный пруд, образовавшийся от разлива реки Сестры, запруженной около завода. Город как раз и стоял на реке Сестре, отсюда и название его — Сестрорецк.

Впоследствии, в 1917 году, близ станции Разлив в шалаше из веток и сена жил и работал, скрываясь от преследования Временного правительства, Владимир Ильич Ленин.

Маевки устраивались обычно в воскресные дни. Рабочие уходили в лес под разными предлогами: кто за грибами, кто за ягодами, кто за шишками для самовара, кто рыбачить... Все сходились в условном месте, расставив надежные дозоры.

На маевках читалась нелегальная литература, призывавшая к организованной борьбе с самодержавием, пелись революционные песни.

С маевок Дегтярев приходил радостно-взволнованный. Он понимал, что рабочие теперь не те, которых он видел в Туле пятнадцать лет назад. Рабочие, руководимые большевиками, превращались в грозную силу, готовившуюся к решительной битве с царизмом.

Дегтярев с волнением замечал, что и сам он теперь уже не тот тихий и замкнутый слесарь-солдат, каким был в Ораниенбауме. Он начинал понимать, что правду, о которой мечтали его дед и отец и тысячи других рабочих-оружейников, нужно искать у большевиков.

* * *

В годы войны Дегтярев задумал создать такое автоматическое ружье, которое отвечало бы запросам современного боя. Таковым, на его взгляд, мог быть автоматический карабин — оружие маневренное, легкое и боеспособное.

Только сейчас, думая над разработкой собственной системы, Дегтярев понял, как много дал ему многолетний опыт практической работы над автоматической винтовкой Федорова. Он был отлично знаком со всеми известными образцами автоматического оружия, знал их положительные и отрицательные стороны и ясно представлял, в каком направлении следует работать над их усовершенствованием.

Задумав создать систему с неподвижным стволом, действующую по принципу отвода пороховых газов, Дегтярев решительно отказался от широко разрабатываемой тогда системы автоматического оружия с подвижным стволом (пулеметы Максима, Виккерса, Мадсена, Шоша, автоматические винтовки Федорова, Токарева, Чельмана, Манлихера, Браунинга).

Он подал докладную записку начальнику Сестрорецкого завода генералу Залюбовскому, подробно описав задуманную им систему и прося разрешения вести работы по разработке ее на заводе во внеурочное время. Но Залюбовский даже не ответил на это письмо.

Тогда Дегтярев, дождавшись прихода Залюбовского в цех, обратился к нему с устной просьбой.

— Что за изобретения? — закричал генерал. — Все опытные работы по оружию прекращены министром, теперь война, извольте работать на нее — делать обыкновенные винтовки и не заикаться больше ни о каких карабинах.

— Так ведь в неурочное время! — пытался протестовать Дегтярев.

— Не рассуждать! — заревел генерал. — Кто тут начальник?!

Было ясно, что Залюбовский не изменит своего решения, и Дегтярев нашел другой выход. Он написал родным и Михаилу Судакову, который демобилизовался и теперь жил в Туле, чтобы они отправили в Сестрорецк дедовский токарный станок, а сам потихоньку занялся заготовкой необходимых материалов, из осторожности пряча их на заводе в укромном месте.

Прошло некоторое время. Дегтярев, полагая, что Залюбовский забыл о сцене в цехе, стал оставаться по вечерам и делать на заводе наиболее сложные части для своего карабина.

Залюбовский, узнав об этом, немедленно откомандировал Дегтярева в Ораниенбаум, где требовался опытный мастер на оружейном полигоне.

Проработав несколько месяцев в Ораниенбауме, Дегтярев

снова вернулся в Сестрорецк. К тому времени прибыл из Тулы дедовский токарный станок. Дегтярев обрадовался ему, как старому другу: теперь он мог не зависеть от строптивого начальника завода.

Перетащив запасенные материалы с завода домой, он отладил станок и начал обработку деталей для своего карабина. Заниматься карабином ему удавалось лишь в вечерние часы, после одиннадцати-двенадцатичасовой работы на заводе. Однако влечение к изобретательству было так велико, что оно побеждало усталость, давало ему силы для творчества.

От вечерней работы, от переутомления и недосыпания Василий ослаб, похудел, стал жаловаться на недомогание, но глаза его горели веселым огнем. Дела с карабином шли хотя и медленно, но успешно.

Наконец карабин был готов. Теперь Дегтярев ждал случая, чтобы изобретенное им оружие вынесли на стрельбище и опробовали. Без этого нельзя было производить окончательную отладку.

Но случай этот не приходил. Военным властям не было никакого дела до изобретателя-самоучки.

Приди Дегтярев в Арткомитет, с ним бы и разговаривать не стали.

Единственно, на что мог надеяться молодой изобретатель, так это на помощь Федорова и Филатова. Но где был Федоров, никто на заводе не знал, а к Филатову поехать никак не удавалось.

Однажды, отпросившись у мастера, Дегтярев поехал в Ораниенбаум, думая увидеть Филатова, который был там начальником офицерской школы. Когда доложили о Дегтяреве, из кабинета Филатова послышался зычный знакомый голос:

— Давай его сюда!

Дегтярев вошел.

— А ты, брат, легок на помине. Садись. Мы, наконец, получили разрешение доделать винтовки Федорова в мастерской стрелковой школы. Ими будет вооружена специально сформированная первая команда русских автоматчиков.

— Я очень рад, что, наконец, разрешили доделать наши винтовки.

— А чего это стоило! Завод загружен работой по производству трехлинеек: на фронте катастрофическое положение с винтовками — целые корпуса стоят безоружными... А если ты рад взяться за сборку и доделку автоматических винтовок, так немедленно приступай к работе. Все наши слесари будут тебе помогать.

И Дегтярев, отложив разговор о своем карабине до более удобного случая, переехал в Ораниенбаум и занялся доделкой винтовок, которые к тому времени были привезены из Сестрорецка.

Дегтярев попал в мастерскую, где он, еще будучи солдатом, впервые познакомился с автоматическим оружием, где попрежнему работал мастер Елин. Слесари-солдаты, узнав, что Дегтярев сам когда-то отбывал здесь службу, приняли его как своего. Работа пошла дружно, весело. Он почувствовал себя так, как будто вернулся в родной дом.

Филатов ежедневно приходил в мастерскую, осматривал работу, спрашивал, нужна ли какая помощь, торопил.

Во время сборки винтовок, в начале 1916 года, вернулся из длительной командировки Федоров, который и принял непосредственное участие во всех работах.

Конструктор и мастер встретились в мастерской.

Федоров, только что вернувшийся с французского фронта, а до этого пробывший около года на русском фронте, рассказал Дегтяреву о том страшном положении, в каком оказалась русская армия в первые месяцы войны из-за нехватки оружия. Работники генерального штаба на пополнение убыли оружия во время войны запланировали всего 600 тысяч винтовок, тогда как потери оружия составляли ежемесячно 200 тысяч винтовок. Через каких-нибудь полгода на фронте многие дивизии из-за нехватки винтовок находились в резерве и не могли принять участия в боях. Свежие пополнения, приходившие в запасные батальоны, вместо винтовок получали палки, с которыми проходили обучение.

Русское правительство надеялось на помощь союзников и с этой целью посылало к ним военные миссии. Федоров в числе членов таких миссий ездил в Японию, Англию, Францию. Ему удалось вырвать несколько сот тысяч винтовок.

— А между тем, — рассказывал Федоров, — я видел сконцентрированные на Западном фронте колоссальные запасы военного снаряжений, половину которого союзники могли бы переуступить России без всякого ущерба для себя. Но они этого не сделали. Такова была плата за то, что русские, начав преждевременное наступление на Восточном фронте, ценою жизни многих тысяч своих солдат отвлекли немецкие корпуса от Марны на восток и тем спасли союзников от разгрома!..

— Огромное значение в этой войне, — говорил Федоров, — приобрело легкое автоматическое оружие: главным образом ручные пулеметы и отчасти опытные автоматические винтовки. Ими вооружены и немцы и наши западные союзники. У нас же это

оружие в войну запрятали в подвалы и извлекли только сейчас. Я написал письмо в Артиллерийский комитет с просьбой разрешить мне завершить начатую работу, надеюсь создать русское ружье-пулемет и хочу спросить тебя, Василий, согласен ли ты работать вместе со мной?

— Я с радостью! — ответил Дегтярев.

— Больше мне ничего не надо.

* * *

Дегтярев с большим смущением рассказал Федорову о своем изобретении.

Федоров заинтересовался самостоятельной работой своего ученика. Он долго и внимательно осматривал пятизарядный карабин Дегтярева.

— Пробовал стрелять? — спросил Федоров.

— Стрелял, действует.

— Ну что ж, Василий, поздравляю. Поздравляю от души! Это лучший карабин из всех, которые мне доводилось видеть.

Федоров задумался с Дегтяреве. Перебирая в памяти многие системы, он не находил ничего похожего на то, что сделал Дегтярев. Разработанная им система отличалась простотой устройства. Отвод пороховых газов с применением толкателя с муфтой, а также способ расцепления двух симметричных личинок, расположенных в горизонтальной плоскости, с помощью скосов на крышке казались удивительно простой и надежной основой автоматики.

Федоров был растроган успехом своего ученика и, приехав домой, немедленно написал отзыв о карабине Дегтярева:

«Эта система представляет собой замечательный образец по легкости, компактности и удобству стрельбы...»

Но, несмотря на хороший отзыв Федорова, Дегтяреву так и не удалось продвинуть свое изобретение. Его попытки стучаться в военное ведомство натолкнулись на приказ военного министра, категорически запрещающий какие бы то ни было опытные и изобретательские работы по оружию во время войны.

РУССКИЙ АВТОМАТ

Вскоре после возвращения с фронта Федоров писал начальнику Главного артиллерийского управления о громадном значении в боях ручных пулеметов, или, как их тогда называли, ружей-пулеметов, и требовал постройки в России специального пулеметного завода.

— Ружья-пулеметы, — докладывал Федоров, — имеют большие преимущества перед автоматическими винтовками и тяжелыми станковыми пулеметами. Они могут развивать более интенсивный огонь, чем автоматические винтовки, и заряжаться на ходу вставными магазинами. Малый вес и компактность делают этот тип оружия наивыгоднейшим в атаках, где почти неприменим тяжелый станковый пулемет, и удобным при действии в окопах, где невозможно повернуться с длинной винтовкой.

Федоров указывал, что его автоматическая винтовка может быть переделана в такой тип оружия, и просил дать ему возможность заняться этой работой. Его предложение было принято.

Проект Федорова по переделке его автоматической винтовки в новый тип оружия был составлен с расчетом наименьших изменений системы при наибольшей экономии средств и времени. Федоров стремился сделать оружие еще более легким и маневренным, чем примененные на Западе ручные пулеметы (ружья-пулеметы) Мадсена, Шоша, Льюиса.

Он предлагал взять за основу для будущего образца малокалиберную винтовку его системы, укоротить ствол с 800 до 520 миллиметров, установить обычный карабинный прицел, ввести заряжание не только обоймой, как это было сделано в его винтовке, но и вставным магазином на 25 патронов, по способу ручных пулеметов. Он стремился создать оружие не только для одиночной, но и для непрерывной стрельбы, как это уже было сделано им в винтовке 1911 года под штатный патрон.

Ознакомившись с проектом переделки автоматической винтовки Федорова в новый тип оружия, Дегтярев очень обрадовался. Этот проект убеждал его в том, что сам он шел по правильному пути, создавая свой пятизарядный автоматический карабин — оружие легкое, компактное и удобное в бою.

Дегтярев с большой охотой взялся за новую работу. Ему хотелось, чтобы в России был создан тип отечественного ручного пулемета.

Над изменяемым образцом Дегтярев работал с не меньшим увлечением, чем над автоматической винтовкой. Теперь Федоров почти все время находился в Ораниенбауме, и Дегтярев в любую минуту мог получить консультацию или совет. Переделка образца шла быстро.

В это время в Ораниенбауме при деятельном участии Федорова велось формирование и интенсивное обучение команды автоматчиков 189-го Измаильского полка. Дегтярев торопился. Собираемые им 60 автоматических винтовок системы Федорова и 8 ручных ружей-пулеметов той же системы, с некоторыми ее изменениями, после испытаний должны были получить стрелки первой команды русских автоматчиков.

Поздней осенью 1916 года все восемь образцов нового типа автоматического оружия были Дегтяревым закончены. Испытания, проводимые в Ораниенбауме, показали хорошие результаты. В декабре 1916 года первая команда русских автоматчиков отправилась на фронт. Новый тип оружия был назван, по определению Филатова, «автоматом Федорова» и после длительных войсковых испытаний не только в указанной пехотной команде, но главным образом в авиации, и после получения хороших отзывов был заказан в количестве 15 тысяч экземпляров Сестрорецкому заводу. Это был прообраз первого автомата для пехотных частей в России и во всем мире. Однако из этого заказа, выданного с большим нежеланием, царское правительство не изготовило ни одного экземпляра.

С. И. Мосин — конструктор русской трехлинейной винтовки.

Конструкторы-оружейники. Слева направо: стоят — Колесников, Дегтярев; сидят — Коновалов, Федоров, Токарев (1920 г.).

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!

Успех автомата Федорова принес Дегтяреву большую радость и в то же время заставил его опять задуматься над своим изобретением.

«Неужели несколько лет тяжелой работы в невообразимо трудных условиях пропали даром? — размышлял он. — Неужели мой карабин окажется хуже тех, которые привозили из-за границы?» С этим он не мог примириться. Дегтярев был готов участвовать в любом соревновании с заграничными изобретателями, но ему не удалось добиться даже того, чтобы изобретенный им карабин был осмотрен комиссией и испытан в стрельбе.

Директор завода Залюбовский к изобретателям-самоучкам относился с пренебрежением: и на порог их к себе не пускал.

Дегтярев пробовал обращаться со своим изобретением в военное министерство, писал в Главное артиллерийское управление, в Артиллерийский комитет, но отовсюду получал один бездушный ответ: «Теперь война, не до вас».

Новый, 1917 год начался стачками и демонстрациями рабочих в Петрограде, Москве, Баку, Нижнем Новгороде.

18 февраля в Петрограде началась забастовка путиловских рабочих. К ним примкнули рабочие других заводов, и через четыре дня в Петрограде было охвачено забастовкой большинство промышленных предприятий.

Политическая стачка стала перерастать в общую политическую демонстрацию против царизма.

24 февраля (9 марта) в забастовке участвовало около 200 тысяч рабочих, а 25 февраля (10 марта) революционное движение охватило весь Петроград. По улицам шли рабочие с красными знаменами и лозунгами: «Долой царя!», «Долой войну!» «Хлеба!»

26 февраля (11 марта) политическая стачка и демонстрация начинают перерастать в попытки восстания. Рабочие стали разоружать полицию и жандармерию и вооружаться сами. В ответ на это на Знаменской площади была расстреляна рабочая демонстрация. Царь отдал приказ командующему Петроградским военным округом генералу Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки».

Но «прекратить» революцию царь уже оказался бессилен. Войска отказывались стрелять по рабочим и открывали огонь по отрядам конных городовых.

27 февраля (12 марта) войска начали переход на сторону

рабочих. К утру 27 февраля к рабочим примкнуло 10 тысяч солдат, а вечером того же дня восставших солдат было уже свыше 60 тысяч.

Быстрый переход войск на сторону рабочих решил исход революционной борьбы. Царское самодержавие было низвергнуто.

Эта победа оказалась возможной благодаря тому, что рабочий класс возглавил движение миллионных крестьянских масс, переодетых в солдатские шинели, за мир, хлеб, свободу.

«Революцию совершил пролетариат, — писал В. И. Ленин, — он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения...» [3]

Революция в Петрограде всколыхнула всю страну.

На Сестрорецком заводе неожиданно заревел гудок, рабочие бросили работу и с песнями и знаменами двинулись на митинг. По рядам пролетела радостная весть: «В Петрограде — революция, спихнули царя!»

Рабочими революционными дружинами, руководимыми большевиками, были арестованы городские и воинские власти. В городе не прекращались бурные митинги, шествия с революционными песнями. Из уст в уста передавалось светлое, желанное слово — «свобода».

— Теперь все пойдет по-другому! — говорили рабочие. — Теперь вздохнем!..

Но надежды эти скоро рухнули.

Завоевания революции, добытые ценою крови тысяч рабочих и солдат, были преданы меньшевиками и эсерами, которые помогли крупным фабрикантам и помещикам сформировать Временное буржуазное правительство.

Временное правительство вместо того, чтобы дать народу мир и свободу, опять погнало на убой сотни тысяч солдат.

И снова Дегтярев был принужден забыть о своем карабине, отложить мечты об изобретательстве и работать на заводе по выполнению очередных заказов для фронта.

Однако Дегтярев, поддерживавший дружбу с передовыми, революционно настроенными рабочими, знал, что партия большевиков готовит рабочий класс к новой битве за полную и окончательную победу революции. На заводе из рук в руки ходила газета «Рабочий путь», призывавшая рабочих к решительной борьбе с силами буржуазии.

7 октября из Финляндии нелегально приехал В. И. Ленин, а 10 октября состоялось историческое заседание ЦК партии, на котором было решено в ближайшие дни начать вооруженное восстание. Оно началось 24 октября.

Утром 25 октября Дегтярев приехал в Петроград, чтобы повидать Федорова и расспросить его о результатах применения в боях первых образцов отечественных автоматических винтовок.

...Было холодно. Дул резкий, пронзительный ветер, а трамваев, как назло, не было. Постояв минут двадцать на остановке, Дегтярев, подняв воротник, отправился пешком. Чем дальше он шел, тем чаще его обгоняли вооруженные люди. Вот прогрохотал грузовик с матросами. Пересек улицу отряд вооруженных рабочих.

«Что-то готовится!» — подумал Дегтярев и зашагал быстрее.

Над головой его загрохотали выстрелы. Кто-то стрелял с крыши. Дегтярев бросился на другую сторону улицы и добежал до угла. Перед ним была большая площадь с памятником в центре. Стрельба раздавалась со всех сторон. Кто в кого стрелял — понять было нельзя.

Из ворот одного дома на площадь с раскатистым «ура» бросились люди с винтовками, как показалось ему, рабочие, но среди них были и матросы, обвешанные патронными лентами. Двое из них, втащив «Максим» на пьедестал памятника, стали бить по окнам дома на противоположной стороне площади, откуда раздавались выстрелы.

Через несколько минут стрельба стихла и над домом взвился красный флаг.

Наскоро построившись, отряд рабочих и матросов зашагал мимо Дегтярева. Лица идущих были возбуждены, на бушлатах и куртках развевались алые ленты.

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе, —

сильным, мужественным баритоном затянул правофланговый.

В царство свободы до-ро-о-гу
Грудью проложим себе,—

дружно подхватил весь отряд.

Дегтярев взволнованно смотрел вслед уходящим...

Вдруг та же песня зазвучала в другом конце площади, откуда, четко отбивая шаг, шли солдаты с красными ленточками в лацканах шинелей. Их обогнал грузовик с вооруженными рабочими, за ним другой, третий...

Рабочие, матросы, солдаты, студенты с красными флагами, с

боевыми революционными песнями двигались к центру.

— Что же это происходит? — обратился Дегтярев к спешившему мимо матросу.

— Революция, браток, буржуев идем бить!

«Эх, вот бы сейчас мне карабин! — подумал Дегтярев. — Да ведь и у нас, наверное, тоже революция... Что же я тут стою?..»

И он бегом бросился к вокзалу.

Над вокзалом уже полыхал алый флаг. У входов стояли рабочие патрули с красными повязками.

— Стой, кто такой?.. Пропуск! — крикнул один из них, преграждая Дегтяреву путь.

— Рабочий из Сестрорецка, — ответил Дегтярев.

— Проходи, товарищ, эшелон в Сестрорецк стоит на путях.

Дегтярев выбежал на платформу, где суетились вооруженные рабочие и матросы, усаживаясь в товарные вагоны, и побежал к паровозу, надеясь найти коменданта.

Комендант в кожаной тужурке, с маузером на ремне, кричал:

— Пулемет — на площадку паровоза, быстрей!

— Та не работает же вин, поврежден, — отвечал ему человек в солдатской шинели, с нависшими украинскими усами.

— Как не работает? Эй, кто тут понимает в пулеметах, именем революции прошу.

Дегтярев протиснулся к коменданту.

— Разрешите взглянуть.

— Кто такой?

— Рабочий с Сестрорецкого оружейного,

— Прошу, товарищ!

Дегтярев быстро разобрал пулемет и, не найдя никакого повреждения, вытер платком загрязненные детали и собрал их.

— Заедал от грязи, теперь будет стрелять. Разрешите с вами добраться до Сестрорецка?

— Спасибо, товарищ, разрешаю, поедешь с нами на паровозе. Помоги установить пулемет.

— Есть! — ответил Дегтярев и вместе с другими стал втаскивать пулемет на площадку паровоза.

Через несколько минут вооруженный, ощетинившийся штыками состав мчался в Сестрорецк.

Дегтярев стоял у окна паровоза рядом с помощником машиниста и смотрел вдаль.

Он уже знал, что свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, что рабочие, солдаты и матросы, руководимые большевиками, захватили власть и арестовали Временное правительство. Он не мог осмыслить грандиозности происходящих событий, но сердцем чувствовал: идет великая

битва, большевики несут свободу и счастье трудовому народу.

Поезд летел все быстрей. На площадке паровоза, у «Максима» весело перекликались пулеметчики. А над ними, опоясывая грудь паровоза, трепыхалось красное полотнище с коротким и ясным лозунгом:

«Вся власть Советам!»

* * *

Крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой Октябрьской социалистической революции.

Ночью 26 октября 1917 года II съезд Советов принял первые декреты советской власти — декрет о мире и декрет о земле.

В декрете о мире советская власть обратилась к народам воюющих стран с призывом прекратить войну и предложила справедливый мир.

Американские, английские и французские империалисты, жаждущие продолжения кровавой бойни, отвергли мирное предложение Страны Советов.

«Именно англо-французская и американская буржуазия не приняла нашего предложения, — писал В. И. Ленин, — именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно она поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистскую бойню!»[4] И все же первый декрет советской власти прозвучал на весь мир, как могучий призыв к миру. В декрете сознательные рабочие Англии, Франции и Германии призывались помочь успешно довести до конца дело мира, дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс от рабства и эксплуатации.

Одновременно с декретом о мире был принят декрет о земле.

По этому декрету крестьяне получали более 150 миллионов десятин новых земель, которыми раньше владели помещики, буржуазия, царская семья, монастыри, церкви.

Крестьяне также освобождались от ежегодной арендной платы помещикам, которая составляла около 500 миллионов рублей золотом.

Все богатства недр земли (нефть, уголь, руда и т. д.), леса и воды отныне переходили в собственность народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция, раскрепостив народы России, открыла перед ними возможности строительства нового, социалистического общества, открыла пути

для развития их духовных и физических сил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции с большой радостью была встречена рабочими Сестрорецка. Воззвание II съезда Советов, декрет о мире и декрет о земле читались и перечитывались в цехах с восторгом и ликованием.

Но прошло лишь три дня, как на заводе стало известно, что бежавший из Петрограда во время восстания глава Временного правительства, арестованного Советами, Керенский собрал казачьи части и двинул их на столицу под предводительством генерала Краснова.

Сестрорецкий ревком спешно формировал рабочие дружины для защиты красного Питера.

В Петрограде вспыхнул мятеж юнкеров. Попытка организовать мятеж против Советов была предпринята и ставкой главнокомандующего войсками генерала Духонина. Но революционные силы под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина раздавили мятежников.

Тогда противники советской власти — эсеры и меньшевики, — отказавшись на время от открытой борьбы, организовали массовый саботаж чиновников в министерствах и ведомствах. Среди населения распространялись слухи, что советская власть не продержится и месяца. Многие из генералов и офицеров царской армии бежали на Дон, где формировались белые части, и за границу.

«Как отнесется к революции Федоров?» — этот вопрос волновал Дегтярева.

Но Федоров сам приехал в Сестрорецк и, разыскав Дегтярева, крепко пожал ему руку. Это рукопожатие сказало Дегтяреву о том, что Федоров с ним, со всеми рабочими, с большевиками, что он будет работать для советской власти.

Федоров был далек от политики, но для него было бесспорно и ясно главное — с большевиками весь трудовой русский народ. И он, посвятивший всю жизнь служению своему народу, не мог быть в стороне от его борьбы за лучшее будущее. Федоров выразил желание служить как специалист-оружейник молодой Советской республике.

Настоящим патриотом оказался и выдающийся теоретик стрелкового дела — Николай Михайлович Филатов.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции он перешел на сторону советской власти и до конца жизни честно служил ей.

* * *

В начале 1918 года мирные переговоры в Брест-Литовске с немцами были прерваны из-за предательства Троцкого. Немецкие полчища вторглись в пределы Советской России. В эти дни Федоров и Дегтярев были командированы решением Совета Труда и Обороны вглубь России с заданием спешно восстановить и достроить брошенный датскими концессионерами небольшой оружейный завод и наладить на нем производство автоматов Федорова.

— Вот, Василий Алексеевич, — говорил Федоров,— приедем на новое место, обоснуемся и опять заработаем вместе. Создадим хорошую мастерскую, вы будете ею заведовать. Я рад, что, наконец, получу возможность целиком отдаться работе над автоматом.

— Может быть, и мне удастся там заняться своим карабином.

— Обязательно, Василий Алексеевич. Вы непременно должны будете приступить к самостоятельной работе, опыт у вас теперь обширный...

Поезд двигался медленно, часами стоял не только на станциях, но даже на полустанках и разъездах.

До станции Дно ехали чуть ли не неделю. Оттуда состав пошел на Тихвин, — Московская дорога оказалась забитой воинскими эшелонами. С большим трудом добрались до Вологды и там опять застряли. В Петербург шли литерные поезда с мобилизованными, военным снаряжением, провиантом.

— Смотрите, какое движение к Питеру, что-то стряслось, — сказал Федоров, выглянув в приоткрытую дверь.

— Я сейчас сбегаю на вокзал, узнаю.

— Нет уж, пойдемте вместе.

На вокзале их внимание привлекло отпечатанное на оберточной бумаге воззвание, у которого толпился народ.

Федоров, привстав на носки, через головы столпившихся прочитал: «Социалистическое отечество в опасности», — и сердце его дрогнуло. Он протиснулся ближе и дочитал воззвание до конца. Это был призыв партии и Советского правительства к народу.

В нем говорилось, что германское правительство прервало перемирие и бросило свои войска на еще не окрепшую Страну Советов.

Партия и правительство призывали рабочий класс и весь трудовой народ к решительной борьбе.

— Василий Алексеевич, — возбужденно заговорил Федоров,

— мы должны любыми путями пробиться к месту назначения, сейчас же идемте к начальнику станции.

Решительные требования Федорова возымели действие: вагон прицепили к поезду, отправлявшемуся в Москву, и они снова двинулись в путь.

24 февраля (9 марта) они прибыли к месту назначения.

— Ну что ж, Василий Алексеевич, — сказал Федоров. — Давайте приниматься за дело.

— Давайте, Владимир Григорьевич, — душа истосковалась.

Прямо с вокзала Федоров и Дегтярев направились в уездный комитет партии.

* * *

Брошенный партией и Советским правительством клич: «Социалистическое отечество в опасности» — нашел горячий отклик в сердцах рабочих. Началось усиленное формирование частей Красной Армии.

Эти молодые отряды Красной Армии — армии революционного народа — не устрашились вооружённого до зубов врага. 23 февраля 1918 года под Нарвой и Псковом они дали немецким оккупантам решительный отпор. Этот исторический день и стал днем рождения Красной Армии.

В тот же день ЦК партии постановил подписать мирный договор с Германией. На этот раз условия мира, выдвинутые Германией, оказались еще более тяжелыми для Советской России, чем в начале переговоров. Предательство Троцкого и Бухарина дорого обошлось Советской республике. Латвию, Эстонию и Польшу пришлось отдать Германии, Украина превращалась в вассальное (зависимое) немецкое государство. Советская республика должна была платить Германии контрибуцию.

Но заключение Брестского мира позволило выйти Советской России из войны. Эта временная передышка дала партии возможность выиграть время для укрепления советской власти, для организации советского хозяйства, для создания Красной Армии.

В ГОДЫ ВОЙНЫ И РАЗРУХИ

Прибыв к месту назначения, Федоров и Дегтярев осмотрели завод. Он состоял из нескольких маленьких недостроенных цехов.

Инструментальное хозяйство было почти полностью растащено, документации никакой не сохранилось. Почти все оборудование пришло в негодность. Обойдя весь завод, они не увидели никого, кроме воробьев и голубей, прочно обосновавшихся там, куда не пробирались ни снег, ни ветер.

На другой день было созвано собрание всех работавших раньше на заводе. Явились все, кто остался от кадрового состава рабочих и служащих завода. Федоров, переписав и опросив собравшихся, остался доволен: среди них оказалось немало опытных рабочих — оружейников, слесарей, токарей, станочников, и даже, что явилось приятной неожиданностью для него, нашлись старые чертежники.

— С этими людьми можно начать работу! — решил Федоров.

Рабочие с радостью взялись за дело и единодушно избрали директором завода Федорова. Он тут же поручил Дегтяреву подбирать людей и создавать опытную мастерскую.

Восстановить завод было нелегко: не хватало людей, недоставало материалов и инструментов. Энергичную помощь оказала городская партийная организация. Она прислала рабочих, изыскала самые необходимые материалы и кое-какие инструменты. Через несколько дней на заводе начала работать мастерская по ремонту оружия.

Федоров заботился об оборудовании и инструментах, необходимых для производства советских автоматов. В это время был опубликован декрет правительства о переходе с дюймовой системы на метрическую. Нужно было немедленно заняться пересмотром всех рабочих чертежей автомата и переводом их размеров на метрическую систему. Осторожность требовала практической проверки допусков и пригонок путем спаривания деталей. Понадобилось срочное изготовление нескольких образцов автомата при новых допусках, с тем чтобы испытать их при длительной стрельбе.

Работа по изготовлению новых образцов была поручена Дегтяреву. Он проводил ее в новой мастерской, которая была названа опытной.

Изготовление трех новых образцов по чертежам, составленным Федоровым в метрической системе, повлекло за собой изготовление некоторых приспособлений, инструментов и

калибров. Потребовалась и разработка новой технологии. Дегтярев, думая о большой работе в будущем, заботливо оснащал и расширял опытную мастерскую, собирал в ней лучших специалистов, старательно обучал способную молодежь оружейному искусству.

В. Л. Дегтярев, В. Г. Федоров, Г. С. Шпагин среди рабочих опытной мастерской (1924 г.).

В. А. Дегтярев в 1925 году

Автоматическое оружие теперь особенно требовалось, так как иностранные интервенты и русские белогвардейцы организовали против Советской России несколько фронтов. У врагов не было

недостатка в новейшем оружии и снаряжении. Рожденная же в огне сражений Красная Армия располагала лишь скудными запасами, оставшимися в старой армии от первой империалистической войны.

Важность быстрой организации производства советского автоматического оружия понимали не только Федоров и Дегтярев, но и все рабочие. Они трудились, не считаясь со временем, не жалея сил.

После национализации завода Федоров был освобожден от общего руководства заводом и назначен техническим директором. Благодаря этому он смог целиком отдаться налаживанию производства.

Организация производства автоматов велась Федоровым параллельно с их усовершенствованием, на ходу вносились различные изменения, согласно рапортам Н. М. Филатова, основанным на результатах испытаний первых образцов в войсках.

Все эти изменения и усовершенствования производились по указаниям Федорова либо самим Дегтяревым, либо другими мастерами под его наблюдением.

Работы по усовершенствованию федоровского автомата были очень полезны для Дегтярева: приобретая ценный опыт и знания, он готовил себя к самостоятельной работе.

Производство автоматов Федорова явилось хорошей школой и для многих молодых оружейников.

В первые месяцы существования опытной мастерской в нее пришел деревенский паренек, небольшого роста, но крепкий, жилистый.

— Хочу работать у вас, — заявил он Дегтяреву. — Слышал, что вы делаете оружие. Вот и направление у меня!

— Ты что, оружейник? — приветливо спросил Дегтярев.

— Где там, только думаю учиться.

Дегтярев внимательно осмотрел плотную фигуру паренька, остановив взгляд на его натруженных руках.

— Рабочий?

— Из деревни я. Правда, учился у кузнецов, ну и на заводе года два проработал.

Подробно расспросив паренька, что он умеет делать, Дегтярев прочел направление. В нем говорилось, что «слесарь Сергей Симонов сдал испытания по 9-му классу».

— Ну что же, — сказал Дегтярев, — оставайся, если есть охота. Поставим тебя на большое дело: будешь отлаживать автоматы.

— Как автоматы? Я же их в глаза не видел!

— Не бойся, увидишь, ничего в них нет страшного. А потом я всегда тут, без помощи не оставлю.

Подведя паренька к верстаку, Дегтярев начал собирать различные части автомата. Называя детали, он показывал, как надо их подгонять и отлаживать. Когда автомат был собран, Дегтярев сказал:

— Вот видишь, дело не такое уж сложное. Ну-ка, попробуй разобрать!

Аккуратно и последовательно кладя части на верстак, Симонов быстро выполнил порученную операцию.

— Правильно разбираешь. Части никогда нельзя класть в кучу, иначе запутаешься.

— Я и собрать могу, — заявил паренек.

— А ну-ну, погляжу, соберешь ли?

Симонов, не торопясь, начал укладывать и соединять детали и не сделал пи одной ошибки.

— Очень хорошо, — похвалил Дегтярев. — Теперь поручу тебе самостоятельную работу по сборке автоматов.

Симонов осторожно и не торопясь начал сборку.

Время от времени Василий Алексеевич подходил к нему, молча наблюдал, иногда осторожно, чтобы не задеть самолюбия молодого мастера, спрашивал:

— Ну как, Сергей Гаврилович, не заедает?

И обязательно подсказывал, где и что надо сделать.

Дней через десять, когда Симонов совершенно освоился с работой, Дегтярев стал посвящать его и в некоторые секреты производства.

— Сергей Гаврилович, примечал, наверное, что выбрасыватель и боек чаще всего ломаются при стрельбе?

— Нет, не успел, я на стрельбище-то всего раза три был.

— Ну, ничего, увидишь... Так вот, чтобы эти ответственные детали были прочней, их надо закаливать.

— Это известно, да где калить-то, в горне разве?

— Правильно, калильных печей у нас нет, а есть паяльная лампа. Пойдем-ка со мной.

Дегтярев, ловко зажав деталь в длинных щипцах, стал ее нагревать на паяльной лампе.

— Ты примечай, Сергей Гаврилович,—деталь надо нагревать не одинаково: рабочую часть не докрасна, а до желто-соломенного цвета, другие же места — до синеватого, вот так, а теперь клади ее в льняное масло. Знаешь ли зачем?

— Нет, не знаю.

— Это придает металлу вязкость — ломаться не будет.

Симонов был очень благодарен Дегтяреву, но не мог понять,

почему он с таким вниманием и заботой относится к нему. Лишь через несколько месяцев, хорошо присмотревшись, он понял, что и к другим слесарям Василий Алексеевич относится с такой же отеческой заботой, старается передать им свой богатейший опыт.

Работал Дегтярев в опытной мастерской вместе со всеми. Молодые слесари внимательно присматривались к нему, изучали его приемы, дивясь его умению делать детали просто и экономно.

Большой интерес к его работе проявлял приведший из армии молодой слесарь Егор Шпагин. Он научился слесарному делу в войсковой оружейной мастерской, но на станках работать не умел.

Шпагин подходил к Дегтяреву, глядел, как тот работал на станке, задавал вопросы. Дегтярев охотно отвечал на них, показывал, учил.

Собрать и отладить автомат так, чтобы его механизм действовал безотказно, еще не значило сделать оружие. Для того чтобы признать оружие годным для передачи в армию, его надо было испытать в стрельбе.

В мастерской был заведен такой порядок: как только кто-либо из мастеров заканчивал сборку партии автоматов, оружие отвозилось на стрельбище для испытаний. На этих испытаниях всегда присутствовали Федоров и Дегтярев.

Однажды, когда Федоров по обыкновению делал обход мастеров, Дегтярев представил ему Симонова:

— Вот, Владимир Григорьевич, наш новый слесарь Сергей Гаврилович. Сегодня будем испытывать первую партию автоматов его сборки.

— Очень хорошо. Тогда, может быть, сразу и отправимся на стрельбище?

Чтобы узнать тонкости поведения автомата при стрельбе, Федоров стрелял сам или поручал это Дегтяреву.

Симонов попросил разрешения самому испытать в стрельбе собранные им автоматы и, постреляв, высказал несколько ценных пожеланий.

— Смотрите, Василий Алексеевич,—сказал Федоров, — наш новый сборщик делает двойные успехи.

С этого дня и Дегтярев и Федоров стали еще внимательнее следить за работой Симонова и всемерно ему помогать.

УНИФИКАЦИЯ ОРУЖИЯ

Первая мировая война дала оружейникам много ценных уроков. В частности, она подтвердила необходимость унификации оружия, то-есть изготовления различных типов оружия по одной системе, с применением единого патрона.

Усилиями Федорова и Дегтярева на базе опытной мастерской было создано первое в Советском Союзе конструкторское бюро. Теперь можно было начать работу по унификации.

Единая система автоматики, принятая в различных типах оружия, значительно облегчала обучение красноармейцев, а также упрощала, ускоряла и удешевляла производство оружия на заводах. Федоров, изучив опыт минувшей войны, задумал создать по системе своего автомата несколько типов оружия, крайне необходимого для молодой Красной Армии. Система автомата Федорова оставалась при этом без всяких изменений.

Работы были начаты с самого легкого и простого по выполнению образца — ручного пулемета с воздушным охлаждением. Федоров предложил приспособить к стволу автомата известный образчик воздушного охлаждения, снятый с пулемета Льюиса, с кожухом и алюминиевым радиатором и приделать к стволу обычные сошки. Эта работа была выполнена под наблюдением Дегтярева.

Так появился новый тип оружия — ручной пулемет с воздушным охлаждением — под двойным именем Федорова — Дегтярева.

Пулемет показал хорошие боевые качества и был отправлен для дальнейших испытаний в Москву.

Тем временем Дегтярев получил от Федорова новое задание: приспособить к автомату водяное охлаждение.

— Работа эта несложная, — предупредил Федоров, — надо лишь как следует пригнать старый кожух.

Когда ручной пулемет с водяным охлаждением, надетым на ствол автомата Федорова, был готов и испытан, Федоров пригласил Дегтярева к себе.

— Василий Алексеевич, с этим заданием вы справились хорошо, а теперь я вам хочу поручить более сложную работу. Надо мой автомат приспособить для авиации. Вот, смотрите... — и Федоров стал объяснять, какие требования предъявляются к авиационному пулемету.

На другой день Дегтярев стал к верстаку. Нужно было изготовить новый дисковый магазин, кроме имевшегося

секторного, и штампы для магазинов. На этот раз задание необходимо было выполнить в спешном порядке, и он привлек к работе слесарей Симонова и Шпагина.

Федоров каждый день по нескольку раз приходил в опытную мастерскую (она теперь являлась частью конструкторского бюро и выполняла практические работы), беседовал с Дегтяревым, наблюдал, как работают остальные слесари, давал свои советы.

Работа шла быстро и слаженно. Дегтярев сумел увлечь и заинтересовать слесарей, убедить их в важности создания авиационного пулемета.

Заметив у кого-нибудь из работающих небрежность или испорченную деталь, Дегтярев обычно мягко и наставительно говорил:

— Что, не идет дело? Вижу, вижу, поторопился, поговорку забыл: «Поспешишь — людей насмешишь». Ну, ничего, это поправить можно... — И, встав к верстаку, показывал, как надо делать. — Видишь ли, дела-то какие, — говорил он негромко, но так, чтобы слышали и соседи, — ведь мы с англичанами состязаемся. Сделаем хорошо — полетит ихний «Льюис» [5] с наших самолетов; не сделаем — останется, и они будут думать, что лучше их мастеров нет.

Авиационный автомат Федорова со специальным дисковым магазином, разработанным Дегтяревым для системы автомата, вышел удачным.

В целях увеличения его боеспособности Федоров предложил Дегтяреву сделать спаренную модель, то-есть создать авиационный пулемет из двух параллельно поставленных автоматов, стреляющих одновременно. Дегтярев прекрасно выполнил и это задание, а затем сделал по системе Федорова строенную авиационную установку.

Опыт по разработке авиационных пулеметов по системе автомата Федорова очень пригодился

Дегтяреву в дальнейшем, когда он разрабатывал этот тип оружия по своей системе.

Вскоре перед конструкторским бюро была поставлена новая задача — приспособить спаренные автоматы Федорова для вооружения танков.

Однако приспособлений для установки автомата в танке не существовало. Из Москвы прислали модель шаровой установки конструкции Иванова, по которой следовало сделать четыре новых образца для автоматов Федорова.

Цель шаровой установки такова: два автомата, вставленные в ее гнезда, должны были свободно поворачиваться и стрелять под любым углом.

Установка, сконструированная Ивановым, не получила одобрения в бюро. Мастера считали ее очень громоздкой и сложной. Такого же мнения придерживались Федоров и Дегтярев. Но так как лучшей модели не было, коллектив приступил к изготовлению новых образцов по присланной.

Над изготовлением установки трудился весь коллектив опытной мастерской. Шпагин, работавший на изготовлении деталей отдельных узлов, предложил некоторые из деталей объединить, а другие упразднить совсем. Тут же, на верстаке, мелом он нарисовал нечто похожее на схему или чертеж.

В это время подошел Федоров. Шпагин застеснялся и начал ладонью стирать чертеж.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал Владимир Григорьевич и приготовился слушать объяснения молодого слесаря.

Тот волновался, говорил сбивчиво, но Владимир Григорьевич, очевидно, сразу уловил его мысль и велел показать на готовом образце, что и как он хочет изменить.

— Это очень дельно и правильно, — сказал Владимир Григорьевич, — из этого выйдет толк.

Василий Алексеевич кивнул в знак согласия и, подойдя к Шпагину, велел ему выписать все необходимые материалы и приготовиться к работе.

Шпагин отказался от помощи чертежников и расчетчика, решив всю работу выполнить самостоятельно.

Василий Алексеевич подбадривал:

— Ты, Георгий Семенович, не волнуйся, не торопись, «семь раз примерь, один — отрежь». Раз Владимир Григорьевич сказал — выйдет! Волноваться тебе не следует.

Но оставаться спокойным оказалось трудно: это была его первая самостоятельная работа по конструированию.

Усовершенствуя установку, Шпагин некоторые детали видоизменил, многие выкинул совсем как ненужные. Установка стала компактней, меньше по габаритам, проще и дешевле в изготовлении, надежней в обращении.

Это единодушно отметили Федоров и Дегтярев и предложили Шпагину делать заново весь образец установки, чтобы и в остальной его конструкции добиться улучшений.

Создавая новый образец, Шпагин еще выбросил и заменил более полутора десятка деталей. Так ему удалось сконструировать совершенно новый, оригинальный образец.

Через несколько дней, увозя в Москву образец новой установки, Федоров пригласил с собой и молодого изобретателя. Домой Шпагин вернулся радостно-взволнованным: установка

выдержала все испытания и была названа его именем.

Как только новая шаровая установка была принята, в опытной мастерской начались работы по приспособлению автоматов Федорова для танков. Тут снова проявил свои способности Шпагин, сконструировавший выдвижной приклад.

Было создано девять различных образцов по системе автомата Федорова.

Правда, ни один из этих образцов не был всесторонне испытан на полигонах и принят на вооружение; в это время уже высказывалось мнение о необходимости разрабатывать все новые образцы под прежний патрон образца 1908 года, калибром 7,62 миллиметра, что и было сообщено всем конструкторам. Однако значительная исследовательская работа по унификации образцов была, несомненно, шагом вперед на пути создания боевого советского оружия.

ДУМЫ О ПУЛЕМЕТЕ

В упорном труде прошли четыре тяжелых года. Дегтяреву и его товарищам нередко приходилось оставлять работу и ехать в деревню, чтобы раздобыть картошки и хлеба для своих семей. Возвращаясь, они работали ночами, стараясь наверстать потерянное время. Оружейники понимали важность своего дела: мастерская и завод изготовляли оружие для красных полков, героически сражавшихся с многочисленными врагами Страны Советов.

Все эти годы Дегтярев трудился на посту заведующего опытной мастерской, руководя самыми различными работами. Но мысль об изобретательстве ни на минуту не покидала его.

Мечта о создании боевого оружия, которое превзошло бы все иностранные образцы, зародилась у него еще в Ораниенбауме, когда он обучал стрельбе ефрейторов и солдат из часто выходивших из строя пулеметов «Максим». Желание создать надежное оружие укрепилось в нем, когда он исправлял непрочную и капризную автоматическую винтовку американца Браунинга.

Многолетняя работа с Федоровым, учеба у него и богатейший опыт, накопленный в годы создания федоровской винтовки и автомата, а также изучение многочисленных иностранных образцов автоматического оружия убедили Дегтярева в том, что настало время взяться за осуществление своей мечты.

Теперь для этого были все условия: в его распоряжении находилась отлично оснащенная мастерская, прекрасные мастера, опытные чертежники и расчетчики. Наконец с ним был Федоров.

Главное же, что вдохновляло Дегтярева, — это ясность стоящей перед ним цели. Дегтярев знал, что теперь он будет создавать оружие для родной Красной Армии, для защиты социалистического Отечества. Дегтярев был уверен, что Советское правительство поддержит его, изобретателя из народа, окажет ему необходимую помощь.

Но что же делать в первую очередь? Какой тип оружия более всего необходим Красной Армии? Этот вопрос глубоко волновал Дегтярева. Проще всего было бы взяться за доработку автоматического карабина, сделанного им еще в 1916 году в Сестрорецке; тем более, что этот карабин находился теперь здесь, в опытной мастерской. Но Дегтярев думал о главной задаче — перевооружении армии. Самым важным видом стрелкового оружия он считал ручной пулемет. В этом убеждало его то, какое

значение придавалось работам по переделке автомата Федорова в ручные пулеметы с воздушным и водяным охлаждением.

Опыт империалистической войны показал огромную эффективность в боях автоматического оружия, особенно ручных пулеметов.

Западные державы с самого начала империалистической войны развернули лихорадочную гонку производства легкого автоматического оружия. В начале 1917 года Франция уже имела на вооружении 91 тысячу ручных пулеметов. В огромных количествах ручные пулеметы были в войсках Англии и Германии. Россия же имела в своих многочисленных дивизиях всего лишь 17 тысяч иностранных ручных пулеметов, что едва достигало 15 процентов ее потребности в этом типе оружия.

Царское правительство недооценивало автоматическое оружие и не вводило его в армии. Конструкторам-одиночкам, которые работали над ним, не только не оказывалась помощь в работе, но, напротив, чинились всякие препоны.

В Германии за период первой империалистической войны было разработано девять систем и типов различного автоматического оружия. Не отставали от нее и страны Антанты: французы за это же время создали четыре типа автоматического оружия, итальянцы — пять, англичане — три и т. д.

В Америке за период войны были разработаны три новые автоматические системы оружия.

Как только кончилась война, американцы развили бешеную деятельность по созданию и производству нового автоматического оружия. В этот послевоенный период в Америке создаются автоматические винтовки Гаранда и Томсона, пистолет-пулемет Томсона, а также крупнокалиберный пулемет Браунинга.

За лихорадочной гонкой вооружения в Америке можно было без труда рассмотреть агрессивные намерения правящих кругов. Это заставило молодую Советскую республику усилить свои заботы об обороне. Перед советскими оружейниками была поставлена задача — в самые кратчайшие сроки дать Красной Армии добротное отечественное автоматическое оружие и прежде всего ручной пулемет.

Итак, выбор был сделан. Дегтярев задумался над созданием ручного пулемета.

Теперь предстояло решить, по какой системе делать оружие.

Многолетняя работа в одиночку в царское время, секретность выполняемых им работ не могли не отразиться на характере Дегтярева. Он привык держать свои мысли в тайне даже от самых близких людей. Работая почти три года над своим карабином, он

ни разу и словом никому не обмолвился об этом изобретении до тех пор, пока карабин не был окончательно сделан и отлажен.

Эти закоренелые привычки прошлого оказались столь сильны, что и сейчас, в советской действительности, Дегтярев твердо придерживался их: он обдумывал конструкцию своей машины, ни с кем не делясь своими соображениями.

Как раз в это время Федоров получил за автомат большую премию от Советского правительства. Эту премию Федоров разделил поровну со своим учеником и помощником Василием Дегтяревым, так много и самоотверженно трудившимся над его винтовкой.

На эти деньги Дегтярев купил отдельный домик, а в небольшом сарае около него оборудовал мастерскую. В ней он и начал работу над отдельными частями будущего пулемета.

Об этом времени так вспоминает его ученик, Герой Социалистического Труда конструктор оружия Георгий Семенович Шпагин:

«...Как-то раз Василий Алексеевич пригласил меня к себе домой.

Открываю калитку, вижу: он с топориком что-то мастерит по хозяйству.

— А, Георгий Семенович, здравствуй! Очень хорошо, что пришел. Идем-ка, я тебе какую штуку покажу!

Подводит меня к сараю, открывает двери.

— Гляди!

Гляжу я, а там целая мастерская: ножной токарный станок, небольшой верстачок и ящик с инструментами.

— Это моя домашняя мастерская, — говорит Василий Алексеевич, а сам улыбается: доволен, что огорошил меня.

Я подошел к станку, попробовал, — хорошо идет! Потом стал перебирать и рассматривать инструменты. Из инструментов мне особенно понравился наш русский топор с замечательным березовым топорищем, легкий, удобный, острый, звонкий.

— Можно, Василий Алексеевич, попробовать топорик?

— Отчего же нельзя, пожалуйста!

Я взял дощечку и начал с наслаждением тесать.

Он смотрел, смотрел, да и говорит:

— А ты, Георгий Семенович, никак, и по столярному можешь?

— Могу, плотничал с отцом. Может, помочь по-хозяйству?

— Нет, спасибо, сам управлюсь.

Смотрю на сарай, а у него один бок совсем покосился. «Вот тебе, — думаю, — и работа». Скинул тужурку и давай хозяйничать. Он вначале думал меня отговорить, но, видя, что я вошел в азарт, и сам стал помогать. Дело у нас спорилось, и хоть

работы было порядочно, все-таки с сараем управились до темноты.

После пили чай из старинного тульского самовара, и этот чай мне почему-то запомнился на всю жизнь.

Еще до этого вечера я проникся к Василию Алексеевичу каким-то особым уважением за его прекрасное мастерство и хорошее душевное отношение, а этот вечер нас окончательно подружил.

Теперь Василий Алексеевич стал называть меня по-дружески — Семеныч. Он вообще, в силу тульской привычки, людей, к которым относился по-приятельски, называл по отчеству и сокращенно, как бы ласкательно: Прокопыч, Мироныч, Никитич.

Тяжелые условия работы при царском режиме повлияли на характер Дегтярева. Он был очень замкнут и ни с кем никогда не делился своими замыслами. Потом, с годами, его характер сильно изменился, но тогда, в первые годы советской власти, он был именно таким. Мы были с ним дружны, он охотно говорил мне о замеченных им недостатках в тех или иных системах, говорил даже о том, как, по его мнению, от них избавиться, как бы приглашая к этой работе меня, но о том, что думает делать он сам, — ни слова!

Я знал, что дома после работы Василий Алексеевич подолгу работал в своем сарае, что-то мастерил. Я и сам не раз заставал его за станком или верстаком, но он ни разу не рассказывал мне о своей работе. Если я пытался спрашивать, он отшучивался или уверял, что делает разные мелочи по-хозяйству.

В мастерской он тоже часто оставался по вечерам, что-то вытачивал, фрезеровал. Не только я, но и другие слесари догадывались, что он что-то изобретает, но что именно, не могли себе представить...»

Перебирая в памяти различные системы автоматического оружия, Дегтярев старался — уже в который раз! — разобраться в их достоинствах и недостатках, решить, по какой системе разрабатывать задуманный пулемет.

Система подвижного ствола, по которой создавались винтовка и автомат Федорова, многие винтовки Токарева, а также пулеметы Максима, Мадсена, Шоша, казалась Дегтяреву наиболее сложной. В этом его убеждала пятнадцатилетняя работа совместно с Федоровым над созданием многих образцов автоматического оружия.

Система с неподвижным стволом, по которой. был сделан им автоматический карабин, казалась ему проще и надежнее. По этой системе были спроектированы пулеметы Гочкиса, Сент-Этьена, Льюиса.

Изучая эти образцы, Дегтярев находил в них много недостатков, но он видел и пути к их преодолению. Он считал, что восемь лет назад, приступая к разработке автоматического карабина, наметил правильный путь, выбрав систему неподвижного ствола.

И сейчас, приступая к работе над ручным пулеметом, он решил сделать его по тому же принципу.

В своей маленькой мастерской Дегтярев приступил к работе над макетом будущего пулемета.

Однако чем больше он работал над макетом, тем ясней становилось ему, что модель получается неудачной. Мысленно представив себе габариты будущего пулемета, он убеждался, что пулемет получится довольно громоздким и, безусловно, не таким легким, как был задуман вначале.

Наличие крышки, скосами которой производилось разъединение личинок, делало всю коробку высокой, а от этого пропорционально увеличивались и другие части.

«Пожалуй, — размышлял Дегтярев, — лучше будет, если я возьмусь за карабин, закончу его, доведу до совершенства, а уже потом примусь за пулемет, чтобы не смешивать эти два типа воедино».

Как-то Дегтярев узнал от Федорова, что сейчас большое значение придается разработке автоматической винтовки, над новыми образцами которой упорно работает конструктор Токарев.

«Почему бы мне не взяться за автоматическую винтовку? — подумал Дегтярев. — Сделать ее по системе карабина не представляет большого труда».

Он даже отложил на время недоделанный макет пулемета и начал готовить части винтовки. Но скоро и эту работу оставил. Внутренний голос твердил ему: «Не то делаешь, Василий, армии нужней пулемет!»

Новый, 1924 год застал Дегтярева в глубоком раздумье над будущим изобретением.

* * *

В конце января ударили сильные морозы. Чтобы можно было работать в мастерской, Дегтярев приказывал с утра зажигать все паяльные лампы и ставить их на верстаки около мастеров.

В один из таких дней, намерзшись в мастерской, Василий Алексеевич, придя домой, сел на низенькой скамейке у

полыхающей голландки и с наслаждением закурил трубку. Он любил в тихие зимние вечера посидеть у огонька, подумать о своих делах. На этот раз в комнате никого не было, и уютную тишину нарушало лишь тиканье часов да потрескивание березовых дров. На улице тоже было тихо. Сквозь синеватый морозный узор в окна смотрела луна. Изредка слышалось, как скрипел снег под ногами одиноких прохожих.

Василий Алексеевич перенесся мыслями к пулемету.

Мягкими, неслышными шагами к печке подошел кот и стал тереться о его ногу.

— Пришел, приятель, — ласково сказал Василий Алексеевич и, не прерывая своей думы, стал поглаживать рукой по густой шелковистой шерсти. Кот, мурлыча, улегся рядом.

Василий Алексеевич, разморившись от жары, расстелил на полу возле печки полушубок, бросил на него подушку и прилег отдохнуть. Усталость взяла свое, и скоро он уснул крепким сном.

Его разбудили тревожные гудки. Василий Алексеевич быстро вскочил и удивился, что уже утро, — морозный узор на окнах горел розоватым светом восхода. Надев треух и быстро накинув полушубок,

Василий Алексеевич выбежал за ворота. «Уж не пожар ли?» — мелькнуло в сознании.

С вокзала, закутавшись в шали, шли заплаканные женщины.

— Что случилось? — спросил их Василий Алексеевич.

— Беда, родимый, Ленин умер...

Эти слова ошеломили Дегтярева. Смахивая стынущие на щеках слезы, он пошел туда, где тускло горели еще с ночи забытые огни, где, разрывая сердце, ревел заводской гудок.

Во дворе завода молчаливо толпились рабочие, многие с непокрытыми головами. Они все еще не верили, не могли и не хотели верить, что смерть сразила любимого Ильича...

Василий Алексеевич, сняв шапку, подошел вплотную к толпе, тихо спросил:

— Когда?

— Вчера, в шесть часов пятьдесят минут, — угрюмо ответил один из рабочих и, не в силах сдержать слезы, отвернулся.

Эти минуты, полные скорби народа, Дегтярев запомнил на всю жизнь...

Запомнил он и то, как в одном из цехов рабочие коллективно делали венок — последний подарок Ильичу.

На красном щите серебряные листья дуба переплетались с боевыми клинками, штыками и меднозолотистыми гильзами. Кто-то из чертежников дрожащей рукою выводил на алой ленте: «От укома ВКП(б) и рабочих организаций города».

Потом, почти через два десятилетия, Василий Алексеевич увидел этот венок в траурном зале Музея имени Ленина.

В день похорон Ильича, когда трудящиеся всего мира на пять минут остановили все работы в знак траура, Дегтярев, склонив голову у верстака, мысленно поклялся: все силы, всю свою жизнь отдать честному и беззаветному служению делу Ленина, делу рабочего класса.

Рабочие по всей стране ответили на смерть любимого вождя массовым вступлением в ряды Коммунистической партии.

В те дни на весь мир прозвучала бессмертная клятва, данная И. В. Сталиным от имени партии.

Некоторые места клятвы казались обращенными непосредственно к оружейникам:

«Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение её состояния является одной из важнейших задач нашей партии... Поклянёмся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот...»

Перечитывая эти слова великой клятвы, Дегтярев был полон решимости работать, не щадя сил, чтобы вооружить Красную Армию новой боевой техникой.

Однажды его пригласил к себе в кабинет Владимир Григорьевич Федоров и показал телеграмму из Москвы — Федоров и Дегтярев спешно вызывались к М. В. Фрунзе.

— Так как же быть? — растерянно спросил Дегтярев.

— Поезд через два часа, сделайте необходимые распоряжения по мастерской и идите собираться, я буду вас ждать на вокзале.

На другой день оба изобретателя сидели в кабинете Михаила Васильевича Фрунзе.

Робость, которую Дегтярев испытывал всю дорогу, исчезла при первых же словах народного комиссара.

Михаил Васильевич с исключительной теплотой расспрашивал изобретателей об их работе, о планах на будущее, интересовался, в каких условиях они трудятся и живут.

Легендарный полководец Красной Армии до тонкостей знал оружейное дело и говорил о многих новейших системах автоматического оружия так, словно сам был оружейником.

Он отметил несовершенство многих заграничных систем и подчеркнул, что перед советскими оружейниками сейчас стоит задача создать оружие, которое превосходило бы известные заграничные системы.

— Особенно, — сказал Михаил Васильевич, — нашей армии нужен легкий, простой и прочный ручной пулемет. Создание такого пулемета — дело неотложной важности, и я прошу вас об

этом подумать.

Прощаясь, Михаил Васильевич пожелал изобретателям успеха и обещал оказать любую помощь в их работе.

— Прошу не забывать и о том, — сказал он, — что несовершенство многих заграничных систем автоматического оружия объясняется тем, что оно создавалось в спешке империалистической войны. Несомненно, что сейчас изобретатели Запада работают над усовершенствованием своих образцов. Я надеюсь, что оружие советских конструкторов превзойдет не только существующие иностранные образцы, но и те, которые ими будут сделаны в ближайшие годы.

Беседа с Михаилом Васильевичем Фрунзе произвела неизгладимое впечатление на обоих изобретателей.

Дегтярев был особенно рад тому, что Михаил Васильевич словно угадал мучившие изобретателя сомнения и прямо сказал, что армии нужен хороший ручной пулемет.

Эти слова М. В. Фрунзе Дегтярев воспринял как боевое задание. По возвращении домой он развернул заброшенную, неоконченную модель и, тщательно осмотрев ее, отложил в сторону.

— Все буду делать заново!

РОЖДЕНИЕ ПЕРВЕНЦА

После окончания гражданской войны перед Советским правительством встал вопрос о перевооружении Красной Армии, так как разбитые на нашей земле империалисты Запада замышляли новый поход против Советской России.

Положение с вооружением в Красной Армии было весьма тяжелым. Красная Армия располагала лишь частью того оружия, что осталось от царской армии, и тем оружием, которое было отнято ею у белогвардейцев и иностранных интервентов в период гражданской войны.

Особенно плохо в то время обстояло дело с автоматическим оружием, которое в армиях капиталистических держав становилось основным оружием пехоты.

Находившиеся на вооружении Красной Армии легкие пулеметы иностранных систем — Льюиса, Гочкиса и других, — во-первых, не могли удовлетворить и десятой доли потребности армии в этом типе оружия, во-вторых, были сильно расстреляны и не имели достаточного количества запасных частей, в-третьих, устарели и все равно требовали замены более совершенными образцами. Техника пулеметного дела неудержимо двигалась вперед.

Исключение из этих систем представлял «Русский Максим» — тяжелый станковый пулемет с водяным охлаждением. Это было добротное боевое оружие, однако пулеметы «Максим» не могли заменить ручных — оружия легкого и маневренного.

Для перевооружения армии новейшими видами автоматического оружия требовалось создать в стране мощную техническую базу.

Между тем от старой армии нам почти не осталось ни технической базы, ни квалифицированных кадров.

В царской России не было ни одного конструкторского бюро.

Советскому правительству, для того чтобы осуществить перевооружение Красной Армии, приходилось заново строить военные заводы и одновременно готовить многочисленные кадры оружейников и оружейных конструкторов.

«...От старой армии, — писал товарищ Ворошилов, — нам не осталось конструкторских кадров. Мы собрали их на отдельных заводах, главным образом из старых оружейных мастеров, техников, рабочих, организовали их, помогли им в их труднейшей работе...» [6]

Дегтярев был именно одним из таких изобретателей,

которым партия и правительство предоставили все условия для плодотворной творческой работы. Сейчас перед ним была поставлена ответственная задача — в кратчайший срок создать отечественные образцы автоматического оружия, которое по своим боевым качествам превосходило бы новейшие заграничные системы.

Отложив первоначальную модель пулемета, Дегтярев, однако, не отказался от нее полностью. Напротив, он твердо решил взять за основу системы принцип своего автоматического карабина, но внести в него ряд конструктивных изменений, которые позволили бы сделать модель более компактной.

Рассматривая образцы ручных пулеметов, появившиеся в годы империалистической войны, он самым серьезным недостатком этих систем считал тяжелый вес. Английский «Льюис» весил 14,5 килограмма, германский «Максим» (переделанный из станкового)—18,9 и самый легкий — французский пулемет Шоша — 8,75 килограмма.

Легкость системы была одним из основных требований, предъявляемых к будущему пулемету Михаилом Васильевичем Фрунзе. А чтобы добиться легкости системы, следовало стремиться к наибольшей компактности коробки — центральной части всего механизма.

Задумавшись о компактности новой модели, Василий Алексеевич пришел к совершенно оригинальной мысли — заменить крышку плоской затворной рамой, которая должна была связывать главные части пулемета и приводить в действие весь механизм.

Мысль о создании плоской затворной рамы так понравилась Василию Алексеевичу, что он, не раздумывая над тем, как расположатся все остальные детали, немедленно набросал карандашом приблизительную схему и, несмотря на поздний час, поспешил на завод.

В мастерской, кроме сторожа, никого не было. Василий Алексеевич отыскал подходящий кусок металла и, наметив зубилом приблизительные размеры, принялся за работу. Он был так увлечен своим делом, что не заметил, как наступил рассвет. Лишь протяжный рев утреннего гудка, сзывающего рабочих, заставил его прервать работу.

* * *

После беседы с Михаилом Васильевичем Фрунзе Дегтярев

стал иногда делать некоторые детали для пулемета и днем в мастерской, но больше работал по вечерам или ночью.

Создавая затворную раму, он расположил на ней и все ответственные части механизма. На раме ему удалось расположить затвор, соединив его с рамой оригинальным способом — ударником, вставленным в специальную выемку. Сбоку затвора были помещены личинки, удерживаемые спереди полукруглыми выемками в затворе, а сзади — с помощью нижних скосов, входящих в особую выемку затворной рамы.

Скосы на той же раме должны были производить расцепление личинок от коробки, а ударник при движении вперед, помимо основной функции, выполнял роль предохранителя, устранял возможность выстрела при незакрытом затворе.

С другой стороны в раму был ввинчен стержень с надетой на него соединительной муфтой, возвратной пружиной и поршнем. Давлением на поршень пороховых газов и должны были отбрасываться подвижные части назад, производя все действия, необходимые для автоматической работы системы.

Найдя оригинальную конструкцию затворной рамы, Дегтярев стремился и в других частях пулемета добиться легкости и компактности.

После долгих раздумий и поисков он решил отказаться от обычного секторного магазина для патронов и применил круглый дисковый магазин с находящимся на нем же приемником для патронов.

Применение плоской затворной рамы и круглого диска с приемником для патронов позволило Дегтяреву уменьшить габариты коробки и облегчить вес системы.

Когда коробка и движущаяся в ней затворная рама были готовы, Дегтярев решился показать свою модель Федорову. Ему чрезвычайно важен был совет Федорова именно сейчас, когда модель пулемета еще только рождалась.

Дождавшись, когда сотрудники мастерской разошлись по домам, Дегтярев извлек из стола модель своего пулемета, поставил ее на верстак и пошел за Федоровым. Модель эта была сделана без всяких чертежей, по весьма приблизительным расчетам, и Дегтярев едва ли бы решился ее показать кому-либо другому, но он был уверен, что Федоров и по этому черновому образцу сразу определит, стоит над ней работать или нет.

Так и вышло. Владимир Григорьевич, осмотрев модель, не мог скрыть своей радости.

— Василий Алексеевич, я должен вас поздравить с большой удачей. Ваша система задумана удивительно просто и надежно; на этой основе можно сделать именно такой пулемет, о котором

говорил товарищ Фрунзе.

На лице Дегтярева появилась счастливая улыбка.

— Но то, что я вижу теперь, — это еще не модель. Немедленно переносите все работы в мастерскую. Вам будет помогать весь коллектив.

— Владимир Григорьевич, как же в мастерскую? — смущенно спросил Дегтярев. — Ведь моя система не запланирована и на работы по ней не отпущено ни одной копейки.

— Это вас не должно беспокоить. Нам достаточно средств отпущено на новые автоматические винтовки, а делая вашу систему, мы не выбросим деньги на ветер.

И вот в конструкторском бюро под руководством Федорова, по составленной им схеме, началась спешная разработка чертежей и расчетов нового пулемета.

Как только первые рабочие чертежи были спущены в мастерскую, Дегтярев и его ближайшие помощники взялись за изготовление новой модели.

В процессе работы Дегтярев тщательно обдумывал и проверял все части пулемета, вплоть до мельчайших деталей. Была разработана быстрая смена ствола, достигнута хорошая меткость пулемета.

Самоотверженная работа всего коллектива мастерской и неутомимая деятельность самого Василия Алексеевича, делавшего и термически обрабатывавшего все ответственные детали собственноручно, позволили закончить первую модель осенью того же 1924 года.

В Москву была отправлена телеграмма, извещавшая об изготовлении нового образца ручного пулемета конструкции Дегтярева.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Поздней осенью Дегтярев со своим изобретением был вызван в Москву. Пулемету предстояло пройти комиссионные испытания.

Василия Алексеевича и его спутников провожали все работники мастерской, от души желая ему успехов.

Федоров, крепко пожимая руку Василию Алексеевичу, говорил:

— Главное, Не волнуйтесь, помните, что излишнее волнение может вам помешать и плохо отразиться на ходе испытаний. Если случатся задержки или заедания, устраняйте их также хладнокровно, как вы это делали в Ораниенбауме.

— Как-то боязно, Владимир Григорьевич...

— Ничего, ничего, будьте смелей. Пулемет ваш — славная машина!..

Ящик с разобранным пулеметом внесли в купе и положили на пол.

Был уже поздний час. Товарищи Дегтярева задремали, а Василий Алексеевич, посасывая трубку, думал о предстоящих испытаниях своего пулемета.

Больше всего Василия Алексеевича волновали затыльник и коробка, в которых образовывались трещины еще при испытании на заводе. Правда, теперь коробка была сделана заново с некоторым утолщением, и все же он беспокоился: «Уж больно металл непрочный!» Но где было достать в те годы качественный металл? Страна залечивала раны, нанесенные войной и разрухой. О чудесных металлургических заводах — Магнитогорском, Кузнецком, «Электростали», построенных в первой пятилетке, — тогда могли лишь только мечтать.

«Ну, что будет, то будет! — думал Дегтярев. — За конструкцию не боюсь, а вот за прочность... Как заставят отбить выстрелов этак тысяч десять-пятнадцать... не знаю...»

Но вот в окно заглянуло мутное дождливое утро. В купе зашевелились, начали собираться. Кондуктор сонным голосом оповестил:

— Подъезжаем к Москве.

Испытания были назначены на тот же день, и Дегтярев с товарищами отправился на полигон.

Погода не улучшалась: дождь то переставал, то начинался снова, небо было обложено густыми хмурыми тучами. Пока добрались до полигона, сильно вымокли и продрогли. Наконец выглянуло солнце, подул легонький ветерок, и Дегтярев мигом

повеселел.

Пулемет собрали и стали дожидаться комиссии. Скоро приехали старые знакомые Дегтярева — изобретатели Токарев и Колесников — со своими пулеметами, тоже намеченными к испытанию. Затем на полигон вышла группа военных.

Дегтярев сразу узнал среди членов комиссии прославленного полководца Красной Армии Семена Михайловича Буденного. От сознания, что его пулемет будет испытывать сам товарищ Буденный, Дегтярев ощутил большую радость и в то же время некоторую робость.

— Занять места! — раздалась команда.

К Дегтяреву подошли военные и указали, куда нужно поставить пулемет.

Машины Токарева и Колесникова установили по соседству.

— Что ж, давайте начинать! — сказал Семен Михайлович.

— Изготовиться к стрельбе! — раздалась команда.

Стрелок-испытатель поплевал на руки:

— Разрешите-ка, Василий Алексеич?

— Нет, нет, я сам буду стрелять!

И Дегтярев, растянувшись на фанере, навел пулемет на белый лист мишени, под самое яблоко.

— Огонь! — раздалась команда.

Пулеметы застрочили.

Командиры тщательно вели счет количеству выстрелов.

Все машины действовали хорошо. Через некоторое время пулеметы поставили на охлаждение.

Семен Михайлович, наблюдавший сначала за стрельбой Токарева, вместе с членами комиссии подошел к Дегтяреву. Осмотрев пулемет, он потрогал коробку ствола.

— Э, да он почти не нагрелся, дайте-ка я постреляю.

— Пулемет совсем не пристрелян, Семен Михайлович, — сказал Дегтярев.

— Это ничего.

— Сменить ми-ше-ни! — раздалось над полигоном.

Семен Михайлович лег к пулемету и, прицелившись, дал очередь.

— Работает исправно. Поглядим, какова меткость!

А уж от вала бежал красноармеец с мишенью.

— Ну-ка, ну-ка, покажите, что там?

Семен Михайлович развернул лист мишени. Пули попали в самое яблоко и около него.

— А говорит, не пристрелян, — улыбнулся Семен Михайлович. — Для начала это очень хорошо, посмотрим, что будет дальше.

Испытания возобновились.

Дегтярев, приободренный отзывом Семена Михайловича, снова лег к пулемету, нажал спуск и почувствовал мелкую дрожь в руках.

Стрельба шла хорошо. Стрелок-испытатель едва успевал менять диски. Но вдруг пулемет замер.

Дегтярев вскочил на колени и стал торопливо разбирать машину.

— Что, заело, -Василий Алексеич? — спросил стрелок-испытатель.

— Какое заело!.. Сломался, — сокрушенно сказал Дегтярев.

— Так неужели нельзя починить?

— Сломался боек, о починке и думать нечего...

— Что случилось у вас? — послышался голос Семена Михайловича.

Дегтярев поднялся и показал ему обломок.

— Сломался боек, Семен Михайлович.

— Жалко! Начало было хорошим. Ну, да вы не волнуйтесь: боек — пустая поломка. Поезжайте к себе, поработайте, а через некоторое время опять испытаем вашу машину. Желаю вам новых успехов! — И он крепко пожал руку изобретателю.

Дегтярев, подавленный случившимся, медленно уходил с полигона, а в ушах его звучал почти не прекращающийся треск пулеметов Токарева и Колесникова.

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Неудача с испытанием пулемета в Москве произвела на Дегтярева удручающее впечатление. Он рассматривал ее как провал всего дела, в которое вложил несколько лет упорного труда, лучшие мечты и надежды. Особенно тяжело было Дегтяреву от сознания, что над его системой работали, не жалея сил, все сотрудники мастерской и конструкторского бюро. Какими глазами он будет смотреть им в лицо? Что скажет в свое оправдание?..

Поезд прибыл из Москвы рано утром, но Дегтярев целый день просидел дома, не решаясь итти на завод. А находиться дома и думать о своей неудаче было еще тяжелее. Уже поздно вечером кто-то постучал в дверь, и Дегтярев услышал голос Федорова:

— Нехорошо, нехорошо прятаться, Василий Алексеевич: в мастерской люди не расходятся, ждут вас. Ну, здравствуйте, здравствуйте, с приездом!..

— Спасибо, Владимир Григорьевич, только я и не рад, что приехал.

— Это еще что за настроение?.. Не узнаю вас, Василий Алексеевич.

— Чему же радоваться: забраковали мой пулемет.

— А мне звонили из Москвы, поздравляли с удачей, говорили, что ваш пулемет похвалил сам товарищ Буденный.

— Кто же вам звонил? — недоверчиво спросил Дегтярев.

— Звонили из Артиллерийского управления. Есть указание отложить все работы и заняться вашим пулеметом, — выделены специальные средства.

— Что вы говорите, Владимир Григорьевич! А я уж было совсем приуныл.

— Да разве можно унывать из-за поломки бойка? Это же сущие пустяки. Помните, у меня в Ораниенбауме винтовка разорвалась, чуть руки не оторвало, а я и тогда не отказался от опытов.

— Да ведь и я не отказываюсь, Владимир Григорьевич, только стыдно как-то в мастерскую итти, мастера расспрашивать будут.

— Все давно уже знают и о поломке бойка и о похвале товарища Буденного и рассматривают испытание пулемета не как поражение, а как победу. Я бы посоветовал вам не торопиться и сделать не боек, а новую модель всего пулемета, даже не одну, а две модели, и тогда ехать на испытания. В случае отказа одной — будем испытывать другую. Средства на эти работы уже отпущены.

— Если так, то я сейчас же иду на завод.

Едва Дегтярев появился на пороге мастерской, как его тотчас же обступили рабочие, мастера, конструкторы, чертежники. Они начали уговаривать его поскорее браться за создание новой модели.

Дегтярев был растроган таким вниманием и заботой. Он горячо благодарил друзей, пожимал протянутые руки, говорил:

— Будем работать, товарищи, и, надеюсь, мы сделаем настоящий пулемет.

Как и предложил Федоров, стали изготовлять одновременно два образца. Один под наблюдением Федорова и Дегтярева изготовляли сотрудники мастерской, другой делал Дегтярев собственноручно.

Дегтярев приступил к изготовлению своей модели на другой день. Начал он опять с затворной рамы — основной части пулемета. Работал не спеша, тщательно отшлифовывая и измеряя каждую грань, каждую выемку в металле. Сделав деталь, он внимательно осматривал ее: ему нужно было определить не только правильность линий и чистоту отделки каждой детали, но и качество металла — нет ли в нем трещин или маленьких предательских каверн. Некоторые детали Дегтярев вначале рисовал на кусочке бумаги, потом переносил рисунок на металл и начинал обработку.

Поставив перед собой задачу добиться в новой модели наибольшей простоты в устройстве механизма и легкости его сборки и разборки, Дегтярев стремился к уменьшению числа деталей.

Иногда он подходил к Шпагину или еще к кому-либо из слесарей советовался с ними, показывая только что сделанные детали. Он ощущал большую радость оттого, что теперь работал в коллективе и мог не только посоветоваться с каждым из мастеров или конструкторов, но и получить от них любую помощь. Ежедневно к его верстаку подходил Федоров: осматривал готовые детали, давал советы. Однажды, прежде чем начать разговор о пулемете, Федоров строго сказал:

— Василий Алексеевич, на вас поступила жалоба.

— От кого это? — удивился Дегтярев.

— От вашей собственной жены, — рассмеялся Федоров: — говорит, от дому отбились, даже обедать не приходите.

— Это верно, Владимир Григорьевич, как возьмусь с утра за работу, так и не могу бросить. Все на обед идут, а я не могу оторваться. Ведь туда да обратно — часа два пройдет, разве можно?..

— Так как же быть прикажете?

— Уж уладил: договорился с женой, чтобы обед-то сюда носила.

Но как ни торопился Дегтярев, изготовление новой модели с многочисленными испытаниями, доделками и переделками продолжалось около двух лет. Лишь к осени 1926 года новый образец, сияющий стальными боками, был готов к испытаниям. Теперь Дегтярев уже не чувствовал прежней робости: он был твердо уверен в своей машине.

События, происходившие в те годы в стране, оказали огромное влияние на успехи советских конструкторов.

Руководствуясь решениями XIV партийной конференции и XIV съезда, партия взяла курс на построение социализма в СССР.

Центральной задачей партии стала борьба за социалистическую индустриализацию, которая должна была обеспечить стране экономическую самостоятельность, укрепить ее обороноспособность и создать все условия для победы социализма в СССР.

«Необходимо было построить заново целый ряд отраслей индустрии, которых не было в царской России, — построить новые машиностроительные, станкостроительные. автомобильные, химические, металлургические заводы, наладить собственное производство двигателей и оборудования для электростанций, увеличить добычу металла и угля, ибо этого требовало дело победы социализма в СССР.

Необходимо было создать новую оборонную промышленность, — построить новые артиллерийские, снарядные, авиационные, танковые, пулеметные заводы, ибо этого требовали интересы обороны СССР в обстановке капиталистического окружения»[7].

И в СССР нашлись средства и силы для этого гигантского строительства. В 1926—27 году в промышленность было вложено около миллиарда рублей, а через три года сумма капитальных вложений увеличилась почти в пять раз. Успех социалистической индустриализации страны открывал широчайшие перспективы перед советскими конструкторами — создателями новой боевой техники для Красной Армии.

ВТОРОЕ ИСПЫТАНИЕ

Осенью 1926 года из Москвы было получено предписание представить новую модель пулемета Дегтярева на комиссионные испытания.

На этот раз к испытаниям подготовились более тщательно. Федоров, выезжавший в Москву вместе с Дегтяревым, приказал взять с собой в запас ящик с инструментами и наиболее ломкие части: бойки, пружины.

— Я больше вас верю в успех предстоящих испытаний, — сказал он Дегтяреву, — но предусмотрительность никогда не мешает.

Федоров еще до испытаний в Москве дал новой модели высокую оценку и прочил ей большое будущее.

По его мнению, новая модель пулемета Дегтярева представляла собой оригинальную конструкцию и была создана с учетом всех последних достижений оружейной техники.

— В чем же, — спрашивали его, — преимущества дегтяревской системы?

— Прежде всего, — говорил Федоров, — малый вес, затем — простота устройства, прочность сцепления механизма.

Действительно, в отношении малого веса пулемета Дегтяреву удалось установить непревзойденный рекорд: его пулемет с сошками весил всего 8,5 килограмма, то-есть был на 6 килограммов легче английского «Льюиса» и более чем вдвое легче немецкого ручного «Максима».

Простота устройства пулемета была достигнута благодаря применению оригинальной затворной рамы с расположенными на ней основными частями механизма.

Для того чтобы разобрать пулемет Дегтярева, требовалось всего три приема: отвинтить и снять чеку замочной коробки, повернуть соединительную муфту и вынуть затворную раму, повернуть ствольную чеку и снять ствол.

Благодаря малому дрожанию системы при стрельбе на заводских испытаниях была получена хорошая кучность пуль.

Было в пулемете Дегтярева и еще одно чрезвычайно важное достоинство — при малом весе он обладал удивительной прочностью сцепления механизма.

Эта прочность сцепления затвора со ствольной коробкой достигалась симметричностью сцепления и, особенно, широкими плоскостями плеч отдачи.

На заводских испытаниях пулемет без единой поломки отбил

10 тысяч выстрелов.

Многие пулеметы иностранных систем, где это сцепление несимметрично, — системы Шательро, Дарна и Прага — не могли итти в сравнение с новой моделью Дегтярева.

Но как только Федоров и Дегтярев приехали в Москву, им объявили, что их образцу предстоит соревнование с несравнимо более сильными противниками, чем пулеметы Шательро или Дарна.

На полигоне стоял готовый к испытаниям новый пулемет — переделочный образец Максима—Токарева и последняя модель немецкого пулемета Драйзе, который должен был испытываться для сравнения.

Как и в прошлые испытания, Дегтяреву указали отведенное для его пулемета место в одной линии с другими образцами, и он стал готовиться к «бою».

На этот раз Василий Алексеевич чувствовал себя совсем иначе: он разговаривал с Федоровым, шутил со стрелками и, казалось, был полон уверенности в победе.

— А как же вы насчет «Драйзе»? — спросил Федоров. — Ведь это не старый «Максим».

— Побью! — решительно заявил Дегтярев и лег к пулемету.

Федоров никогда не видел в Дегтяреве такой решительности. Это ему понравилось.

Члены комиссии осмотрели все пулеметы и приказали приготовиться к стрельбе.

Стрельба началась по команде из всех пулеметов одновременно и велась с маленькими перерывами для необходимой смены мишеней. Это был первый этап испытаний — на кучность и рассеивание пуль. Он принес Дегтяреву радостные известия: его пулемет показал наибольшую кучность стрельбы.

Следующим этапом были испытания на живучесть.

К каждому пулемету поставили специальных наблюдателей и счетчиков. Они должны были подсчитывать количество задержек и регистрировать число выстрелов.

Из-за одновременной трескотни трех пулеметов невозможно было расслышать слова команды, и наблюдатели больше обменивались с членами комиссии жестами.

Дегтярев так увлекся стрельбой, что не заметил, как смолкли его «соседи», и был остановлен наблюдателем, тоже не расслышавшим команду, лишь после того, как его пулемет сделал 580 выстрелов.

К нему подошли члены комиссии и внимательно осмотрели пулемет.

— Пятьсот восемьдесят, говорите?

— Так точно, пятьсот восемьдесят! — доложил наблюдатель.

— Это же почти двойную норму отбухал без охлаждения, — удивился председатель комиссии.

— Любопытно проверить, сколько он простреляет без смазки?

— А смазка когда полагается? — спросил Дегтярев.

— После шестисот выстрелов.

Опять возобновилась стрельба.

Теперь члены комиссии стояли около Дегтярева, внимательно наблюдая за поведением его пулемета.

— Тысяча... тысяча двести... тысяча четыреста,— докладывал наблюдатель.

— Нагрелся?

— Не особенно, товарищ командир.

— Продолжайте стрельбу.

— Есть продолжать!

Пулемет трещал и трещал, уж мишень была разорвана в клочья, а Дегтярев упрямо бил по щиту.

— Тысяча восемьсот... тысяча девятьсот... две тысячи, — докладывал наблюдатель.

Вот замолчала машина Токарева. Изобретатель склонился над ней, и скоро пулемет опять заработал.

«А как же «Драйзе»? — думал Дегтярев. — Ведь у него уже были две задержки, неужели он окажется лучше «Токарева»?»

— Две тысячи сто... две тысячи двести...

Дегтярев взглянул влево. Ему послышалось, что дребезжащий стук «Драйзе» вдруг оборвался. Сердце радостно застучало. «Неужели хваленый «Драйзе» сдал? Так и есть, его исправляют».

— Две тысячи триста... две тысячи триста пятьдесят! — кричит наблюдатель.

Теперь Дегтярев слышит лишь выстрелы своего пулемета. Он оглядывается в сторону Токарева. «И у него заело». И опять бьет и бьет. Потом смотрит налево: около «Драйзе» механик безнадежно машет рукой. Дегтярев трогает нагревшуюся коробку и опять продолжает стрельбу.

— Стоп, отставить! — раздается команда, и дюжие руки наблюдателя хватают его за плечи. — Довольно!

— Сколько?—спрашивает председатель комиссии.

— Две тысячи шестьсот сорок шесть выстрелов, — доложил наблюдатель.

— Это великолепно! История пулеметного дела еще не знала таких рекордов. Поздравляю вас, товарищ Дегтярев, начало хорошее!..

И действительно, этот успех был лишь началом испытаний.

Пулеметам дали короткий отдых, охладили их в бочке с

водой, исправили повреждения и вновь подвергли испытаниям. «Дегтярев» и «Токарев» работали исправно. «Драйзе» то и дело заедал и в конце концов был совершенно снят с испытаний.

Но вот пулеметы поставили на короткий отдых и смазку. Потом их искусственно засоряли.

— Стрельба продолжается! — раздалась команда.

И снова Дегтярев и Токарев ударили по щитам...

Уже побиты все рекорды по живучести, но оба пулемета продолжают работать. Наконец их снова искусственно засоряют. «Токарев» на этот раз начинает сдавать. У него все чаще появляются задержки, а «Дегтярев» работает, несмотря на пыль и засорение. Наконец председатель комиссии приказывает прекратить стрельбу. Федоров подходит к Дегтяреву, крепко и радостно трясет его руку.

— Василий Алексеевич, поздравляю вас, победа, большая победа! Мне никогда не доводилось наблюдать такой стрельбы.

В тот же вечер Дегтярев был представлен Клименту Ефремовичу Ворошилову. Климент Ефремович поздравил конструктора с выдающимся успехом и пожелал новых удач в его работе.

Встреча с товарищем Ворошиловым, его теплые, ободряющие слова взволновали Василия Алексеевича до глубины души. Он ехал домой охваченный стремлением работать с еще большей энергией и страстью.

ПОБЕДА РУССКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Успех пулемета Дегтярева на комиссионных испытаниях в Москве еще нельзя было считать окончательной победой конструктора.

По существующему положению, пулемет должен был пройти еще полигонные и войсковые испытания, причем на полигонных испытаниях из пулемета стреляет не сам конструктор, хорошо знающий его капризы, а специальные стрелки-испытатели.

Войсковые испытания оружия производились непосредственно в воинских частях самими красноармейцами в условиях, приближенных к фронтовым. С пулеметом делали перебежки, брали водные и другие препятствия.

Все эти испытания обязательно должен был пройти любой тип оружия, прежде чем будет дан заказ на его массовое производство.

Пулемет Дегтярева блестяще выдержал все положенные испытания и в феврале 1927 года был принят на вооружение Красной Армии.

Крупнейший теоретик в области оружия академик А. А. Благонравов так определил первый успех Дегтярева:

«Разработав конструкцию пулемета, по боевым и техническим качествам занявшего одно из первых мест в мире, Василий Алексеевич выдвинулся в ряды виднейших советских конструкторов...

...В. А. Дегтярев, сумев правильно понять значение этого вида оружия, поставил перед собой задачу — дать Советской Армии отечественный образец ручного пулемета — и успешно разрешил ее. Особенностью системы Дегтярева было оригинальное устройство узла запирания ствола в пулемете, оригинальная система подачи патронов. Особым достоинством конструкции пулемета было обеспечение прочности деталей при относительно небольшом весе».

Перед заводом, на котором работали Федоров и Дегтярев, была поставлена задача организовать серийное производство пулеметов «ДП» («Дегтярев пехотный»).

Для успеха организации массового и дешевого производства нового пулемета необходимо было изготовить приспособления, инструменты и калибры.

Прежде всего требовалось упорядочить, стандартизировать, кроме размеров, также все допуски и пригонки, как это было сделано при производстве автоматов на основе созданных

Федоровым нормалей.

Опубликованная и разосланная в то время по заводам «система КЭСа» (Комиссия эталонов и стандартов) не была признана Федоровым правильной. Эта система предписывала применение в оружейном деле только четырех классов точности, что должно было повлечь за собой удорожание стоимости изделий.

Федоров выступил с резкой критикой «системы КЭСа» и предложил допустить применение 5-го и 6-го классов точности для менее ответственных размеров. Это значительно упрощало изготовление пулемета и удешевляло производство. Предложение Федорова было одобрено.

Федоров и Дегтярев почти все свое время проводили на заводе. Дегтярева можно было видеть то в одном, то в другом конце цеха. Обучая рабочих изготовлению наиболее ответственных деталей, он становился к станкам, показывал, как легче и проще обработать ту или иную деталь.

Дегтярев жил одними интересами с рабочими, мастерами, инженерами, ощущал свою кровную связь с заводом и его коллективом.

Он был безгранично благодарен Советскому правительству за возможность не только изобретать, но и налаживать производство оружия, не щадя сил трудиться на благо советского народа.

Легкость, прочность, простота устройства и безотказность в работе сделали пулемет Дегтярева любимым оружием советских бойцов. Оно выдержало испытание временем и войнами.

АВТОМАТИЧЕСКИЕ ВИНТОВКИ ДЕГТЯРЕВА

Несмотря на огромный опыт использования разных типов оружия во время империалистической и гражданской войн, когда были расстреляны десятки миллиардов патронов, вопрос, какому оружию отдать предпочтение, долгие годы не был разрешен.

Автоматические винтовки, к которым к концу империалистической войны у многих государств наметилось некоторое охлаждение, постепенно стали опять рассматриваться как массовое, а может быть, и основное оружие пехоты.

Главное артиллерийское управление еще в 1924 году объявило конкурс среди советских конструкторов на лучшую автоматическую винтовку. В специальном решении говорилось, что все представляемые на конкурс образцы должны быть сделаны под существующий патрон калибром 7,62 миллиметра. Вводить в войска автоматы уменьшенного калибра (6,5 миллиметра) тогда считали нецелесообразным, так как полагали, что патроны различного калибра могут создать путаницу.

В связи с этим решением автоматы Федорова, разработанные, согласно постановлению Артиллерий-ского комитета, под малокалиберные японские патроны, которых в 1916 году получали по 400 миллионов штук в месяц, следовало или переделывать под штатный патрон, или использовать в специальных частях. Они, как и его малокалиберные автоматические винтовки, не могли быть представлены на объявленный конкурс. Федоров по условиям конкурса имел право представить лишь винтовку образца 1912 года, сделанную под существующий патрон.

В затруднительном положении оказался и Дегтярев, так как его автоматический карабин 1916 года тоже был изготовлен под японский патрон. Так как оба конструктора персонально приглашались принять участие в предстоящем конкурсе, им пришлось заново готовиться к нему.

Федоров ввел лишь некоторые усовершенствования в свою старую винтовку образца 1912 года. Дегтярев же должен был переделывать свой малокалиберный карабин образца 1916 года под штатный патрон.

Для представления образцов автоматических винтовок под штатный патрон был установлен жесткий срок — январь 1926 года. Это удручало Дегтярева, так как ему приходилось одновременно работать над переделочным образцом винтовки и новым образцом ручного пулемета.

Чтобы не снижать темпов работ по изготовлению пулемета, разработкой винтовки он мог заниматься лишь в вечерние часы и воскресные дни.

«Ну что ж, — подумал Дегтярев, — мне к этому не привыкать, ведь сделал же я карабин во внеурочное время!»

Однако теперешние условия его работы не шли ни в какое сравнение с теми, в каких изготовлялся карабин. Теперь в его распоряжении была отличная мастерская.

Федоров, постоянно следивший за работой Дегтярева, не раз ему напоминал, что изготовление конкурсной винтовки есть важное задание и эта работа может производиться в мастерской с использованием любых специалистов. Но Дегтярев не мог преодолеть своей скромности и главные части винтовок делал сам, оставаясь в мастерской после работы.

Федоров нередко говорил ему:

— Василий Алексеевич, вы бы сегодня отдохнули, я боюсь за ваше здоровье.

— Так я ведь и так каждый день отдыхаю.

— Когда это? Вас я и день и вечер вижу в бюро.

— А я утром, Владимир Григорьевич. Как встану, иду в садик: с цветами там, ягодками повожусь, вот и отдых. Да и вечерком другой раз посижу под деревцем, опять отдохну!..

— Не знаю, что с вами и делать, — говорил Федоров, — если б не такой срочности работа, отправил бы вас в санаторий и разговаривать бы не стал.

Но вот подошел 1926 год, и оба конструктора выехали в Москву с новыми образцами своих автоматических винтовок. Дегтяреву удалось сделать два варианта винтовки по нескольку образцов с пятизарядным и десятизарядным магазином.

В Москве они встретили старых знакомых — изобретателей Токарева, Колесникова и Коновалова. Все они представили на конкурс новые образцы автоматических винтовок.

Однако при предварительном отборе винтовки Колесникова и Коновалова не были приняты как недоработанные. До испытаний были допущены образцы Токарева, Федорова и Дегтярева.

Дегтяреву на этот раз предстояло сразиться с ветеранами конструирования автоматического оружия, имевшими огромный опыт в области разработки автоматических винтовок. Но он не чувствовал себя смущенным.

Испытания были полигонные, и поэтому оружие испытывали специальные стрелки под наблюдением комиссии, а изобретатели присутствовали лишь в качестве зрителей. Испытания были очень серьезными и продолжались несколько дней. Ни одна из представленных систем не выдержала полного курса

предъявленных испытаний.

Из 14 испытываемых образцов 10 тысяч положенных выстрелов выдержал лишь один — винтовка Дегтярева № 2. Система Дегтярева была признана наиболее прочной. Наименьшее число задержек дала система Федорова — образец № 6.

Комиссия предложила конструкторам поработать над усовершенствованием своих образцов, назначив для этих работ полуторагодичный срок.

Вернувшись домой, оба конструктора решили тщательно подготовиться к новым испытаниям и немедленно включились в работу. Одновременно с ними работал над образцом своей автоматической винтовки молодой оружейник мастер Безруков. Для упрощения документации при производстве очень широких испытаний было решено все четыре винтовки (две Дегтярева, одну Федорова и одну Безрукова) представить под одним названием — «винтовки коллектива», под номерами: 1-й — винтовка Федорова, 2-й и 3-й — винтовки Дегтярева и 4-й — Безрукова.

Каждый конструктор должен был самостоятельно дорабатывать свою винтовку, хотя все они охотно помогали друг другу.

В июне 1928 года все четыре образца автоматических винтовок были отправлены в Москву. Токарев представил несколько усовершенствованных образцов своей винтовки.

Испытания, как и в прошлый раз, были тщательными и всесторонними. Наилучшую оценку получила винтовка № 2 с неподвижным стволом системы Дегтярева и винтовка Токарева с подвижным стволом. Однако комиссия и на этот раз ни одну из винтовок не признала годной для принятия в армии. Опять конструкторам предложили продолжать работу над устранением выявленных при испытаниях недостатков.

Несмотря на то, что Дегтярев в эти годы был занят чрезвычайно важной работой по унификации своего пулемета, он с присущим ему упорством продолжал совершенствовать и винтовку.

В марте 1930 года он представил на испытания пять новых экземпляров. Столько же образцов представил и Токарев. Опять началось соревнование между двумя друзьями.

На этот раз победу одержал Токарев. Его винтовка показала лучшие результаты стрельбы и дала меньшее число задержек. Однако система с неподвижным стволом (винтовка Дегтярева) была признана наиболее надежной, и комиссия постановила заказать 500 экземпляров его винтовок для более широких

войсковых испытаний.

«ДЕГТЯРЕВ АВИАЦИОННЫЙ»

Успех пулемета «ДП» в воинских частях рос с каждым месяцем. Росло и количество писем, которые получал Дегтярев от пехотинцев. Эти письма Василий Алексеевич читал с большим вниманием, так как в них, помимо теплых слов благодарности, было немало ценных советов и пожеланий, которые могли пригодиться ему для дальнейшего улучшения системы пулемета. Дегтярев привык к письмам пехотинцев и охотно на них отвечал. Но однажды он получил необычное письмо — ему писали не пехотинцы, а летчики. Дегтярев очень удивился: его пулемет предназначался для пехотных частей и даже назывался «Дегтярев пехотный». Однако, дочитав письмо до конца, он понял все и тотчас же с этим письмом направился к Федорову.

— Владимир Григорьевич, вы как-то предлагали мне подумать об унификации пулемета. Теперь вот летчики пишут, жалуются на английский «Льюис» и просят приспособить для авиации «ДП».

— А я только что получил от директора завода указание срочно заняться переделкой «ДП» в тип авиационного пулемета. Полученное вами письмо как раз подтверждает срочную необходимость такой работы. Я полагаю, что вначале нужно подробно ознакомиться с условиями предстоящей работы и с требованиями, которые теперь предъявляются к авиационному пулемету, ведь с тех пор, как вы разрабатывали для авиации мой автомат, прошло порядочно времени, появились новые самолеты.

В тот же день они были на аэродроме. Василий Алексеевич, тщательно осмотрев кабины самолетов, убедился, что приспособить его пулемет для авиации нельзя без серьезной переделки.

Прежде всего следовало изменить его габариты: убрать приклад, кожух, уменьшить круглый диск; а также разработать легкое и прочное устройство для крепления пулемета к турели самолета, кольцо для авиационного прицела, специальную мушку.

Дегтярев тщательно измерил кабину самолета и определил, на какую площадь он может рассчитывать при разработке нового типа пулемета.

В этой работе Дегтяреву чрезвычайно пригодился опыт, накопленный в результате разработки вместе с Федоровым различных типов оружия по системе федоровского автомата. Особенно ценной была практическая работа по созданию

одиночной, а также спаренной и строенной моделей авиационного пулемета из автоматов Федорова, которые делал Дегтярев.

Благодаря этому Дегтярев без особого труда разработал оригинальное и прочное крепление пулемета к турели, убрал приклад, заменив его двумя рукоятками: одна для удобства обращения была загнута вверх, а другая вниз. Кожух был снят, а на дульной части ствола помещена флюгер-мушка.

Круглый, точнее кольцевой, авиационный прицел был укреплен тоже весьма оригинально: на навинтованную переднюю часть коробки Дегтярев надел диск, к которому и прикрепил кольцевой прицел.

Разработка и изготовление всех этих приспособлений проходили быстро, без всяких помех и задержек, но при конструировании нового магазина Дегтярев столкнулся с серьезными трудностями.

Широкий круглый магазин для патронов совершенно не годился. Создание секторного магазина, где патроны разместились бы в два-три яруса, требовало сложных приспособлений для подачи патронов, что неминуемо повлекло бы за собой сильное увеличение его объема. Оставить круглый магазин, но уменьшить его диаметр — значило уменьшить количество патронов, а их было в магазине всего 49 штук, тогда как летчики требовали увеличения количества их, по крайней мере, до шестидесяти.

«Что же делать?» — думал Дегтярев.

И вот после долгих раздумий Дегтярев решил применить тот же круглый диск, почти вдвое уменьшив его диаметр, но увеличив толщину и разместив патроны в три яруса.

Был сделан пробный макет. Такой диск подходил по габаритам и имел еще одно важное преимущество: в нем размещалось не 49, а 65 патронов.

После того как испытания на заводе дали хорошие результаты, пулемет Дегтярева был отправлен в авиационное подразделение. Пулемет установили в самолете и в присутствии летчиков дали очередь. Гильзы со звоном посыпались в кабину. Летчики с недоумением переглянулись. Гильзы могли попасть в механизм управления, а это при полете грозило катастрофой.

Дегтярев, заметив их взгляды, сказал:

— Не беспокойтесь, мы гильзы упрячем в мешок. Нам важно сейчас определить, как работает пулемет, подошел ли он по размеру, а о гильзах не беспокойтесь: завтра же будет мешок.

Пулемет был горячо одобрен летчиками. Они от души поздравляли конструктора и, прощаясь с ним, просили не забыть

о мешке.

— Без него невозможно! — говорили они.

Вернувшись на завод, Дегтярев попросил чертежника помочь сделать чертеж мешка. Мешок сшили, снабдили его у устья металлической рамкой и прикрепили к пулемету.

— А ну-ка, пойдемте на стрельбище, Василий Алексеевич, — сказал Федоров, — надо его испытать!

Но на стрельбище, когда пулемет был совершенно готов, возникли непредвиденные трудности. При стрельбе гильзы застревали в горловине мешка, и чтобы продолжать стрельбу, его то и дело приходилось встряхивать.

Дегтярев предложил сделать жесткий каркас. На другой день он был готов. Его вставили в мешок и снова отправились на стрельбище. Дегтярев сам влез на станок, где был укреплен пулемет, и дал короткую очередь. Гильзы, звеня, полетели в мешок и упали на самое дно.

— Хорошо пока идет, — улыбнулся Дегтярев.

— А вы попробуйте длинную очередь, — посоветовал Федоров.

Дегтярев нажал на спусковой крючок и вдруг почувствовал, что гильзы, перемешавшись, стали дыбом и забили горловину мешка.

— Надо изогнуть каркас, — посоветовал Федоров, — давайте придадим ему форму воображаемой линии полета гильз.

Каркас согнули в дугу, но гильзы попрежнему застревали. Пробовали придавать мешку десятки различных изгибов. Пробыли на стрельбище до позднего вечера, но так ничего и не добились.

На другой, на третий и на четвертый день продолжались те же безуспешные эксперименты. Сшили мешки большего размера и все-таки не добились желаемых результатов: гильзы продолжали застревать, Было очень обидно, что пулемет, так горячо одобренный летчиками и показавший прекрасные боевые качества, нельзя было применить в авиации из-за одного только мешка.

Дегтярев приходил с завода хмурый, расстроенный, за обедом молчал, поглощенный своими думами.

— Папа, пойдем сегодня в кино, — пригласили его как-то сыновья, — немножко рассеешься, отдохнешь.

— Ну что же, пожалуй, схожу, — согласился он, — хоть и не до кино мне.

Перед картиной показывали спортивный журнал: соревнования конькобежцев и лыжников. Дегтярев, любивший спорт, с удовольствием смотрел журнал. Вдруг его внимание

привлекли медленно идущие лыжники. Они шли так медленно и плавно, что можно было проследить каждое движение. Дегтярев прочел надпись: «Тайна хода мастеров лыжного спорта».

— Как это достигнуто? — топотом спросил Дегтярев у сыновей.

— Ускоренной съемкой.

«Может, так и гильзы можно заснять?» — мелькнуло в сознании Дегтярева.

— Ну, вот что, ребята, вы тут смотрите, а я пойду домой, мысль мне одна явилась... Уж вы не сердитесь, как-нибудь еще схожу с вами... — И он, согнувшись, чтобы никому не помешать, вышел из кино и быстро направился домой.

В ту же ночь ему удалось дозвониться до Москвы и вызвать кинооператора. Заснятая ускоренной съемкой работа пулемета через несколько дней была показана на экране. Это помогло открыть тайну полета гильз и придать мешку необходимый изгиб.

Вскоре авиационный пулемет Дегтярева был принят к серийному производству.

ДЕГТЯРЕВ ВООРУЖАЕТ ТАНКИ

Вскоре после принятия пулемета «ДА» («Дегтярев авиационный») конструкторское бюро, где Василий Алексеевич был теперь главным конструктором, получило задание: создать по системе «ДП» танковый пулемет, необходимый для вооружения советских танков.

Начальник конструкторского бюро Федоров, получив новое задание, задумался. Василий Алексеевич был занят срочной и важной работой: он готовил образцы автоматических винтовок для третьего конкурса — новое задание могло повлиять на успех этих работ.

У Федорова явилась мысль поручить разработку нового типа оружия талантливому молодому конструктору Шпагину, так хорошо в свое время разработавшему танковый пулемет по системе Федорова и сделавшему шаровую установку и выдвижной приклад.

Но он не знал, как отнесется к этому Дегтярев. Согласится ли он доверить свою систему другому изобретателю, с тем чтобы тот разрабатывал для нее приспособления?

Василий Алексеевич новое задание, как всегда, принял с радостью.

— Я с большой охотой возьмусь за это дело, — сказал он Федорову, — только не знаю, как же быть с винтовкой.

— Я думал над этим, Василий Алексеевич. Мне кажется, довести винтовку до совершенства трудней, чем уже готовый пулемет переделать в другой тип. Вы это сами отлично знаете по опыту унификации моего автомата.

— Это правильно, Владимир Григорьевич, — согласился Дегтярев. — А вы помните, как тогда разработал ваш танковый Шпагин? Ведь хорошо?

— Очень хорошо, я бы сказал талантливо.

— Так почему бы ему не поручить работу с моим пулеметом?

— Тогда прошу вас, Василий Алексеевич, поговорите со Шпагиным и вместе с ним приходите ко мне, составим план работы — и к делу.

Дегтярев без колебаний передал свое изобретение в руки другого конструктора, предоставив ему право создавать на основе своей системы новый тип оружия.

Дегтярева совсем не волновал вопрос личной славы. Он думал лишь о том, чтобы сделать для армии новый тип оружия без ущерба для другой работы и как можно быстрей. А кто

сделает этот пулемет, кто получит благодарность: он, Шпагин или Симонов — это было для него делом второстепенным.

Впоследствии в своих воспоминаниях конструктор Г. С. Шпагин так писал об этом:

«Работу по конструированию танкового пулемета Василий Алексеевич поручил мне, так как я уже имел некоторый опыт, поскольку разрабатывал шаровую установку и гнездовое устройство для спаренных танковых автоматов Федорова.

О том, что Василий Алексеевич поручил мне разрабатывать свою систему, следует сказать особо, потому что такое бескорыстие возможно только в нашей стране, во взаимоотношениях советских людей.

Разве мог бы где-нибудь в Америке конструктор отдать безвозмездно свою систему другому конструктору, чтобы тот ее разработал в другой тип оружия? Нет, там подобные примеры невозможны. Ибо там каждое изобретение служит делу наживы или предпринимателя, или самого изобретателя. Мы же все свои изобретения делали для блага народа, а не для личных выгод.

В дальнейшем Василий Алексеевич поручал мне усовершенствовать и разрабатывать и другие системы, думая при этом не о личной славе, а о пользе общего дела.

Мы, его ученики, так же относились к работе: мы думали лишь о том, как бы скорей и лучше сделать то или иное оружие, а отнюдь не о том, кого будут потом хвалить и награждать.

Разрабатывая танковую установку, выдвижной приклад и другие конструктивные детали для танкового пулемета Дегтярева, я все время советовался с Василием Алексеевичем, и он дал мне немало ценных указаний».

Этот отрывок ив воспоминаний Шпагина отмечает новые черты в характере Дегтярева. Василий Алексеевич тогда уже перестал быть тем замкнутым человеком, каким тот же Шпагин видел его в 1918 году. Теперь в его характере появились новые черты, и прежде всего — чувство коллективизма.

Шпагин подметил и еще одну отличительную черту в характере Дегтярева — беспокойство и неустанную заботу о порученном деле.

Передав разработку танкового пулемета своему ученику и товарищу Георгию Шпагину, Василий Алексеевич не упускал его работу из поля зрения. Он по нескольку раз в день подходил к Шпагину, интересовался его успехами, замыслами, иногда кое-что советовал, но очень осторожно, чтобы не задеть самолюбия товарища, не охладить его творческой инициативы.

Малейшие неудачи Шпагина волновали его, как свои собственные. Когда Шпагин что-нибудь переделывал, Дегтярев

обычно говорил:

— Вот видишь, Семеныч, поторопился, теперь самому обидно. Ты в следующий раз на бумажке прикинь, размерь — вот и выйдет все в акурат...

Как-то Василий Алексеевич пригласил Шпагина к себе:

— Приходи, Семеныч, вечерком, посмотришь мою покупку.

Вечером приходит Шпагин и видит: стоит во дворе английский трехколесный мотоцикл «Харлей».

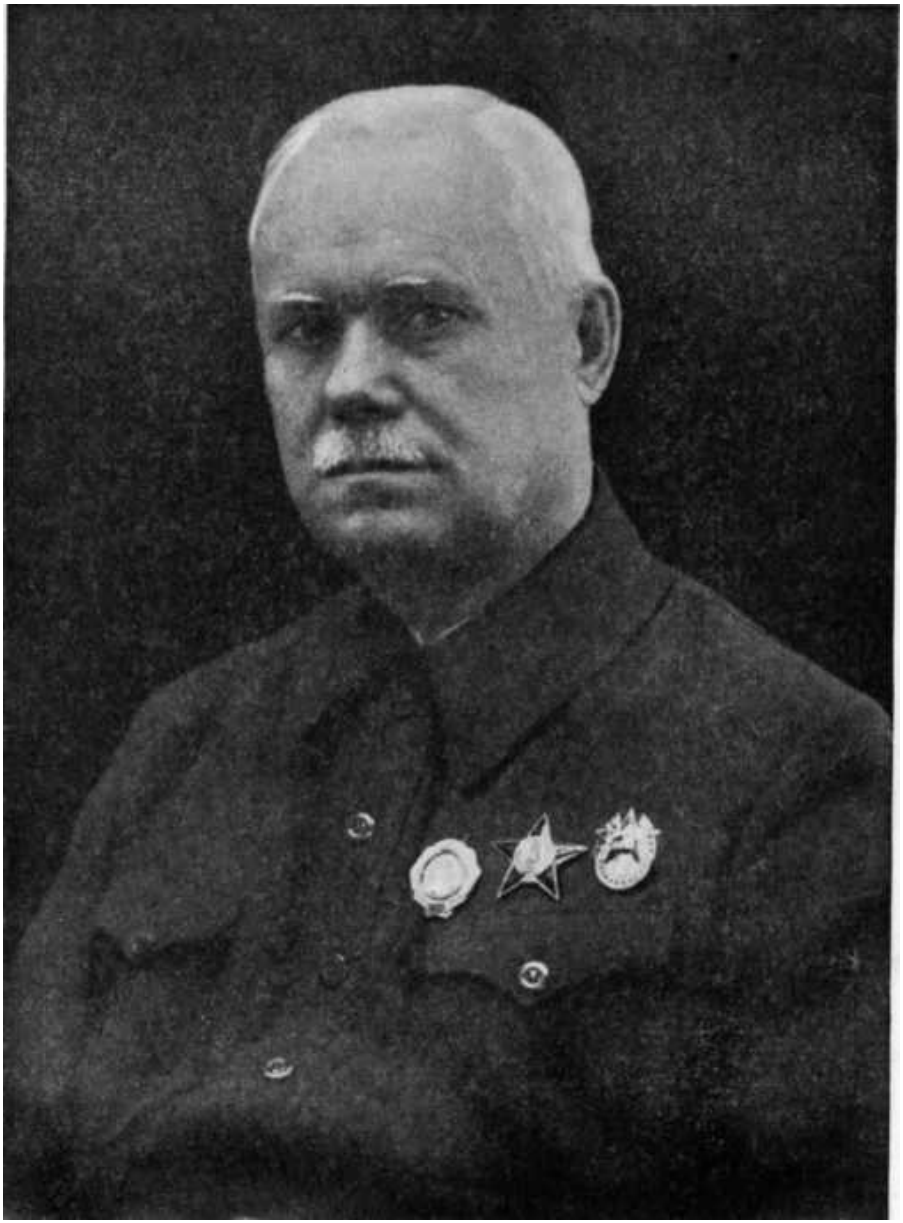
Шпагин сам никогда на мотоцикле не ездил, да и мало их было в те годы, но мотор он знал, и у него явилось желание испытать покупку Василия Алексеевича.

— А можно ли мне проехаться? — спросил Шпагин.

— Если не разобьешь, то поезжай!

Шпагин с грохотом выехал со двора. Шедшие мимо лошади вздыбились, шарахнулись и понеслись вдоль улицы. Шпагин растерялся и чуть было не попал в канаву, но все же успел вовремя выправить руль, уменьшить скорость и выровнять ход. Провожаемый диким собачьим лаем, он объехал несколько кварталов и скоро показался у ворот.

Василий Алексеевич и все домашние встретили его с восторгом. В то время мотоцикл был большой редкостью, поглядеть на него собралось много народу.



В. А. Дегтярев в 1934 году.

Дом, в котором жил В. А. Дегтярев.

Василий Алексеевич стал просить Шпагина в ближайшее воскресенье отправиться на мотоцикле в Москву. Шпагину такое предложение показалось заманчивым, он согласился. В воскресенье чуть свет, набрав с собой еды, они выехали в столицу.

Погода стояла теплая, дул легонький ветерок, по обеим сторонам шоссе тянулись живописные леса и бесконечные просторы полей.

Дорогой раза два устраивали привалы на траве, закусывали и отдыхали на свежем воздухе. Обратно вернулись на другой день. Путешествие обошлось без аварий. Впечатлений от поездки было так много, что разговоров о ней хватило недели на две. Василий Алексеевич очень полюбил мотоцикл и почти каждое воскресенье, если позволяли погода и время, со Шпагиным или с другим водителем уезжал на прогулку.

В 1929 году в Москве была всесоюзная спортивная олимпиада и намечался мотоциклетный пробег любителей по маршруту Москва — Ленинград — Москва. Василий Алексеевич очень хотел принять участие в пробеге и взял со Шпагина слово, что тот обязательно с ним поедет.

Но получилось так, что незадолго до олимпиады Федоров послал Шпагина со срочным заданием в Москву и ему пришлось там задержаться. Шпагин телеграфировал Василию Алексеевичу, что выехать не может, и тут же получил ответ: «Жди завтра на ипподроме выезжаю Уразновым» (Уразнов работал слесарем в

мастерской и тоже умел управлять мотоциклом).

Приходит Шпагин на ипподром, где собирались все участники пробега, а Василия Алексеевича и его «Харлуши» (так они называли мотоцикл «Харлей») нет. Ждет час, другой, уж собравшиеся начали разъезжаться, а Василия Алексеевича все нет и нет. Обошел Шпагин еще раз все поле — нигде! «Ну, — думает, — значит, не приехал». И направился к себе.

Вдруг навстречу ему идет Василий Алексеевич. Вид у него усталый и растерянный. Бросился Шпагин к нему, спрашивает:

— Что случилось?

— Беда, Семеныч, раздавили нашего «Харлушу».

— Как раздавили, кто раздавил? — спрашивает Шпагин.

— Трамвай раздавил, Семеныч. Заехали в самое пекло, а он сзади нажал. Как еще сами выскочили — не знаю.

— Где же Уразнов?

— Поволок «Харлушу» в какую-то мастерскую.

— А можно ли починить его?

— Уразнов обещал починить. «А если, — говорит, — не починю, новый сделаю, но так домой не вернусь».

Шпагин кое-как успокоил Василия Алексеевича и увел его на стадион смотреть соревнования.

На другой день к вечеру их разыскал Уразнов. Он приехал на починенном «Харлуше».

Однако Василий Алексеевич не согласился пуститься на нем в дальнее путешествие и с той поры вообще как-то охладел к мотоциклам и даже продал своего «Харлушу».

Любил также Дегтярев прогулки в лесу, рыбалки, отдых и сон на свежем воздухе. Чаще всего такие прогулки он совершал со Шпагиным. По возвращении домой они тотчас же шли в мастерскую, где ждала их большая работа.

— Ну, Семеныч, отдохнули, — обычно говорил Василий Алексеевич, — теперь за работу. Дело нам поручено важное: надо спешить с танковым пулеметом.

* * *

При разработке танкового пулемета за основу был взят «ДА» (авиационный) с более вместительным и компактным трехъярусным магазином для патронов.

Но применение авиационного пулемета в танках требовало разработки ряда специфических приспособлений. Прежде всего для удобства стрельбы был необходим приклад. Старый приклад

от пулемета «ДП» не годился, так как он занял бы много места, поэтому решено было сделать выдвижной приклад. Необходим был и новый прицел, не требовавший столь большой нарезки делений, как в «ДП», так как стрельба из танка была рассчитана на более близкие расстояния. Высокий трехъярусный магазин потребовал сравнительно высокой прицельной прорези — диоптра, что нельзя было сделать без специального расчета, но все это теперь, при наличии конструкторского бюро, не представляло больших трудностей.

Более сложным казалось создание шаровой установки для крепления пулемета в танке. Но установка, сделанная Шпагиным еще для федоровских автоматов, оказалась вполне пригодной, и сейчас она требовала лишь незначительных изменений.

Шаровая установка состояла из двух частей: собственно шара, в который вставлялся пулемет, и гнездового устройства с зажимным приспособлением для удержания шара с пулеметом в нужном для стрельбы положении. Гнездовое устройство прикреплялось непосредственно к броне танка.

Особенность шаровой установки состоит в том, что она позволяет стрелять из укрепленного в ней пулемета под любым углом и с быстрыми поворотами.

Шпагин трудился над разработкой танкового пулемета с большим усердием. В начале 1929 года, задолго до того, как Дегтярев закончил работу над автоматической винтовкой, Шпагин рапортовал о том, что новый тип оружия готов к осмотру.

А надо сказать, что по существующему положению и авиационный и танковый пулеметы, несмотря на то, что их боевой механизм не подвергался никаким изменениям, должны были пройти такие же испытания по стрельбе, как и «ДП».

Новый пулемет был доставлен на танкодром, установлен в танке и из него произвели по различным целям около 50 тысяч выстрелов.

«ДТ» («Дегтярев танковый») проявил себя с лучшей стороны и в том же 1929 году был принят на вооружение Красной Армии.

ОТВЕТ НА НУЖДЫ АРМИИ

До изобретения своего знаменитого ручного пулемета Василий Алексеевич, в силу природной скромности, не решался браться за самостоятельную работу по конструированию образцов вооружения, хотя и чувствовал, что с такой работой он справится.

Огромный успех в армии созданного им «ДП» заставил Дегтярева окончательно увериться в своих силах и способностях, придал смелость его дерзаниям и мыслям. С этого момента начался бурный подъем его творческой деятельности. Новые типы оружия, разрабатываемые Дегтяревым и его ближайшими сотрудниками, следуют одно за другим.

«Дегтярев авиационный», многие образцы автоматических винтовок, пулеметы станковый и крупнокалиберный не исчерпывают списка его изобретений этих лет.

Василий Алексеевич обладал ценнейшим качеством: он никогда не успокаивался на достигнутом.

Ведя обширную переписку с бойцами, командирами и политработниками армии, он получал много ценных замечаний по своим образцам; нередко он и сам бывал в воинских частях и на маневрах, чтобы собственными глазами увидеть достоинства и недостатки созданного им оружия. Иногда ему, как конструктору, удавалось увидеть такое, что было незаметно для стрелков. В другой раз, наоборот, рядовой красноармеец ему указывал на недочеты, которых не мог заметить ни он, ни другие работники конструкторского бюро.

Строгая самокритичность, стремление довести до совершенства каждую систему заставляли Дегтярева все время работать над уже одобренными и принятыми на вооружение образцами.

Создав в 1928 году лучший в мире авиационный пулемет, Дегтярев продолжал работу над его усовершенствованием. Поставив перед собой задачу увеличить боеспособность пулемета, Дегтярев справился с этой задачей удачно. В 1930 году на вооружение советского Военно-Воздушного Флота была принята разработанная им спаренная система авиационных пулеметов с учащенным темпом стрельбы.

Неустанно думая о нуждах армии и отдавая все свои силы и способности укреплению ее боевой мощи, Дегтярев болезненно переносил жалобы бойцов и командиров на тот или иной тип оружия.

Однажды, вернувшись из воинской части, он сказал

Федорову:

— Владимир Григорьевич, бойцы жалуются на «Максима», говорят, устарел он и страшно тяжел, мешает быстрому маневру.

— Наш «Русский Максим» значительно лучше английского, но все же бойцы правы, — ответил Федоров.

— Я им сказал, что постараюсь сделать советский станковый пулемет по системе ручного.

— Это правильная мысль. Я буду горячо поддерживать ваше начинание, — такой пулемет крайне нужен армии.

Разговор этот происходил в начале 1929 года, когда Дегтярев работал над автоматической винтовкой и спаренной установкой авиационных пулеметов, когда по его системе и под его наблюдением разрабатывался танковый пулемет и зенитные орудия. И все же, считая новую работу важной и неотложной, Дегтярев решил приступить к ней немедленно.

— А как же другие дела—с винтовкой, с танковым пулеметом, с авиационной системой?

— Владимир Григорьевич, ведь эти работы я выполняю не один, мне помогает весь коллектив мастерской, такие замечательные мастера, как Шпагин, Кузнецов, Голышев. Я говорил с ними, все прикинул, — управимся!

— Ну, если так, начинайте!.. В случае успеха облегченный станковый пулемет будет большим вкладом в вооружение армии!.. Но должен предупредить вас, Василий Алексеевич, эта работа потребует величайшего напряжения, она повлечет за собой существенную переработку всей системы «ДП»...

Дегтярев и сам предвидел трудности, но он их не испугался, потому что твердо верил в успех дела. В разработке станкового пулемета было много заманчивого. Во-первых, прочный станок позволял достичь большей кучности пуль, во-вторых, увеличение веса пулемета позволяло сделать детали более массивными и тем добиться наибольшей прочности и надежности всей конструкции, а самое главное — Дегтярев мечтал увеличить скорострельность и боеспособность новой машины.

Работа над пулеметом началась в начале 1929 года и первое время шла довольно быстро, хотя Дегтярев должен был беспрестанно отвлекаться от нее, чтобы вести доработку других систем.

К лету, когда был сделан и испытан первый опытный образец «ДС» («Дегтярев станковый»), выяснилось, что система ненадежна и над ней предстоит еще много работать. Пулемет при стрельбе сильно перегревался, и чтобы вести наблюдения за работой механизма, на него то и дело приходилось лить холодную воду. Особенно сильно нагревался патронник, и это внушало опасения,

что патроны взорвутся и взрыв при незакрытом затворе разнесет весь пулемет.

Был обнаружен и еще один серьезный дефект. Пружина, расположенная в подствольной части, при стрельбе тоже нагревалась и теряла свою упругость, отчего пулемет переставал работать. Шпагин, принимавший живое участие в изготовлении опытного образца, предложил перенести пружину из-под ствола в тыльную часть пулемета.

— Я тоже думал над этим, — сказал Василий Алексеевич. — Хоть и велика работа, но, должно быть, без нее не обойтись.

Посоветовались с Федоровым. Тот тоже настаивал на переносе пружины. Поразмыслив, Дегтярев решил, что другого выхода нет, и взялся за переделку механизма.

В конце лета Дегтярева пригласили на большие маневры Красной Армии. Для него это было радостным событием, так как предстояло увидеть изобретенное им оружие в обстановке, приближенной к боевой, услышать советы бойцов и командиров.

После маневров Дегтярев был приглашен к Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Климент Ефремович, поздравив конструктора с успехами в разработке ручного, авиационного и танкового пулеметов, попросил его рассказать о своей работе и планах на будущее.

В этой беседе Климент Ефремович подчеркнул все возрастающее значение авиации и танков в обороне страны, указал на необходимость создания крупнокалиберного пулемета. Дегтярев заверил Климента Ефремовича, что такой пулемет будет сделан.

Возвращаясь домой под впечатлением беседы с товарищем Ворошиловым и только что виденных маневров, Дегтярев думал о том, какой мощной, какой грозной силой стала наша Красная Армия. Вооружать такую армию, трудиться для укрепления ее технической мощи — большое счастье для каждого оружейника! Всю дорогу он размышлял о задании товарища Ворошилова, о том, как быстрей и лучше создать новый тип оружия.

Работа над крупнокалиберным пулеметом представлялась ему еще более сложной, чем создание «ДС». Тут следовало почти вдвое увеличить калибр оружия, а следовательно, изменить все размеры. В связи с этим возник вопрос и о проверке прочности. Так как механически увеличивать детали конструкции было нельзя, требовались новые технические расчеты.

Приехав домой, он рассказал Федорову о задании товарища Ворошилова, поделился с ним своими мыслями.

— Да, — сказал Федоров, — это дело серьезное. Я предлагаю конструирование пулемета поставить на строго техническую

основу: разработать схему проектирования, сделать точные расчеты, составить рабочие чертежи и лишь тогда приступить к изготовлению модели.

— Я согласен с вами, — сказал Дегтярев, — надо составить расчеты и разработать чертежи, беря за основу «ДП», но я очень прошу...

— Понимаю вас, Василий Алексеевич. Для работы по расчетам и проектированию вы можете подобрать себе лучших специалистов бюро.

В январе 1930 года, когда работы по крупнокалиберному пулемету шли полным ходом, Дегтярева пригласили в партийный комитет.

— А, Василий Алексеевич! Садитесь, садитесь,— приветствовал его секретарь парткома. — Руководство завода, рабочие, ИТР, вообще весь наш коллектив решили торжественно отметить ваше пятидесятилетие.

— Что вы, зачем?..

— Нет, нет, Василий Алексеевич, это решено, ваше чествование — большой праздник для всего коллектива. Приглашаю вас завтра в клуб в семь часов вечера. Неплохо, если бы вы рассказали о своем жизненном пути, — это пример для всех нас, особенно для молодежи.

— Я, право, не знаю... — смутился Дегтярев.

* * *

Василий Алексеевич сидел в президиуме и чувствовал себя очень неловко. Когда ему дали слово, он прослезился и, не выходя на трибуну, сказал:

— Все знают, я говорить не умею. Я только и хочу сказать, что мою работу, мой труд оценили Советское правительство и партия большевиков. Они меня поставили на ноги, они дали мне возможность работать и изобретать. За это им душевное спасибо! А образцы, о которых тут говорили, я не смог бы сделать, если бы мне не помогали все сотрудники нашего бюро и мастерской — от рядового рабочего до руководителя бюро, моего учителя Владимира Григорьевича Федорова. Всем им большое спасибо!

Аплодисменты заглушили его слова. Когда они затихли, все услышали знакомый голос секретаря парткома:

— Товарищи! Получен легковой автомобиль — подарок нашему дорогому Василию Алексеевичу от товарища Ворошилова.

Опять раздались аплодисменты: рабочие дружно приветствовали своего товарища по работе.

Позднее, в своей речи «Об итогах первой пятилетки», товарищ Ворошилов так оценивал работу Дегтярева:

«Наша Красная Армия еще в 1928 году на пулеметном вооружении не имела ничего, кроме хорошего станкового пулемета, старого «Максима», и то сравнительно в небольшом количестве. Своего ручного пулемета Красная Армия не имела, и на ее вооружении состояли различные иностранные системы («Шош», «Льюис» и «Кольт»), Все эти пулеметы представляли собою не только технически устарелые типы, но были расстреляны, не имели нужного количества запасных частей и вообще представляли из себя малобоеспособное оружие. Хуже всего было то, что у нас не было серьезной, крепкой оружейной базы.

Тем более, конечно, у нас не было своих авиационных пулеметов, не было зенитных пулеметов, совершенно не было танковых пулеметов. И поэтому все наши усилия в пятилетием плане перевооружения армии прежде всего были направлены к тому, чтобы снабдить Красную Армию современным мощным пулеметным оружием.

...В разрешении пулеметной проблемы сыграл наряду с другими конструкторами главнейшую роль конструктор Дегтярев, награжденный ЦИК орденом Трудового Красного Знамени. Тов. Дегтяреву армия обязана многим»[8].

«ДШК»

До разработки крупнокалиберного пулемета, несмотря на существование конструкторского бюро, где имелись хорошие конструкторы, расчетчики и чертежники, Василий Алексеевич в силу старой привычки стеснялся обращаться к их помощи, особенно в начале работы над моделью, стремясь сам сделать все необходимое для задуманного им оружия.

После всестороннего обдумывания новой системы, особенно ее автоматики, он тщательно продумывал важнейшие узлы: запирание куркового или ударникового механизма для воспламенения заряда, боевое питание, то-есть подачу патронов. Затем он приступал к изготовлению макета модели образца. Работа начиналась обычно с самого важного — узла запирания затвора.

Излюбленным приемом Василия Алексеевича при начале работ было составление простой схемы той части, какую он делал, с нанесением главных ее размеров.

Такой метод индивидуального конструирования был чрезвычайно трудоемким, так как модель изготовляли по частям, без единой схемы и чертежей. Потом приходилось заниматься отладкой всего механизма, затем вести испытания стрельбой, при которой многие детали ломались, что нередко влекло за собой существенную переделку всей системы.

Этот полукустарный метод проектирования, когда схема и чертежи на всю машину составлялись лишь по изготовлении ее главного механизма, резко осуждался Федоровым. Но Василию Алексеевичу, ввиду привычки, было трудно от него отвыкнуть.

Предварительное составление рабочих чертежей, по настоянию Федорова, было впервые применено при разработке крупнокалиберного пулемета в 1930 году и с той поры вошло в систему.

Теперь создание новых образцов боевого вооружения было поставлено на строго техническую основу. Вся тяжесть работ по проектированию новых образцов ложилась на коллектив сотрудников конструкторского бюро — ближайших помощников Дегтярева.

По указаниям и наброскам Василия Алексеевича на основе «ДП» должны были составляться чертежи трех типов: эскизные, рабочие опытного образца, рабочие для валового производства.

По этим чертежам коллектив мастерской и изготовил опытный образец нового пулемета, избавив Василия Алексеевича

от тяжелого и длительного труда.

Разработка крупнокалиберного пулемета положила начало в конструкторском бюро новому, коллективному методу проектирования под руководством Дегтярева как главного конструктора.

Этот метод давал огромные преимущества, так как при нем к разработке образца привлекались различные специалисты, в совершенстве знающие свое дело, и изготовление образца производилось намного быстрее.

Когда первый образец крупнокалиберного пулемета Дегтярева был собран, начались испытания его стрельбой. Испытания показали непрочность многих деталей и отдельных частей, которые при стрельбе давали трещины и даже ломались. В этом меньше всего были виноваты специалисты, делавшие расчеты. Причина неудач крылась в плохом качестве металла.

Василию Алексеевичу приходилось на ходу вносить конструктивные изменения в детали, делать новые, более прочные детали, заменять целые части. Но неудачи продолжали преследовать его. В эти дни ему хотелось посоветоваться с Федоровым, но Федоров был в 1931 году отозван в Москву на научную работу.

Некоторые мастера, будучи свидетелями многих неудач с испытаниями крупнокалиберного пулемета, начали сомневаться в достоинствах создаваемой системы.

Однако Василий Алексеевич ни на минуту не терял веры в окончательную победу. Да теперь и трудно было ему обмануться: многолетний опыт по разработке многочисленных образцов оружия убеждал его в том, что работы ведутся правильно и что неудачи будут побеждены.

По предложению Дегтярева была сделана еще одна модель крупнокалиберного пулемета. От первоначальной модели она отличалась рядом конструктивных изменений: в ней были учтены недостатки первого образца. Дальнейшие испытания перенесли на новую модель.

Когда она была доставлена на стрельбище, Василий Алексеевич пригласил туда не только конструкторов, но и мастеров, которые трудились над ее созданием. Он обратился к ним с просьбой критиковать новый образец со всей суровостью, подмечать его малейшие недостатки и высказывать свои пожелания и советы.

Новая модель оказалась лучше прежней, но работала она неровно, с заеданиями. Не было уверенности в том, что она окажется достаточно прочной, чтобы выдержать несколько десятков тысяч выстрелов.

Во время стрельбы к Василию Алексеевичу подошел Шпагин:

— Василий Алексеевич, у меня есть предложение по улучшению живучести и боеспособности пулемета.

И Шпагин начал излагать свои соображения.

— Дельно, очень дельно, — говорил Василий Алексеевич, — я думал об этом, но думал по-другому. Твое предложение проще и поэтому лучше. Так вот что, Семеныч, давай-ка, брат, будем вдвоем доделывать этот пулемет. Ты берись за новую разработку боепитания, я — за улучшение коробки и затыльника.

Шпагин был очень обрадован таким доверием своего учителя и охотно согласился. На другой же день в конструкторском бюро были сдвинуты рядом два стола и на них водружен крупнокалиберный пулемет Дегтярева. За одним столом расположился Василий Алексеевич, за другим — Георгий Семенович Шпагин.

ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Тов. Дегтяреву Василию Алексеевичу

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ЗА ВАШИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ГОСУДАРСТВОМ 5 лет изобретения и конструирования новых особо важных образцов вооружения Красной Армии ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР СВОИМ УКАЗОМ от 2 января 1940 г. ПРИСВОИЛ ВАМ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Москва—Кремль, 15 июня 1940 г.

№ 1/987

Грамота о присвоении В. А. Дегтяреву звания Героя Социалистического Труда.

В. А. Дегтярев с внучкой.

В процессе коллективной работы, продолжавшейся несколько лет, за время которой было немало сокровенных бесед и горячих споров, крупнокалиберный пулемет Дегтярева был подвергнут большой доработке.

По-новому разработали боепитание, сделали приспособление, задерживающее отскок затворной рамы, спроектировали затыльник и дульный тормоз, внесли много мелких усовершенствований.

Универсальный станок для этого пулемета был спроектирован мастером Колесниковым.

Окончательный образец крупнокалиберного пулемета после многочисленных стрельб и стендовых испытаний на заводе был представлен в Москву лишь в 1938 году.

Новый образец подвергли испытаниям в присутствии товарища Ворошилова. Пулемет отлично выдержал испытания и на кучность и на живучесть.

Когда стреляли по броневым щитам, Климент Ефремович захотел сам испытать новую машину. Он сделал несколько коротких очередей и поспешил к мишени. В толстом броневом щите зияли круглые, словно просверленные, отверстия, расположенные в три линии.

— Хорошая работа!—сказал Климент Ефремович и, отыскав глазами стоящего поодаль Дегтярева, подошел к нему. — Поздравляю вас с успехом, товарищ Дегтярев, — сказал он, крепко пожимая руку изобретателю, — желаю новых успехов!

Дегтярев поблагодарил за поздравление и, указав на Шпагина, проговорил:

— Этот пулемет, Климент Ефремович, мы сделали вместе с Георгием Семеновичем, и я прошу, чтобы его так и назвали «ДШК» — «Дегтярев — Шпагин крупнокалиберный».

Просьба Дегтярева была удовлетворена. После всех испытаний, длившихся несколько месяцев и закончившихся успешно, в том же 1938 году первый в Советском Союзе крупнокалиберный пулемет был сдан в серийное производство.

Скоро новенькие крупнокалиберные пулеметы появились в воинских частях. На них как символ творческого содружества двух талантливых советских конструкторов стояли три буквы — «ДШК».

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО ТРУДА

Успешное выполнение первого пятилетнего плана сыграло решающую роль в деле перевооружения Красной Армии образцами нового автоматического оружия.

В результате выполнения пятилетнего плана была создана в невиданно короткий срок та мощная техническая база, на основе которой было развернуто серийное производство новейшего оружия и осуществлено перевооружение Красной Армии.

Благодаря неустанной заботе партии и правительства советские конструкторы-оружейники в течение десятилетия сумели не только догнать конструкторов Запада, но и во многом их превзойти. Советские конструкторы создали многие образцы прекрасного отечественного автоматического оружия, которое Красная Армия получила в значительных количествах и в короткий срок благодаря самоотверженной работе тружеников оборонной промышленности.

В 1934 году, на XVII съезде партии, Иосиф Виссарионович Сталин говорил:

«Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны»[9].

Выполнение второго пятилетнего плана социалистического строительства еще больше укрепило оборонную мощь нашей Родины. Однако пожар войны, раздутый фашистами Германии и Италии в Испании и империалистами Японии в Китае, грозил всему миру, это заставило ваш народ все время думать об обороне страны и неустанно крепить мощь Красной Армии.

Вся творческая деятельность Дегтярева, беззаветно любившего свою Родину, была связана с Красной Армией. Конструируя для нее крупнокалиберный пулемет, Дегтярев одновременно обдумывал и другие образцы боевого вооружения, создать которые по указанию Коммунистической партии должны были советские оружейники.

Несмотря на исключительно мягкий характер, Василий Алексеевич был человеком непреклонной, несгибаемой воли и каждое начатое дело доводил до конца.

Неудачи никогда не расхолаживали его. Чем больше встречалось препятствий, тем сильней было в нем стремление завершить начатое дело.

Приступив к работе над пулеметом «ДС» («Дегтярев станковый») в 1929 году, Василий Алексеевич не прекращал ее даже в самые напряженные месяцы разработки «ДШК». Если не

хватало дня, он работал ночью. На трудовой подвиг Дегтярева влекло высокое чувство долга перед Родиной. Он стремился к тому, чтобы Красная Армия по всем видам стрелкового вооружения заняла первое место в мире.

Работая вместе со Шпагиным над «ДШК», Василий Алексеевич нередко обсуждал с ним и капризы в механизме «ДС», внимательно прислушивался к замечаниям сотрудников мастерской, особенно Шпагина.

Случалось, Василий Алексеевич внесет в модель изменения и скажет:

— А ну-ка, Семеныч, взгляни теперь, каково? Говорят, со стороны-то виднее!..

Однажды Шпагин посоветовал ему вместо дискового магазина сконструировать ленточный приемник для патронов и даже сделал набросок схемы. Василий Алексеевич задумался. Ленточный приемник не был новостью, он применялся в пулемете «Максим» и в других системах. Но там устройство по подаче патронов было громоздкое и сильно утяжеляло пулемет. Шпагин предлагал это сделать экономней и проще.

По его наброску конструктор Александрович разработал схему ленточного приемника, который был быстро изготовлен и при испытаниях показал хорошие результаты.

Применение ленточного приемника натолкнуло Василия Алексеевича на мысль изменить еще некоторые детали. И так, постепенно совершенствуя часть за частью, деталь за деталью, он проработал над станковым пулеметом десять лет.

Дегтярев знал, что хорошие изобретения не создаются мгновенно: шесть лет затратили они с Федоровым на создание первой автоматической винтовки. Мосин проработал над своей винтовкой около десяти лет. А конструктор Токарев трудился над автоматической винтовкой больше двадцати лет!

Многолетний упорный труд Дегтярева увенчался успехом. В 1939 году его станковый пулемет был принят на вооружение Красной Армии.

Вот как оценивал эту работу Дегтярева академик А. А. Благонравов:

«Еще до Великой Отечественной войны Дегтярев создал новый станковый пулемет, значительно облегченный по сравнению со старым пулеметом Максима. Опыт Отечественной войны полностью подтвердил необходимость облегчения веса станкового пулемета. И хотя этот пулемет недолго был на вооружении, уступив место новому образцу, появившемуся во время войны также не без участия Дегтярева, его конструкция лишний раз подчеркивает, насколько правильно понимал

Василий Алексеевич пути технического развития оружия».

СОЗДАНИЕ „ППД“

Международная обстановка с каждым днем становилась напряженней. В Европе уже вспыхнуло пламя новой мировой войны.

Советские оружейники, понимая, что огонь войны, раздуваемый фашистами, может быть в любое время перенесен с Запада на Восток, старательно изучали опыт войны на Западе и прилагали все усилия к тому, чтобы вооружить Красную Армию самым новейшим оружием.

Дегтяреву было хорошо известно, что фашистские войска широко применяют ружья-пулеметы облегченного типа, называемые пистолетами-пулеметами, или автоматами. Для Василия Алексеевича этот тип оружия не являлся новинкой, так как в России малокалиберный автомат был создан еще двадцать три года назад. Это был автомат Федорова, сделанный руками Дегтярева в 1916 году.

Но за два с лишним десятилетия, прошедших с тех пор, оружейная техника сделала большой шаг вперед, и чтобы итти в ногу с ней, следовало автомат делать заново.

Располагая большим опытом и знаниями в этом деле, Дегтярев немедленно приступил к созданию нового автомата, с учетом всех требований, выявленных войной на Западе.

Он разрабатывал новый образец по тому же излюбленному им и испытанному на многих системах принципу неподвижного ствола, но проектировал его не под винтовочный, а под пистолетный патрон.

Так как пистолетный патрон создает меньшее давление пороховых газов в сравнении с винтовочным, Дегтярев поручил специалистам конструкторского бюро сделать новые расчеты прочности, которые позволили бы ему добиться предельной легкости автомата.

Разработка образца автомата, как и «ДШК», велась в плановом порядке с привлечением конструкторов, расчетчиков, чертежников, слесарей и станочников, под руководством самого Василия Алексеевича. Это позволило все работы закончить в предельно короткий срок. К концу 1939 года, когда разразилась война с белофиннами, новый образец советского автомата «ППД» («Пистолет-пулемет Дегтярева») был готов.

* * *

В конце декабря Дегтярева неожиданно вызвали в Москву, в Артиллерийскую академию имени Дзержинского, на заседание кафедры стрелкового оружия и ученого совета.

«Может быть, ученые нашли недостатки в новом образце и теперь будут обсуждать их на заседании кафедры в моем присутствии? — думал Дегтярев. — Но ведь об этом можно было бы сказать и так. Нет, тут, очевидно, что-то другое».

Вскоре машина подъехала к зданию академии, и Дегтярев, быстро раздевшись, поспешил в зал.

— Здравствуйте, здравствуйте, Василий Алексеевич, — приветствовал его старый знакомый, известный советский ученый, специалист по стрелковому оружию, профессор Анатолий Аркадьевич Благонравов. — Пойдемте, пожалуйста, мы вас ждем.

— Я, собственно, и не знаю, зачем меня вызывали?

— Как, разве вам не сообщили причину вашего приглашения? — удивился профессор. — Кафедра стрелкового вооружения академии возбудила ходатайство перед ученым советом о присуждении вам ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации.

Огромный зал, куда они вошли, был обставлен красивыми витринами и стендами из полированного дуба, где были выставлены различные образцы автоматического оружия.

— Узнаете, Василий Алексеевич, эти системы? — спросил Благонравов.

— Как же не узнать, Анатолий Аркадьевич, — собственными руками делал.

— Вот, вот, вы очень хорошо сказали: все это оружие сконструировано и сделано вами, вашими золотыми руками. Вы сделали больше того, что в состоянии сделать просто ученый. Вы свои замыслы, достойные большого ученого, воплотили в металл. Многие образцы созданного вами оружия доселе не имеют себе равного. По ним учатся слушатели нашей академии, молодые конструкторы и курсанты других учебных заведений. Вот почему кафедра стрелкового оружия и возбудила вопрос о присуждении вам ученой степени доктора технических наук.

Дегтярев, не зная, что сказать профессору, молча последовал за ним.

Собравшиеся в зале заседаний ученые дружными аплодисментами приветствовали смущенного конструктора.

— А теперь разрешите огласить отзыв о работах конструктора Василия Алексеевича Дегтярева, представленный старейшим оружейным конструктором и ученым Владимиром Григорьевичем Федоровым, проработавшим с Дегтяревым двадцать пять лет.

Василий Алексеевич прислушался:

— «Нет ни одной отрасли, ни одной разновидности стрелкового вооружения, к которой не приложил бы Василий Алексеевич своего таланта и своих дарований», — читал председатель.

И чем дольше он читал, тем тише, торжественней становилось в зале.

— «Во всей истории ручного огнестрельного оружия нет ни одного оружейного конструктора, ни одного оружейного изобретателя, многогранная талантливость которого дала бы столько разнообразных образцов, как это было выполнено Василием Алексеевичем».

— «Работы Дегтярева, — звучал четкий голос председателя, — являются в этом отношении непревзойденными. Непревзойденными нигде и никогда!..»

В зале раздались громкие аплодисменты.

— «Характерными качествами образцов, разработанных Василием Алексеевичем, — продолжал председатель, — являются простота устройства, прочность деталей, надежность и безотказность действия механизма, простота сборки и разборки и малый вес системы. Колоссальной выгодой является и то обстоятельство, что все эти образцы имеют одинаковый принцип устройства, что значительно упрощает обучение бойцов Красной Армии.

Для создания этих образцов, помимо исключительных дарований и талантливости, необходимы были фундаментальные знания оснований устройства автоматического оружия, знания условий службы и общих требований, предъявляемых в настоящее время к разнообразным типам вооружения, от пистолета-пулемета и автоматической винтовки до зенитного орудия, а также знания работы отдельных механизмов, агрегатов и их конструкций. Всеми этими знаниями, безусловно, располагает наш замечательный конструктор.

На основании всего изложенного необходимо признать, что конструктор Василий Алексеевич Дегтярев, согласно пункта четырнадцать Положения об ученых степенях и званиях, безусловно заслуживает присуждения ему степени доктора технических наук без защиты диссертации».

Таково было заключение Федорова.

Бурные, долго не смолкающие аплодисменты были единодушным выражением воли ученых.

К Василию Алексеевичу подошел профессор Благонравов и, крепко пожав ему руку, сказал:

— Поздравляю вас, Василий Алексеевич, отныне вы доктор

технических наук. Своим многолетним творческим трудом вы заслужили это почетное и высокое звание.

ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ

Наступил новый, 1940 год. 3 января, когда была закончена срочная работа, Василий Алексеевич решил немного отдохнуть. В этот день ему исполнилось шестьдесят лет.

Садясь за празднично накрытый стол, Василий Алексеевич включил радио. Раздался четкий голос диктора:

— Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении товарищу Дегтяреву Василию Алексеевичу...

Услышав фамилию мужа, Вера Васильевна поспешила в столовую.

Василий Алексеевич, сделав ей знак рукой, придвинулся к репродуктору.

— «За выдающиеся заслуги в деле изобретения и конструирования новых, особо важных образцов вооружения Красной Армии, — читал диктор, — присвоить товарищу Василию Алексеевичу Дегтяреву звание Героя Социалистического Труда с вручением высшей награды СССР — Ордена Ленина и выдачей денежной премии 50 тысяч рублей...»

Василий Алексеевич стал ходить по комнате. Им овладело глубокое волнение: ведь это почетное звание было присвоено ему первому из советских конструкторов!

Все утро раздавались телефонные звонки. Поздравляли секретарь парткома, директор завода, друзья по работе, просто знакомые и даже совсем неизвестные ему люди.

В этот же день Дегтярев получил поздравительную телеграмму от товарища Ворошилова:

«В день вашего шестидесятилетия желаю вам счастья, постоянного здоровья, многих лет жизни и дальнейшей творческой деятельности на благо нашей Родины,

Ворошилов».

В тот же вечер в клубе завода состоялось чествование юбиляра. Слушая приветственные речи, Василий Алексеевич, как всегда, чувствовал смущение, даже какую-то неловкость.

Но вот слово предоставили юбиляру. Под несмолкаемые аплодисменты Василий Алексеевич поднялся на трибуну.

В это время к нему подошел директор клуба и тихо сказал:

— Вас срочно к телефону, вызывает Москва. Через некоторое время счастливый, улыбающийся юбиляр снова был на трибуне.

— Товарищи! — начал он взволнованно. — Сейчас я говорил с Москвой. Мне звонил Иосиф Виссарионович Сталин. Завтра я буду в Москве. Скажу вам по секрету, что за последнее время я

кое-что отработал и доложу об этом товарищу Сталину. И еще скажу вам в день своего шестидесятилетия, что, пока будет биться мое сердце, я буду неустанно трудиться на благо Родины, во имя нашего народа и любимой партии!

Утром по запорошенному мягким снегом шоссе к Москве стремительно неслась новенькая машина «ЗИС-101».

Вот проплыли мимо знакомые окраины столицы, промелькнули шумные центральные улицы. Машина круто повернула и остановилась у ворот Кремля...

В тот же вечер Дегтярев выехал из Москвы. Он всю дорогу молчал, погруженный в раздумье.

Товарищи Сталин, Молотов и Ворошилов, осмотрев его автомат, посоветовали увеличить емкость магазина. Дегтярев дал слово руководителям партии и правительства, что выполнит задание в семь дней. Он не сомневался, что сотрудники конструкторского бюро и опытной мастерской не пожалеют сил для работы. А как выполнить это задание, как создать новый магазин для патронов в более короткий срок, это должен был решить он, Дегтярев...

Машина подходила к дому, уже показались знакомые березки, как вдруг Дегтярев крикнул шоферу:

— На завод!

В эту ночь он не пришел домой. Когда в заиндевелом окне затрепетали первые солнечные лучи, Дегтярев вышел к конструкторам и рассказал им о правительственном задании увеличить емкость магазина пулемета-пистолета.

Закипела напряженная работа в бюро и мастерской. Магазин делали несколько человек, сменяя друг друга, не прекращая работы ни на минуту ни днем, ни ночью.

В это время шли напряженные бои на Карельском перешейке, пулемет-пистолет был крайне нужен.

Весть о том, что Дегтярев был принят в Кремле, облетела завод. В цехах возникли краткие стихийные митинги. Дегтярев, поглощенный работой, не всегда имел возможность выступать на них, но его заменяли парторги или старые производственники-коммунисты. Они рассказывали слышанное от Дегтярева и призывали помочь фронту стахановской работой.

Об этих днях напряженной работы так вспоминал впоследствии старейший слесарь опытной мастерской Н. Д. Зернышкин:

«Мы учились у Василия Алексеевича настойчивому преодолению трудностей, умению не считаться со временем при выполнении важных заданий.

Помню, что при создании пистолета-пулемета Василий

Алексеевич вместе с нами сутками не уходил из мастерской. При этом он неустанно напоминал сотрудникам, что образец должен быть легким, прочным, удобным.

— Для нашей Красной Армии стараемся, — говорил он,— чтобы она была самой могучей в мире...»

На пятые сутки новый магазин был отлажен. Дегтярев лично испытывал пистолет-пулемет. Испытания прошли на редкость удачно, боеспособность оружия увеличилась почти вдвое. Ночью в Москву полетела срочная депеша с рапортом об окончании работ по усовершенствованию нового пистолета-пулемета.

Важное задание было выполнено досрочно.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

В том же 1940 году труженики родного завода выдвинули Василия Алексеевича Дегтярева кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по дополнительным выборам.

Весть о великом доверии народа и о высокой чести, оказанной ему, глубоко тронула старого конструктора. Готовясь к встрече с избирателями в заводском клубе, Василий Алексеевич долго думал над предстоящим выступлением. Ему многое хотелось сказать избирателям: рассказать им о Туле, о своем безрадостном детстве, которое оборвалось в одиннадцать лет, об изнурительном двенадцатичасовом труде и нищенской жизни, из-за чего в расцвете лет погиб его отец и сотни других рабочих, об унизительном и бесправном положении мастеровых, которые не только были лишены возможности учиться, изобретать, творить, но даже не имели элементарных человеческих прав. Их в любую минуту могли вышвырнуть за ворота завода, лишить жилья и куска хлеба.

В то же время ему хотелось рассказать и о великих переменах, происшедших в Стране Советов.

Рассказать о том, как он, сын и внук потомственных рабочих-оружейников, получил возможность учиться, развивать свои способности, творить, как он, изобретатель-самоучка, благодаря неустанной заботе и помощи партии и правительства, стал крупным изобретателем.

Ему хотелось поведать избирателям о тех чувствах, которые испытал он на приеме в Кремле, о большой заботе со стороны руководителей партии и правительства. Где, в какой стране мира можно видеть такое отношение правительства к изобретателям из народа? Это возможно только в Стране Советов, в стране социализма!

Многое хотелось сказать Дегтяреву своим избирателям, долго он готовился к речи, а когда вышел на сцену, увидел сотни лиц, услышал гул аплодисментов, сердце его сжалось, на глаза навернулись слезы, и он уже не смог различить аккуратно написанные слова заранее подготовленной речи.

— Дорогие товарищи, — сказал он, вытирая слезы радости, — мне многое хотелось бы сказать вам, но я не могу и не умею... Одно скажу: меня вывели на дорогу партия, правительство и товарищ Сталин. Я служил и буду служить своему народу и государству до конца. Отдам все силы, а если потребуется, и жизнь!

Раздались громкие, продолжительные аплодисменты.

— А еще скажу вам, — продолжал Василий Алексеевич: — большое спасибо за доверие, которое постараюсь оправдать.

В дни выборов Василию Алексеевичу пришлось побывать во многих уголках избирательного округа. Он встречался с рабочими заводов и фабрик, со студентами и железнодорожниками, с красноармейцами и колхозниками.

«Разъезжая по городам и селам, — вспоминал впоследствии Дегтярев, — я хорошо рассмотрел небольшой кусочек своей огромной страны и был поражен ее стремительным развитием.

Я, конечно, знал о великом преобразовании страны, но до этих поездок, поглощенный конструкторской работой, не представлял себе огромных масштабов этих преобразований. И вот в небольших городах передо мной возникли новые, оснащенные самой современной техникой заводы, величественные дворцы культуры и рабочие клубы, светлые, просторные больницы, красивые здания детских садов, строгие здания институтов, техникумов, школ. Города оделись в сады. Исчезла грязь, на главных улицах появился асфальт. Я смотрел на все это, как зачарованный.

В деревне меня поразило обилие сельскохозяйственных машин. Всюду я видел тракторы, комбайны, автомобили. Машины, новейшие, умные машины, приводимые в движение электричеством, прочно вошли в жизнь советской деревни. В домах колхозников радио и «лампочки Ильича» стали обычным явлением.

Но еще большие перемены я увидел в людях, в колхозниках, которые водили теперь тракторы и комбайны, управляли автомашинами, работали в хатах-лабораториях, на электростанциях и в МТС. Колхозники учились на курсах, писали в газеты, выращивали двухсотпудовые урожаи.

Так преобразила нашу страну и наш народ партия, великая партия большевиков и ее вожди Ленин и Сталин».

Мысли о великих преобразованиях, о замечательных победах в городе и деревне все чаще заставляли задумываться старого конструктора об организаторе всех побед — о великой партии большевиков.

«Почему же я до сих пор не в партии?» — спрашивал он себя.

«Мне становилось неловко, — вспоминал он потом, — словно во время боя я был не на переднем крае, хотя в душе чувствовал, что это не так. Напротив, я старался работать, как большевик».

И чем чаще он думал о партии, тем больше убеждался в том, что не может быть без нее, что давно уже связан с ней работой, мыслями, душой и что теперь настало время вступить в ее ряды.

* * *

Избрание Василия Алексеевича в депутаты Верховного Совета СССР прибавило ему еще одну почетную обязанность — быть слугой народа.

К нему стали приходить избиратели со своими нуждами, думами, мечтами. Они знали Василия Алексеевича как человека чуткого и отзывчивого, верили, что он внимательно выслушает их, поможет советом и делом. К нему шли избиратели и с личными и с общественными делами: одни оросили помочь отремонтировать дом, другие — оказать помощь в озеленении города, третьи — построить лодочную станцию.

Василий Алексеевич, несмотря на занятость основной работой, находил время для общественных дел и личных просьб избирателей. Эта работа пришлась ему по сердцу, он занимался ею с увлечением, заботясь о том, чтобы каждое дело было доведено до конца.

Вот как вспоминает об этом его секретарь по депутатским делам М. А. Кошанов:

«Трудно передать, какой большой любовью и непререкаемым авторитетом пользовался у своих избирателей Василий Алексеевич Дегтярев. Почти каждый день на его имя приходили десятки писем, в которых трудящиеся благодарили своего депутата за чуткость, внимание и заботу.

Ни одно из писем избирателей Василий Алексеевич не оставлял без ответа. Посетителей принимал, как дорогих гостей. Сначала расспросит,- как живет человек, где и как работает. Потом внимательно выслушает жалобу, успокоит посетителя, а иногда тут же позвонит куда нужно по телефону.

Василий Алексеевич, как депутат, неустанно заботился о благоустройстве своего города, благодаря его усилиям в городе дополнительно построено несколько жилых домов для рабочих, налажено автобусное сообщение, сооружен новый мост через Клязьму, проведено большое озеленение...»

Депутатская и общественная работа еще больше сблизила Василия Алексеевича с партией. Он, наконец, решился подать заявление о вступлении в ее ряды. В том же 1940 году он был принят в кандидаты ВКП(б).

В марте 1941 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР Василию Алексеевичу Дегтяреву за изобретение образцов стрелкового оружия была присуждена Сталинская премия первой степени.

Столь высокая оценка его трудов приумножила силы

конструктора, который с еще большей энергией отдался творческой работе.

Чувствуя приближение войны, он держал свой коллектив в мобилизационной готовности. Несмотря на возраст (ему было уже за шестьдесят), Василий Алексеевич показывал молодежи пример трудолюбия, дисциплинированности, самоотверженного служения Родине.

Но в свободные часы Василий Алексеевич любил отдохнуть.

В этот год выдалась хорошая ранняя весна. Снег сошел быстро, и Василий Алексеевич часами трудился у себя в саду. Вместе с младшим сыном Виктором он наполнял жирной землей маленькие продолговатые ящики и сажал семена для рассады. На листе бумаги, прикрепленном к стене, Василий Алексеевич аккуратно и методично записывал названия цветов и сроки их посадки.

Едва просохла земля в саду, он стал поправлять заступом дорожки и посыпать их желтым песком. С любовью укладывал он кирпичи вокруг клумб и аккуратно высаживал нежную рассаду. За этой работой его можно было видеть и ранним утром, до ухода на завод, и поздно вечером.

Вера Васильевна бывало скажет:

— Ты бы прилег отдохнуть.

А он только улыбнется:

— Я разве не отдыхаю? Возиться с цветами на свежем воздухе — для меня самый лучший отдых.

В июне сад Дегтярева расцвел пышным цветником. По воскресеньям, если случалась хорошая погода, Василий Алексеевич по утрам пил чай в саду. Так было и в это незабываемое воскресенье. Выпив чаю, просмотрев газеты, Василий Алексеевич закурил и стал подумывать о том, что хорошо бы под вечер вместе с сыновьями собраться на рыбалку к знакомому бакенщику... Вдруг в сад вбежала побледневшая Вера Васильевна; она хотела что-то крикнуть, но силы ей изменили и, взмахнув полотенцем, она опустилась на стул. Ее сухие, бескровные губы чуть слышно прошептали:

— Война!

Василий Алексеевич побледнел, лицо его сделалось хмурым, озабоченным.

Он быстрыми шагами пошел из сада.

— Вася, куда же ты, куда? — плача, спросила жена.

— На завод, я должен быть там!..

В КОНСТРУКТОРСКОМ БЮРО

Гитлеровцы рассчитывали, что внезапность нападения вызовет растерянность и замешательство в наших рядах, но они просчитались. В эти дни советский народ проявил великое мужество, самообладание, твердую и непоколебимую уверенность в своих силах. Дегтярев был свидетелем того, как тысячи советских людей добровольцами уходили на фронт, как на смену мужьям, оставившим завод, в цехи приходили их жены и становились к станкам.

На лицах людей Дегтярев читал решимость бороться до конца. Вместо паники и страха в них была спокойная уверенность и высокое сознание своего долга перед Родиной.

Сам Дегтярев в эти дни был охвачен тем же высоким чувством и стремлением — все силы, все свои способности и знания вложить в общее дело борьбы с врагом.

Сводки Совинформбюро день ото дня становились грознее: захвачена почти вся Литва и большая часть Латвии, ожесточенные бои идут на землях Белоруссии и Западной Украины. Самолеты врага бомбили Мурманск, Смоленск, Киев, Севастополь... Но люди в цехах работали день и ночь, и мужество их закалялось и крепло в труде.

В эти дни внимательно, как и все, вчитываясь в сводки Совинформбюро, Дегтярев все более убеждался в том, что главную опасность для нас представляют танки врага. И старался придумать оружие против них. Танки нельзя разбить из пулеметов и винтовок, а противотанковых пушек у нас недоставало. Чтобы наладить их массовое производство, требовалось время... Значит, нужно было придумать другое, эффективное противотанковое оружие, производство которого можно было бы организовать быстро и без больших затрат.

Ему вспомнились малокалиберные пушки, крупнокалиберный пулемет. Все это было громоздко, тяжело, сложно. «Надо придумать оружие для рядового бойца, — размышлял Дегтярев, — это оружие должно быть легким, маневренным, безотказным в стрельбе и грозным для врага. Таким оружием может быть только противотанковое ружье... Да, тут нескольких суждений быть не может, — твердо решил он. — Мы должны создать противотанковое ружье, но такое, которое пробивало бы броню любого фашистского танка. Это ружье будет нашим вкладом в общее дело борьбы!..»

Предвидение Дегтярева и на этот раз оказалось правильным.

Не прошло и двух дней, как конструкторское бюро получило срочное задание правительства немедленно заняться разработкой противотанкового ружья.

Задача быстрого создания противотанковых ружей была одной из самых важных задач момента.

Решить ее партия и правительство поручили Дегтяреву.

Над созданием противотанкового ружья думали коллективно. Для разработки его была создана бригада проектировщиков, в которую вошли инженеры Крекин и Дементьев и молодые конструкторы Гаранин и сын Дегтярева Владимир. Из музея были извлечены ружья и пулеметы различных систем, разложены на столах трофейные противотанковые ружья. Все это тщательно изучалось. Конструкторы должны были создать ружье огромной боевой силы и предельно малого веса. В то же время им предстояло найти наипростейшее устройство механизма. Казалось, что совместить три требования в одной системе немыслимо, но Дегтярев упорно настаивал именно на этом.

После обмена мнениями составили план проектирования, и все члены бригады включились в работу.

Так как противотанковое ружье следовало сделать в невиданно короткие сроки и нужно было экономить каждую минуту, Василий Алексеевич предложил перейти всем сотрудникам бюро на казарменное положение. В большой комнате отгородили темную часть и там устроили общежитие. Но туда приходили лишь спать и то на очень короткое время. У Василия Алексеевича была походная кровать за ширмочкой в кабинете, но когда он спал, никто не знал. И днем и ночью его можно было видеть в бюро.

Однажды в полночь Василий Алексеевич заглянул к конструкторам и заметил, что те рассматривают трофейное противотанковое ружье:

— Недостатки изучаем, Василий Алексеевич.

— Этого добра в нем много, а хорошего — один ствол.

— Почему он хороший?

— Потому, что длинный, — пошутил Василий Алексеевич. — Заметьте, ствол у противотанкового ружья должен быть обязательно длинным, — это будет способствовать увеличению начальной скорости пули, а следовательно, и ее пробивной силе.

— А как вы оцениваете остальные части этого ружья?

Василий Алексеевич подошел к столу, где лежало ружье, и попросил его повернуть.

Двое конструкторов приподняли ружье и повернули его.

— Видите, какая тяжесть, — сказал Василий Алексеевич, — на гладком столе и то не повернешь, а как же с ним в окопе, когда

танк на тебя летит. Главная тяжесть тут от салазок, по которым скользит ствол. Если их убрать, ружье станет вдвое легче.

— Так как же их убрать? Тогда ружье работать не будет.

— Вот об этом и следует подумать. Такие задачи в один прием не решаются. Эти проклятые салазки мне уже которую ночь покоя не дают. Ну, да ничего, одолеем. Думайте, товарищи, думайте. И если придумаете что хорошее, приходите ко мне. Желаю вам успеха!

Вернувшись к себе, Василий Алексеевич продолжал обдумывать конструкцию будущего ружья.

«В этой системе будет сильное давление пороховых газов, сильная отдача. Нужно попробовать подвижной ствол, — размышлял он, прогуливаясь по кабинету, — но салазки никоим образом не годятся. Что угодно, но только не салазки: как их ни облегчай, ружье получится тяжелым, а следовательно, никуда не годным».

Присев к столу, он нарисовал длинный ствол и стал придумывать для него основу вместо салазок. У казенной части нарисовал ложу, а у дульной части сошки — легкий упор.

«Так... так... так, — постукивал он карандашиком. — Сошки, пожалуй, хорошо, а ложа — это почти салазки, опять лишняя тяжесть. Ложу долой».

Он перечеркнул набросок и стал рисовать сначала.

— Как же без ложи? — размышлял он вслух. — Ведь не в кулаке же ствол держать... Да, но и ложа не выход... Тут надо что-то другое...

Послышался легкий стук в дверь, и в кабинет вошла буфетчица.

— Василий Алексеевич, выпейте чайку, время-то два часа...

— Неужели? — удивился Дегтярев. — Ну, да это ничего, я теперь здесь ночую, еще успею вздремнуть.

Василий Алексеевич пил чай маленькими глотками, посматривая на массивный подстаканник.

Вдруг он вынул стакан и вновь опустил его в подстаканник. Стакан вошел, мягко скользя. Дегтярев еще раз проделал то же самое и улыбнулся:

«Странно! Как будто я этого раньше не замечал. Стакан входит в подстаканник, словно в трубу... А что, если и ствол спрятать в трубу? А чтобы не чувствовалось толчка, вставить туда амортизатор (пружину). Ствол, хорошо смазанный, будет скользить в трубе, и никаких салазок не нужно!»

Он поднялся и стал ходить по кабинету.

«Хорошо! Право, хорошо, ружье станет легче... А это главное! Скольжения достигнуть удастся! Ствол будет двигаться в трубе,

как поршень в цилиндре».

Василий Алексеевич подошел к телефону и позвонил конструкторам.

— Ну как, товарищи, не спите? А я, кажется, придумал то, что нужно, сейчас иду к вам посоветоваться.

Уже утро красноватым светом озарило окно, а конструкторы все еще обсуждали предложение Василия Алексеевича. Было исчерчено много бумаги, но ни один из набросков не был окончательно одобрен.

Спор продолжался, когда вдруг Василий Алексеевич сказал:

— Подождите-ка, товарищи. А что, если ствол не прятать в трубу, а сделать под стволом небольшой стержень и его вместе с амортизатором поместить в трубу: это улучшит конструкцию, труба заменит собой часть ложи. Позвольте-ка карандашик.

Ему положили бумагу, и Василий Алексеевич прерывистыми линиями изобразил схему приспособления.

Конструкторы склонились над рисунком.

— Вот здесь, на конце трубы, можно сделать маленький приклад, — пояснял Василий Алексеевич, — а вот здесь, у спускового крючка, — пистолетную ручку. Ну, что молчите?

— Здорово получится, Василий Алексеевич!

— Хорошо будет, уж теперь видно!

— Ну, если так, ложитесь-ка часика на два вздремнуть, а потом, со свежей головой, за работу.

— Сейчас разрешите, Василий Алексеевич, ведь спешно надо.

— Знаю, что спешно. Но бывает, что поспешишь— людей насмешишь. Помните пословицу: «Утро вечера мудренее»? Ну, так вот, ложитесь, а через два часа я вас подниму. Спокойной ночи!.. — И он, не оглядываясь, пошел к себе.

Когда Василий Алексеевич вернулся в бюро, там уже царило оживление. Конструкторы общими усилиями, пока еще в карандаше, разрабатывали схему нового оружия. Василий Алексеевич весь день оставался с ними.

Сотрудники конструкторского бюро в эти дни не знали ни отдыха, ни сна. Вслед за схемой началось составление расчетов и разработка чертежей. Василий Алексеевич торопил, настаивал на том, чтобы чертежи отдельных узлов сразу же спускались в мастерскую и по ним бы спешно изготовлялись части будущего ружья.

И вот опытная мастерская получила заказ-молнию на изготовление опытного образца противотанкового ружья. В мастерской не хватало людей: многие мастера ушли на фронт. Каждое утро сводки Совинформбюро болью отдавались в сердце. Враг рвался к столице. По ночам над заводом кружили вражеские

пикировщики. Южные заводы стрелкового вооружения по длинным дорогам тянулись на Урал.

Завод, где работал Дегтярев, в эти грозные дни снабжал армию стрелковым вооружением.

Люди неделями не выходили из цехов.

В конструкторском бюро, так же как и в цехах, все работники трудились самоотверженно, не считаясь со временем. Многие конструкторы, инженеры, чертежники стали к станкам, чтоб заменить ушедших на фронт. Детали тут же испытывали и собирали.

Не прошло и месяца, как ружье совершенно оригинальной конструкции было готово. Его доставили на испытательную станцию и произвели пристрелку.

В ружье оказалось еще много мелких недоделок, но по заводу пролетел слух, что ружье, изобретенное Дегтяревым, пробивает мощную броню. Это была победа!

При дальнейших испытаниях ружья выяснились неполадки с запиранием. Едва справились с ними, увидели новый дефект: при частой стрельбе после выстрела застревали гильзы. Из-за этого совершенно готовое ружье нельзя было пустить в производство. После долгих раздумий Дегтяреву пришла мысль надеть на ствол ружья массивную муфту. Простое, на первый взгляд, усовершенствование избавило ружье Дегтярева от существенного недостатка.

Когда все замеченные при заводских испытаниях недоделки были устранены, дегтяревское ружье сравнили с трофейным.

— Да ведь это ж, как день и ночь, — восхищенно сказал Гаранин.

Действительно, ружье Дегтярева было совершенно оригинальной и до удивления простой конструкции.

— Хорошо бы взвесить их, — сказал Василий Алексеевич,

— Уж взвешивали: ваше как раз вдвое легче.

— И вдвое лучше, — добавил кто-то из конструкторов:— бьет метко и хлестко.

— Товарищи, прошу вас еще раз внимательно осмотреть образец и высказать свои пожелания, — сказал Дегтярев. — Через час-полтора я выезжаю в Москву. Наше ружье будут рассматривать в Кремле, в Государственном Комитете Обороны.

ОРУЖИЕ ПРОТИВ ТАНКОВ

В Министерстве вооружения Дегтяреву сообщили, что до показа правительству противотанковое ружье должно быть подвергнуто комиссионным испытаниям на одном из подмосковных полигонов.

Рано утром Дегтярев вместе с работниками министерства выехал на полигон.

Еще накануне вечером Василий Алексеевич узнал, что одновременно с его ружьем будет испытываться противотанковое ружье Симонова. Это известие было для него неожиданным, и он даже переспросил:

— Какого Симонова, Сергея Гавриловича?

— Да, Сергея Гавриловича, вашего ученика.

— Неужели? — обрадовался Василий Алексеевич. — Давненько мы не видались... Интересно посмотреть на его изобретение.

Василий Алексеевич дорогой думал о Симонове, вспоминая, как тот деревенским пареньком пришел в 1918 году в опытную мастерскую, как он изучал оружейное дело и конструкторское искусство, как они с Федоровым послали его руководить самым ответственным участком производства «ДП» — сборочным цехом... И вот тихий, скромный оружейник Симонов изобрел самозарядную винтовку. Она прошла успешно несколько испытаний.

Шли годы. Отделенные большими расстояниями друг от друга и поглощенные своей работой, они не виделись и лишь по рассказам друзей знали друг о друге.

Но вот и полигон. Василий Алексеевич, выйдя из машины, увидел невысокого плотного человека в темном пальто и кепке, с простым лицом рабочего. Это был Симонов.

Заметив Дегтярева, он поспешил ему навстречу. Его серо-голубые глаза приветливо улыбнулись, и небольшая жесткая рука крепко пожала руку Дегтярева.

Пока шли приготовления к стрельбе, конструкторы присели на скамейку.

Василий Алексеевич, закурив, стал расспрашивать Симонова о том, как он живет, в каких условиях работает.

— У меня все благополучно и в работе и дома, —сказал Симонов. — Как у вас?

— У нас тоже все по-хорошему. Слышал, вы, Сергей Гаврилович, сделали пятизарядное?

— Да, пятизарядное, — подтвердил Симонов.

— Это хорошо, молодцом! А я вот торопился, сделал однозарядное, — правда, стремился к тому, чтобы было полегче. Народ у нас золотой, Сергей Гаврилович, так работали, что рассказать невозможно!.. Одно слово — герои! Работают, не щадя себя!

В это время члены комиссии подошли к стрелкам, которые должны были испытывать новые образцы, и конструкторов позвали.

— Ну что ж, пойдемте, Сергей Гаврилович, — сказал Дегтярев. — Желаю вам успеха!

— И вам от души, Василий Алексеевич!

Они вместе приблизились к месту испытаний.

Испытания велись очень долго. Из ружей стреляли и лежа, и стоя с упора и под разными углами наклона.

Симонов все время стоял рядом с Василием Алексеевичем, наблюдая за стрельбой. Он думал лишь о том, чтобы какое-нибудь ружье (не важно даже чье) выдержало испытания и было бы принято на вооружение. Оно было сейчас до крайности нужно фронту, так же как противотанковые пушки. Ружье даже имело свое преимущество перед пушками, — сделать его было во мною раз легче, быстрее и дешевле.

Василий Алексеевич в эти минуты думал о том же. Если бы вдруг объявили, что принимают ружье Симонова, он с радостью пожал бы руку своему ученику.

А если одобрили бы его ружье, но предложили в нем сделать кое-какие переделки, то и он и Симонов здесь же, на полигоне, взялись бы за эту работу. Оба они думали о судьбах Родины, и личные интересы для них не существовали. Все их желания в эти минуты сводились к тому, чтобы дать воинам такое оружие, которое остановило бы танки врага.

Оба ружья работали хорошо. Если и случались маленькие заедания, то их тотчас же устраняли сами стрелки. Испытания закончились поздно вечером. Конструкторы, разумеется, не могли определить, которое из ружей предпочтут. Члены же комиссии, забрав все материалы и образцы, уехали в Москву, не объявив своего решения.

Симонов заметно волновался. Василий Алексеевич, очевидно желая успокоить его, сказал:

— Ну, Сергей Гаврилович, судя по стрельбе, мы оба потрудились неплохо! Я доволен: какое-нибудь из ружей будет принято несомненно.

— Я тоже так думаю, — согласился Симонов.

— Жалко, что не объявили решения теперь, — сказал

Дегтярев. — Ну, да ничего, надо полагать, завтра же узнаем результат.

На другой день Василия Алексеевича вызвали в Кремль. Когда он приехал, члены правительства уже рассмотрели оба ружья.

Симоновское ружье имело преимущество в скорострельности: оно было пятизарядным; дегтяревское — в весе и удобстве действия.

Боевые качества обоих ружей оказались отличными, и оба противотанковых ружья были приняты на вооружение Красной Армии.

Члены правительства поздравили конструкторов с успехом и поручили Дегтяреву передать коллективу завода, что производство противотанкового ружья должно быть налажено немедленно. Таково было задание партии и правительства.

Труженики конструкторского бюро и завода еще до возвращения Василия Алексеевича узнали о том, что «ПТР» (противотанковое ружье Дегтярева) получило высокую оценку и что заводу поручено спешно приступить к изготовлению этих ружей.

Партийная организация завода перебросила на этот важный участок лучших работников с других производств. В конструкторском бюро спешно размножали рабочие чертежи, в цехах устанавливали новое оборудование и приспособления, а в литейной и кузнице уже шла заготовка полуфабрикатов. В обрабатывающих цехах работа была распределена по операциям: в одном делали стволы, в другом — затворы, в третьем — приклады и т. д.

Прошло всего несколько дней, как были собраны первые серийные образцы. Эти первые образцы противотанковых ружей, отлаженные и отстрелянные под наблюдением самого Дегтярева, были посланы в действующую армию и испытаны непосредственно в бою.

Слава о них облетела все фронты. На завод за новым боевым оружием стали приезжать представители из действующих воинских соединений. Потребность в противотанковых ружьях была так велика, что с завода их перебрасывали на фронт на самолетах.

А известия с фронтов день ото дня становились тревожнее. Враг подходил к родине Дегтярева — Туле.

На заводе ко всем цехам были поданы составы, в стенах сделаны проломы на случай немедленной эвакуации, а люди продолжали работать.

«В эти дни, в дни грозной опасности для нашей Родины, —

вспоминал впоследствии Дегтярев, — труженики тыла совершали поистине героический подвиг. На завод пришли женщины и подростки, они стали у станков и выполняли тяжелую мужскую работу. Почти всюду я видел своих сверстников, убеленных сединами стариков-пенсионеров, сосредоточенно стоящих за станками, и рядом — молоденьких и хрупких девушек-подростков с ясными глазами и сурово сжатыми губами.

Чувствовалось, что девушкам трудно, что они работают из последних сил, но попробуй скажи об этом, — рассердятся, даже могут сгоряча обругать. Они, как и старики, пришли в цехи добровольно и гордились этим. Их маленькие, еще не успевшие огрубеть руки приносили большую пользу. Сложные станки и машины, которыми были оснащены цехи, слушались их беспрекословно.

Глядя на этих девушек, я вспоминал, как в отрочестве работал на «шарманке», понукаемый мастерами, унижаемый всяким, кому не лень. Разве можно сравнить того полуграмотного, забитого мальчишку, умевшего лишь нажимать рычаг примитивного механизма и думавшего лишь о том, как бы скорее кончился рабочий день, с этими девушками, овладевшими сложными и точнейшими машинами? Девушки выполняли эту работу не ради куска хлеба, а ради великого патриотического долга, ради спасения своей Отчизны!

...Я видел великие перемены в технике, в работе, в сознании и характере людей и гордился, что все эти перемены были осуществлены партией большевиков, членом которой я готовился стать!..»

В эти дни тяжелых испытаний, в дни, когда Родине угрожала смертельная опасность, труженики завода еще крепче объединялись вокруг Коммунистической партии, вступали в ее ряды.

В числе этих передовых и мужественных людей был и Василий Алексеевич Дегтярев. В самое трудное для Отчизны время, когда шли напряженные бои у стен столицы, он был принят в члены Коммунистической партии.

Всеобщий трудовой подъем и приход на завод новых пополнений из молодежи резко сказались на росте производительности труда в цехах. И все же та продукция, которую выпускал завод, оказалась далеко не достаточной.

Фронт требовал не удвоить или утроить темпы, а увеличить производство противотанковых ружей в десятки раз.

В мирных условиях такая задача показалась бы фантастической. Но тогда каждый из тружеников многотысячного коллектива понимал, что от его усилий зависит победа, и работал

с предельным напряжением всех своих сил.

Завод работал круглые сутки. Ночью, когда фашистские летчики прилетали со смертельным грузом, завод замирал, маскировался, погружался во мрак, но работа в его цехах не прекращалась ни на одну минуту.

Десятки «молний», которые выпускались во всех цехах, знакомили коллектив с опытом передовых рабочих. На многих станках появлялись красные флажки и лаконичные плакаты: «Наше звено работает по-фронтовому».

Коммунисты не только осуществляли партийный контроль за проведением всех производственно-технических мероприятий, — они были инициаторами социалистического соревнования, показывали пример твердости, выносливости, работая на самых ответственных участках.

То тут, то там в цехах можно было видеть невысокого седоволосого человека в рабочей куртке, с приветливым и в то же время озабоченным лицом. Он подходил к рабочим, присматривался к их работе, советовал, а зачастую и сам становился к станку или верстаку: показывал, помогал, учил.

Это был Дегтярев. Его спокойствие передавалось другим. При нем работалось уверенней и веселей.

Он успевал давать советы конструкторам и чертежникам, объяснять особенности своего ружья посланцам с фронтов, беседовать с инженерами, приехавшими с Урала, чтобы изучить процесс производства противотанковых ружей.

Дегтярев перестал бывать дома, — для этого не было времени. Он постоянно находился на заводе.

Так в эти дни жили и трудились все члены коллектива. Завод заменял им дом. Они были солдатами трудового фронта.

«ПТР» В ДЕЙСТВИИ

Василию Алексеевичу ни днем, ни ночью не давала покоя мысль о том, как действуют противотанковые ружья в бою.

Как только серийное производство противотанковых ружей было налажено, он вместе с товарищами по работе выехал на фронт, в район Можайска.

Ехали медленно: шоссе было забито транспортом. К Москве шли машины с боеприпасами, снаряжением, войсками, продовольствием. Из Москвы и прифронтовых районов вывозилось оборудование заводов и фабрик, музейные ценности и многое другое. Приходилось сворачивать на проселки и запруженную магистраль объезжать стороной.

Чем ближе подвигались к Москве, тем сильнее чувствовалось приближение фронта. На запад по дорогам шли люди с кирками, лопатами, ломами. Среди них были женщины, старики, подростки. Это население окрестных деревень и поселков шло на рытье противотанковых рвов.

На борьбу с врагами поднялся весь советский народ.

Приезд на фронт творца знаменитого оружия был встречен бойцами и командирами с радостью. Они охотно рассказывали ему о своих успехах в боях, давали советы по улучшению ружья.

Василий Алексеевич побывал во многих частях, лично обучая бронебойщиков обращению с противотанковым ружьем и стрельбе из него.

Убедившись, что ружье работает хорошо, Дегтярев стал собираться в обратный путь. В это время комиссар части вручил ему очередной номер газеты «Красная звезда».

— Это, Василий Алексеевич, возьмите от нас на память.

Развернув газету, Дегтярев прочел:

„ПРОТИВОТАНКОВОЕ РУЖЬЕ —
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО БОРЬБЫ
С НЕМЕЦКИМИ ТАНКАМИ»

Можайское направление, 10 ноября (от нашего специального корреспондента).

Несколько дней тому назад ордена Красного Знамени дивизия получила новые противотанковые ружья. На второй день бойцы и командиры сумели убедиться в огромной эффективности этого оружия для борьбы с фашистскими бандами.

Недалеко от села Брыкино, в 400 метрах от дороги, залег красноармеец из отряда Дереки с противотанковым ружьем. Вскоре показалось несколько фашистских танков. Красноармеец

внимательно прицелился и выстрелил. Пуля попала в башню, пробила ее и, очевидно, ударила в снаряд. Раздался взрыв, и башню снесло, словно срезало. Остальные танки немедленно повернули назад.

Красноармейцы и командиры высказывают восхищение противотанковым ружьем. Чтобы овладеть им, потребовалось несколько часов. В танк можно стрелять со значительного расстояния.

С каждым днем в наши части начинает все больше и больше прибывать противотанковых ружей».

Вернувшись домой, Дегтярев нашел на своем столе пачку телеграмм и писем с фронта. В одной из телеграмм было написано:

> «На нашем участке фронта противник ведет беспрерывные контратаки большими силами танков; воины нашего соединения в этих боях за последние 10 дней подбили около двухсот танков, около половины из них подбито бронебойщиками, вооруженными противотанковым ружьем Вашей конструкции. Редакция армейской газеты убедительно просит Вас по телеграфу передать нам статью на тему: «Советы бронебойщикам, как наиболее эффективно использовать в бою противотанковое ружье».

«Что же я им напишу? — подумал Дегтярев и стал шагать по комнате. — Надо написать очень коротко, чтоб каждый бронебойщик запомнил это, как азбуку, как таблицу умножения.

Мысли есть, а вот изложить их трудно. Надо ведь так, чтоб понял каждый боец...»

Подойдя к столу, он разложил бумагу и твердым почерком написал:

«Советы бронебойщикам». И в скобках: «Как наиболее эффективно использовать в бою противотанковое ружье».

Когда советы бронебойщикам были написаны, Дегтярев пошел в бюро, чтобы написанное обсудить с товарищами.

«Советы бронебойщикам» Дегтярева получили широкое распространение на фронте и принесли большую пользу. Вот что писали Дегтяреву фронтовики:

> «Уважаемый В. А. Дегтярев!
>
> Ваши 5 советов бронебойщикам мы заучиваем наизусть и действуем, руководствуясь ими. Когда в

наших руках грозное противотанковое ружье Вашего изобретения, нам не страшны ни «тигры», ни «фердинанды». Мы заверяем Вас, пока бьются наши сердца, мы будем бить вражескую технику и живую силу, где бы она ни появлялась.

И там, где стоят гвардейцы, вооруженные изобретенным Вами «ПТР», вражеские танки не пройдут».

* * *

Благодаря самоотверженному труду советских оружейников наша армия после первых же месяцев войны перестала испытывать недостатки в вооружении.

Боевые качества советского оружия намного превосходили качества оружия врага. Грозным, незаменимым оружием советских пехотинцев был пулемет Дегтярева. С ним не могли соперничать и новейшие немецкие пулеметы. Об этом говорили тысячи писем, полученных Дегтяревым с фронтов Великой Отечественной войны.

Вот одно из них:

«Дорогой Василий Алексеевич!

Примите боевой привет от воинов Н-ского участка фронта, стоящих на страже славного города Ленина — колыбели Великого Октября.

Мы узнали, что свою творческую работу, плоды которой с великой к Вам благодарностью пожинает Красная Армия, Вы начали в Ораниенбауме, городе, который мы прикрываем от фашистских зверей. Клянемся Вам, что города, где зародилось славное русское автоматическое оружие, врагу не отдадим. Ораниенбаум был, есть и будет советским!

Сообщаем Вам с гордостью, что оружие, созданное Вами, крепко служит Родине. На-днях своими успехами порадовал нас казах Айтен Жунасов. Действуя ручным пулеметом, изобретенным Вами, он один отбил две атаки гитлеровцев. Враг не прешел!

Когда кончился бой, Жунасов сказал: «Где бы мне увидеть этого человека, который создал такой замечательный пулемет, чтоб отблагодарить его».

Просим Вас, дорогой Василий Алексеевич, написать нам и дать советы, как лучше обращаться с Вашим оружием, чтобы бить врага наверняка.

Старший сержант Федор Резниченко, истребивший 285 гитлеровцев.

Старший сержант Ахмет Ахметьянов, истребивший 250 гитлеровцев.

Старший сержант Павел Шабанов, истребивший 210 гитлеровцев.

Старший сержант Андрей Гостюхин, истребивший 164 гитлеровца».

Дегтярев, несмотря на крайнюю занятость, не только ответил защитникам города Ленина, но и послал герою-пулеметчику подарок — пулемет с надписью: «Казаху-пулеметчику Айтену Жунасову от конструктора Дегтярева. Беспощадно разите этим оружием фашистских захватчиков».

Айтен Жунасов откликнулся теплым письмом:

«Дорогой товарищ Дегтярев!

Сегодня в присутствии многих бойцов-казахов мне на переднем крае вручили Ваше письмо и Ваш дорогой подарок.

Я очень обрадован Вашим отцовским вниманием и от всей души благодарю за подарок.

Хочу сказать, что изготовленный Вами пулемет прекрасно показал себя в бою.

Когда группа фашистов в 30 солдат пыталась овладеть моей огневой точкой, я не дрогнул, а подпустив их меньше чем на сотню метров, открыл огонь. Бил я их поочередно то короткими, то длинными очередями, прижал к земле и, не давая подняться, уничтожил всех до последнего. В этом не только моя заслуга, но и заслуга Вашего пулемета, который ни разу не отказал.

Можете не сомневаться, товарищ Дегтярев, что я до конца выполню свой священный долг перед Родиной.

Желаю Вам успехов по укреплению мощи Красной Армии и по-солдатски обнимаю Вас.

Казах-пулеметчик Айтен Жунасов.

23 августа 1943 года».

Советские воины благодарили конструктора за создание им замечательного пулемета. Они воспели это боевое оружие в своих фронтовых солдатских песнях.

Одну из этих песен, написанную бойцом Николаем Кириленко, они прислали Дегтяреву:

Вражья сила наступает,
Черной лавою идет.
Пулеметчик направляет
На фашистов пулемет.

Ливнем огненным объяты,
Банды Гитлера бегут.
Пулеметные ребята
Им пощады не дают.

Дождь свинцовый поливает
Разбегающийся сброд,
Всюду, всюду настигает,
Бьет, крушит, испепеляет
Дегтяревский пулемет.

Верим, в дни войны суровой,
Защищая честь и труд,
Пулеметы Дегтярева
Вражьи банды разобьют!..

Пулемет Дегтярева оказал неоценимую услугу нашим воинам в Великую Отечественную войну и завоевал всемирную известность.

Большим успехом и любовью у советских воинов пользовались и другие боевые системы, созданные Василием Алексеевичем Дегтяревым.

Грозным оружием был станковый пулемет Дегтярева.

Вот что писали конструктору офицеры-фронтовики:

«Мы, командиры, испытали работу сконструированного Вами станкового пулемета образца 1939 года и в учебной и в боевой обстановке. Пулемет работал отлично.

После боев под Крюково мы захватили большие трофеи и решили использовать немецкую металлическую ленту. «Бросьте, ничего не выйдет», — говорили некоторые командиры, а мы все-таки попробовали.

В пулемет была вставлена трофейная лента на триста патронов. Патроны с железными и латунными гильзами были набиты вперемежку и несколько загрязнены, но пулемет не сделал при стрельбе ни одной задержки.

Во время переброски нашей части на другой участок фронта ваш «ДС» был установлен на тендере паровоза.

Занесенный снегом и угольной пылью, не чищенный двое суток, при морозе в 40° пулемет работал безотказно и по зенитным и по наземным целям, а стрельба была, что называется, «горячей»!

С фронтовым приветом

Капитан Богородский.

Ст. лейтенант Вершинин».

В. А. Дегтярев в своем саду.

В. А. Дегтярев в 1946 году.

Широкое применение еще в войне с белофиннами нашел пистолет-пулемет Дегтярева. В годы Великой Отечественной войны это оружие покрыло себя неувядаемой славой.

Поддерживая живую связь с бойцами и командирами Советской Армии, прислушиваясь к их советам и требованиям, Дегтярев неустанно, как учила его партия, работал над совершенствованием своего оружия.

В период Великой Отечественной войны исключительную роль сыграло противотанковое ружье Дегтярева. Правительство высоко оценило эту работу старого конструктора. За создание противотанкового ружья Дегтяреву была присуждена Сталинская премия. Такой же высокой награды был удостоен и его талантливый ученик С. Г. Симонов.

Радуясь успехам молодого конструктора — воспитанника опытной мастерской, Дегтярев в тот же день послал на имя Симонова телеграмму:

«Глубокоуважаемый Сергей Гаврилович!

От всего искреннего сердца горячо поздравляю Вас с присуждением Вам СНК СССР Сталинской премии.

Желаю Вам здоровья и многолетней плодотворной работы по созданию новых образцов вооружения Красной Армии.

Работайте не покладая рук на благо нашей прекрасной Родины.

Крепко жму Вашу руку.

В. Дегтярев».

Бронебойщики, вооруженные противотанковыми ружьями, созданными двумя советскими конструкторами, были смертельным препятствием на пути немецких танков.

В жестоких битвах под Москвой, Сталинградом, Орлом и в последующих боях советские бронебойщики покрыли себя и свое оружие бессмертной славой.

НОВЫЕ ОБРАЗЦЫ

Как-то Василий Алексеевич простудился, стал сильно кашлять. Сотрудники забеспокоились, предложили проводить его в поликлинику.

— Что вы, я совершенно здоров, — отвечал Василий Алексеевич и продолжал работать.

Опасаясь за здоровье своего руководителя, они вызвали врача и общими усилиями отправили Дегтярева домой.

Был уже вечер. Василий Алексеевич выпил лекарство и лег в постель. Но часа через два проснулся и, обеспокоенный делами, позвонил в конструкторское бюро. К телефону подошел сын Владимир.

— Все хорошо, папа, работаем... Между прочим, для тебя есть подарок.

— Что за подарок?

— Шпагин Георгий Семенович прислал свое изобретение — автомат.

— Что ты говоришь?.. Ну, я сейчас же иду. Ерунда, чувствую себя хорошо...

Через полчаса Василий Алексеевич, окруженный конструкторами, сидел за столом, на котором лежал новенький «ППШ» («пистолет-пулемет Шпагина»).

Василий Алексеевич внимательно осмотрел его и улыбнулся какой-то загадочной улыбкой.

— Надо разобрать, посмотреть его устройство.

— Сейчас принесу отвертку, — сказал Владимир.

— Я думаю, она не потребуется. Еще будучи у нас, Георгий Семенович говорил, что сделает образец, в котором не будет ни одного винта.

Осторожно и мягко Василий Алексеевич начал отнимать часть за частью, и «ППШ» в его умелых руках словно рассыпался.

Конструкторы изумленно переглянулись. Каждый из них был поражен предельной простотой устройства нового оружия.

— Посмотрите на детали, — указал Василий Алексеевич, — большинство из них штампованные.

— Да, в производстве такую машину будут делать за несколько часов, — согласились конструкторы.

— В этом-то и штука! Молодчина, Георгий Семенович! Хороший подарок нам прислал, а для армии этот подарок окажется драгоценным!..

Оставшись один, Василий Алексеевич думал об автомате

Шпагина. В этой системе были учтены все недостатки «ППД», его пистолета-пулемета. Удивительная простота устройства «ППШ» позволяла быстро организовать его массовое производство на любом из заводов. Шпагину удалось создать, безусловно, лучший образец.

Дегтярева совершенно не волновала мысль о том, что теперь его «ППД» останется в тени. «Надо только, — думал он, — чтобы «ППШ» был немедленно запущен в серийное. Он нужен армии, как воздух. Скоро, скоро кичливые фашисты перестанут хвастаться своими автоматчиками. Жалко, что Георгия Семеновича перевели от нас, а то бы пошел и обнял его, как сына, за такую машину».

Предположения Дегтярева полностью оправдались. «ППШ», производство которого молниеносно развернулось на многих заводах, скоро сделался любимым и грозным оружием советских пехотинцев. Бойцы называли его ласково — «папаша».

Гитлеровские автоматчики, вооруженные хваленными «шмайсерами», боялись голову поднять из укрытий, когда раздавался частый треск «ППШ».

Радуясь успехам своего ученика, Дегтярев с еще большей энергией продолжал работу.

Неустанно работая сам, он всячески поощрял творчество своих помощников, в которых угадывал способности к изобретательству.

Однажды ранним июльским утром, когда Дегтярев трудился в саду, к нему пришел человек с большим неуклюжим свертком. Это был слесарь Горюнов — изобретатель-самоучка.

— Максимыч! Какими судьбами?

— Да вот, — он кивнул на сверток, — машину принес. Уж не обессудьте, Василий Алексеевич, к вам, как к отцу родному!

— Ну, ну, рассказывай!

— Что тут рассказывать, вот глядите! — поставив на штабель парниковых рам сверток, гость откинул простыню. Дегтярев увидел модель совершенно нового пулемета. Она была сделана из дерева, жести, картона, но Дегтярев этого не замечал: все его внимание было поглощено формами и конструкцией новой машины.

— Ствол, никак, приставной? — спросил Дегтярев.

— Да, приставной, чтоб в случае перегрева можно было немедленно заменить другим, — пояснил Горюнов, — а детали больше штампованные, чтоб легче и быстрей, — ведь война!

— Так! — сказал Дегтярев и, прищурясь, стал поворачивать макет, присматриваясь к каждой детали.

Горюнов с волнением переступал с ноги на ногу. «Что-то

скажет конструктор?» — думал он.

Дегтярев, улыбнувшись, крепко пожал ему руку.

— Что же ты раньше-то молчал, Максимыч?

— Все не верил как-то! — смущенно ответил Горюнов.

— Понимаю. Сам таким был. Но теперь время другое. Подбери себе двух-трех помощников и сегодня же приходи в бюро. Будешь сам делать свою машину. Все устроим, освободим от всех дел. Будешь работать только над пулеметом...

Как только Дегтярев пришел на завод, ему тотчас же доложили о Горюнове.

Тот привел с собой племянника, Михаила Горюнова, слесаря седьмого разряда, и его друга, тоже слесаря, Воронкова.

Дегтярев познакомил их с конструктором, которого выделил в помощь изобретателю, и сообщил, что для них уже приготовлены станки и отдельное место в цехе.

Горюнов с воодушевлением взялся за работу. Остальные, увлеченные его задором, трудились тоже с подъемом, и дело двигалось быстро.

Дегтярев чутьем опытного конструктора угадал талантливое изобретение Горюнова. Опасаясь помешать преждевременными советами, он приходил к Горюнову редко, но через своих сотрудников следил за работой неустанно и всемерно помогал изобретателю. Горюнов чувствовал это. Внимание и забота Дегтярева вселяли в него уверенность, прибавляли сил и энергии.

Когда все детали были сделаны в металле, Горюнов собрал свою машину и сам отнес ее в тир для испытаний. Все, видевшие пулемет, поздравляли его с удачей. Однако при стрельбе механизм захлебнулся, и никакие усилия не могли привести его в действие.

Горюнов стоял бледный, осунувшийся, его била нервная дрожь. В эту минуту к нему подошел Дегтярев и ласково положил руку на плечо:

— Ничего, Максимыч, ничего, отладим! Я тоже с неудачи начал, крепись. Теперь другое время, тебя поддержит завод, партия, вся страна. Наше дело — общее дело!

Опять в цехе закипела горячая работа, теперь уже под наблюдением самого Дегтярева. Механизм отлаживали, устраняли мелкие недостатки, тщательно подгоняли детали.

Через некоторое время Горюнов, так же как двадцать лет назад Дегтярев, повез свою машину в Москву на испытания. Скоро на заводе была получена телеграмма, извещавшая, что пулемет показал хорошие боевые качества.

В цехах царило оживление. Рабочие радовались успеху своих товарищей. С Дегтяревым еще накануне говорили из Москвы по

телефону. Пулемет Горюнова был одобрен. Но станок оказался тяжелым, и этот недостаток оттягивал приемку. Дегтярев тут же нашел выход: он посоветовал поставить пулемет на станок своей конструкции.

Правительство отметило новое изобретение присуждением Сталинской премии обоим Горюновым, Воронкову и их руководителю, Василию Алексеевичу Дегтяреву. Это была третья Сталинская премия, присужденная Дегтяреву в период Великой Отечественной войны.

Станковый пулемет Горюнова был сделан с воздушным охлаждением. Он оказался значительно легче «Русского Максима» и лучше его в боевом отношении. Надежное и маневренное оружие было по заслугам оценено на фронте.

Так же, как Шпагин улучшил модель дегтяревского пистолета-пулемета, создав свой «ППШ», так и Горюнов, сконструировав модель нового станкового пулемета, улучшил станковый пулемет Дегтярева — подарил воинам образец, в котором были учтены требования, выдвинутые Отечественной войной, образец прочный, надежный и дешевый в производстве.

Дегтярев от души радовался успехам своих учеников, потому что эти успехи, увеличивая боевую мощь Красной Армии, приближали час окончательной победы над врагом.

В ТЫЛУ, КАК НА ФРОНТЕ

Когда опытные образцы пулемета Горюнова прошли положенные испытания, завод получил боевое задание — срочно наладить серийный выпуск нового оружия.

Это была тяжелая задача, так как завод не располагал даже помещением, где бы можно было организовать новое производство.

Но задачу эту следовало решать немедленно: весной 1943 года на фронте шли ожесточенные бои.

Экстренное заседание партийного бюро затянулось за полночь, а нерешенных вопросов оставалось еще много. Собственно, был поставлен всего один вопрос — об организации нового производства. Но чтобы решить его, следовало выяснить десятки других вопросов, от которых зависело главное.

Дегтярев, опустив на руку седую голову, сидел у длинного, покрытого зеленым сукном стола и думал вместе со всеми.

Все члены бюро пришли к единодушному мнению, что для организации нового производства необходимо построить большой цех. Но построить его следовало в сроки, каких не знала еще строительная практика. И пока что не было ни проекта, ни материалов, ни рабочей силы.

Уполномоченный Государственного Комитета Обороны говорил уверенно:

— Главные строительные материалы — кирпич, лес, цемент, стекло, железо, гвозди — мы получим немедленно, мелочи будем искать на месте.

— А как же быть с механизмами?

— Правильный вопрос. Без механизмов такую махину не построить быстро. Механизмы должны быть, товарищи! Часть из них мы, безусловно, получим, а другую изготовим сами, силы у нас есть!

В зале послышался шум одобрения.

— Что касается проекта, — продолжал уполномоченный, — то за ним дело не станет: работники отдела капитального строительства обязуются его сделать раньше, чем будет расчищена строительная площадка. Остается решить вопрос с рабочей силой: нам потребуются тысячи рабочих рук.

В кабинете воцарилась тишина.

— Завод не может выделить из кадровых рабочих и сотни человек, — хмуро сказал директор. — Нам должен помочь город.

— Товарищи, — продолжал уполномоченный, — город уже

оказал заводу огромную помощь и будет помогать впредь, но вряд ли эта помощь окажется значительной. Мы должны лучше использовать свои силы, ведь у нас мощный коллектив.

— Трудно, люди устали, работают по десять-одиннадцать часов.

— Это верно, — послышался голос Василия Алексеевича. — Но если надо, все согласятся работать по двенадцати!

— Правильно, Василий Алексеевич, — раздался молодой, звонкий голос секретаря комитета комсомола. — Слова прошу, товарищи, дайте мне слово!

— Пожалуйста, к столу, товарищ Минин, — сказал уполномоченный.

— Товарищи, — возбужденно заговорил секретарь комитета, — я уполномочен просить вас это ответственное дело поручить комсомолу.

Собравшиеся насторожились.

— Комсомол справлялся не с такими делами. Мы мобилизуем всю молодежь завода, ведь у нас больше тысячи молодежных бригад.

— А кто же будет за вас работать в цехах? — прервал директор.

— Мы будем работать и в цехах и на стройке, — решительно отчеканил Минин. — После работы все будем организованно выходить на стройку и работать по два часа. Кто тут инженер, пусть подсчитает, сколько получится дней, если каждый из молодых рабочих отработает на стройке сотню часов? От лица комитета комсомола заверяю бюро парткома, что мы справимся с этой задачей!

— А что вы умеете делать? — зашумели строители. — Нам нужны каменщики, плотники, арматурщики!

— Спокойно, товарищи, спокойно, — заговорил уполномоченный. — Я считаю, что нашему комсомолу можно доверить это ответственное дело. Я уверен, что комсомол сумеет поднять на подвиг всю молодежь завода, и не только молодежь, но и пожилых рабочих, весь коллектив! И будьте уверены, товарищи строители, что среди тысяч людей окажутся и каменщики, и плотники, и бетонщики. Этих людей мы сделаем инструкторами и поручим им обучение других.

Выступившие вслед за уполномоченным парторг ЦК и секретарь горкома партии горячо поддержали предложение Минина. Было принято решение: строительство нового цеха начать силами комсомола!

На другой же день прошли бурные комсомольские собрания по всем цехам. Был создан боевой штаб стройки, составлены

строительные бригады, назначены их руководители, заготовлен инструмент.

8 мая утром ночная смена торжественно, под звуки оркестра направилась к строительной площадке. Молодежь была вооружена длинными железными «пиками» с загнутыми концами, носилками и лопатами. Эти «пики» были сделаны по совету Дегтярева и предназначались для того, чтобы расчистить от металлической стружки площадку, предназначенную под строительство.

Стружка сваливалась тут много лет, она переплелась, слежалась... Комсомольцы работали и поодиночке и группами, рвали стружку стальными крючьями, а она пружинила, не поддавалась, в кровь царапала руки и лицо...

Несколько дней трудились комсомольцы, работали с самозабвеньем, а дело не шло. Тогда руководители штаба стройки пришли к Дегтяреву и стали его просить изобрести какое-нибудь оружие по борьбе со стружкой.

— Я уж давно думаю об этом, ребята, — сказал Василий Алексеевич, — только едва ли тут какое оружие поможет.

— Так как же быть, Василий Алексеевич? Ведь из-за этой проклятой стружки все дело может сорваться.

Василий Алексеевич положил несколько спиралей стружки в пепельницу и чиркнул спичкой.

— Вот глядите!

Стружка, потрескивая, вспыхнула ярким пламенем.

Обрадованные члены штаба стройки весело зашумели:

— Теперь дело пойдет! Спасибо вам, Василий Алексеевич!..

Но против поджога стружки решительно высказались члены МПВО и пожарные. Стружка могла вспыхнуть ярким пламенем и гореть не один день. Это грозило демаскировать завод. Кроме того, пламя могло распространиться. Что делать? Как быть? Драгоценное время уходило...

Опять состоялось заседание в парткоме с приглашением различных специалистов.

Стружку решено было поджечь рано утром с подветренной стороны. Так и сделали. Огонь превратил стружку в сплошные глыбы расплавленного, перемешанного с мусором и землей металла, похожего на шлак. Эти глыбы не поддавались не только крючьям, но даже кувалдам.

Опять члены штаба стройки обратились к Дегтяреву.

— Теперь дело пойдет легче, — успокоил их Василий Алексеевич и показал им карандашный набросок.

— Это что за машина?

— Обыкновенный подъемный кран, — пояснил Василий

Алексеевич, — только у него на тросе вместо крюка стальная болванка, ее следует поднимать и разом опускать на шлак.

— И что же, расшибет глыбы?

— Надо испытать!..

И на этот раз совет Дегтярева помог. Глыбы шлака, разбитые на мелкие куски, без особого труда грузились комсомольцами на машины и платформы. Площадка быстро расчищалась. Комсомольцы работали со все возрастающим подъемом.

Каждый день после смены тысячи молодых рабочих под звуки оркестра отправлялись к месту работ. Радио передавало итоги соревнования. К молодежи присоединялись пожилые рабочие и даже старики. Примером для всех был старый мастер дядя Вася — Пушков. Он был зачислен в бригаду землекопов Кати Филатовой и показывал пример самоотверженной работы.

Как-то, прочтя о нем в газете, Василий Алексеевич не мог усидеть в бюро и, несмотря на срочную работу, пошел на стройку.

— Ну, как работается, тезка? — весело спросил он, подходя к Пушкову.

— Хорошо, Василий Алексеевич. Помогать пришел?

— Да, вот вырвался, дайте-ка мне лопатку.

Ему подали лопату, и Василий Алексеевич, сняв фуражку и китель, начал работать.

Его седая голова резко выделялась среди цветистых платков. Скоро радио штаба объявило:

— Товарищи, сегодня на комсомольской стройке работает Герой Социалистического Труда Василий Алексеевич Дегтярев.

В ответ на это раздались крики «ура» и дружные аплодисменты.

Стены цеха росли на глазах: каменщиков было немного, зато в помощниках не было недостатка. Кирпичи и раствор подавались быстро, и каменщикам оставалось только укладывать их. Одновременно с кладкой велись плотничные и монтажные работы. Еще не были выведены стены под крышу, а уж в цехе загрохотали прессы, загудели станки, началось производство боевого оружия.

Не прошло и двух месяцев с начала стройки, как над огромным корпусом взвился красный флаг, возвещавший об окончании работ.

На фронтоне его было начертано: «Комсомольский корпус».

«После краткого митинга под торжественные звуки оркестра, гордые строители многотысячной колонной проходили мимо величавого красавца, — рассказывал потом Василий Алексеевич. — Не скрою, что когда я прочел на массивной стене «Комсомольский корпус», у меня, старика, навернулись на глаза

слезы. То были слезы радости и гордости за нашу боевую смену, за нашу советскую молодежь, построившую в неурочное время этот огромный корпус, который сыграл значительную роль в производстве нового боевого оружия для Красной Армии».

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДЫ

Наступила четвертая военная весна. Солнце светило ярко и весело. Его горячие лучи быстро растопили снег. Земля оделась яркой, свежей зеленью.

Небольшой серенький городок вдруг расцвел, огласился щебетом птиц и веселыми детскими голосами. По вечерам на тихих улицах заливалась гармонь, слышались звонкие песни молодежи. Ни одна весна за время войны не была такой дружной, радостной и веселой! Ни один Первомай за последние годы не праздновали с таким ликованием! Эта радость была вызвана ощущением близкой и окончательной победы. 2 мая героические советские воины водрузили алый стяг над рейхстагом!

Радостные известия о победах советских войск, звуки победных салютов, разносимых радио, вдохновляли тружеников тыла, заставляли их работать с еще большим напряжением, чтобы приблизить час долгожданной победы.

Попрежнему много работал и Василий Алексеевич.

9 мая, как и всегда, он встал рано и вышел в сад поработать на свежем воздухе, чтобы набраться новых сил перед уходом на завод.

Утро было ясное — теплое и тихое.

Прополов грядку цветов, Василий Алексеевич сел на скамейку и закурил трубку с душистым табаком.

В эту минуту на аллее, ведущей к дому, показалась Вера Васильевна.

— Вася, Василий! — услышал он. — Иди скорей домой! Победа! Только сейчас объявили по радио!..

Через некоторое время, надев новый генеральский мундир, все ордена и медали, окруженный родными и друзьями, с огромным букетом цветов, прославленный оружейник направлялся на городскую площадь.

Улицы были забиты ликующим народом. Звучали музыка, песни, смех.

Василий Алексеевич был счастлив. Он обнимал и целовал рабочих, солдат, офицеров...

Вскоре после того, как на весь мир прогремели залпы в честь великой победы, Василий Алексеевич смог, наконец, поехать на курорт.

На завод он вернулся помолодевшим и снова энергично взялся за дело. Потекли заводские будни, полные труда и исканий. Дни вошли в выработанный годами регламент. В это

время Дегтярев, как и все советские люди, работал с особенным подъемом.

«У него на все хватало времени и сил, — рассказывает его друг Михаил Судаков. — Я был поражен редкой организованностью и строгим, ничем не нарушаемым распорядком его дня.

Вставал он очень рано — не позднее 5.30 утра. Вымывшись холодной водой, сейчас же разжигал старинный тульский самовар.

После этого он обычно осматривал голубей и канареек, заглядывал минут на пятнадцать в сад и шел в столовую.

После чая, ровно в 6.50, раздавался сигнал шофера. Василий Алексеевич ехал на работу. Ни я, ни его близкие не помнят случая, чтобы он когда-нибудь опоздал на работу.

Обедать Василий Алексеевич приезжал тоже в строго определенное время. Перед обедом любил просмотреть газеты, после обеда — выйти во двор вспугнуть голубей или пройтись по саду. Провести 10—15 минут в любимом саду, где каждое деревце, каждый кустик были взлелеяны им, для Василия Алексеевича было отдыхом и зарядкой для остальной части рабочего дня. На работе же, как я знаю, он весь отдавался делу, ни одной минуты не тратя попусту.

После работы, если позволяла погода, Василий Алексеевич опять шел в сад, занимался прополкой цветов или окапывал деревья. А если было ненастье, делал что-нибудь по хозяйству. Он любил пилить и колоть дрова, что-нибудь чинить и исправлять. За такой работой он всегда отдыхал.

Много времени он отдавал депутатской работе. Иногда до позднего вечера принимал своих избирателей, беседовал с ними, давал советы или составлял письма по их жалобам и просьбам.

Проводив избирателей и поужинав, любил послушать чтение газет, посмотреть кинокартину (у него был свой киноаппарат). В дни Великой Отечественной войны он обычно после чтения газет приступал к обсуждению военных событий. Тут он оживлялся и иногда засиживался с нами до полуночи. Он глубоко верил в несокрушимость нашей армии, на вооружение которой отдавал все свои силы и способности. Верил в могучую силу русского народа и говорил об этом хотя и скупо, но горячо и страстно. Непоколебимо верил в мудрость и военный гений товарища Сталина.

Но как бы поздно мы ни засиживались по вечерам, в 5.20 утра звонил будильник, и мы, просыпаясь, слышали, как Василий Алексеевич раздувал свой старенький самовар.

Меня, как и многих других его друзей, Василий Алексеевич

всегда поражал своей трудоспособностью и неутомимостью. Он всегда был бодр, весел, приветлив, добр. Все, знавшие его, сохранили его в своем сердце именно таким. А нужно сказать, что он обладал каким-то особенным свойством притягивать и располагать к себе людей. У него было множество друзей. Даже животные относились к нему с какой-то особой любовью.

Редкой любовью и привязанностью пользовался Василий Алексеевич у детей. Не было дня, чтобы к нему в сад не приходили дети: то свои внучата, то соседские, то пионеры, то ребята из детского сада.

Я никогда и нигде не видел людей, которые были бы так влюблены в свое дело, как он. Для него не было большего счастья, как творить, изобретать, работать для Красной Армии, для могущества советской власти, которая открыла ему, простому рабочему, путь к счастливой и радостной жизни»,

* * *

Встретив новый, 1946 год, 2 января Василий Алексеевич надел генеральский китель и, причесывая поседевшие волосы, подошел к зеркалу.

На левой стороне его груди сияла золотая звезда, ниже — три ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени и две медали, а на правой стороне — ордена Суворова первой и второй степени и орден «Красная Звезда» — награды Родины за многолетнюю беззаветную службу.

Он собирался в клуб на вечер встречи со своими избирателями, которые вторично выдвигали его кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР.

Появление Дегтярева на трибуне было встречено бурной овацией. Каждый из собравшихся прекрасно знал об огромных заслугах Василия Алексеевича перед народом.

На трибуну поднялся директор завода.

— Мы все знаем, — сказал он,— что заслуги Василия Алексеевича отмечены семью орденами и тремя Сталинскими премиями. Говоря о нем, нашем простом и скромном товарище, я вижу наших прославленных соколов, которые из его пулеметов сбивают фашистских стервятников в необъятных просторах синего неба. Я вижу моряков с военных кораблей Северного флота, высаживающихся на полуостров Рыбачий, и отряды грозной морской пехоты на холмах Севастополя с его оружием в руках. Я представляю себе страшные бои с немецкими танками

под Москвой, Сталинградом, Орлом, которые победоносно вели мужественные бронебойщики, вооруженные противотанковыми ружьями Дегтярева. Мне представляются смелые налеты советских партизан с испытанным оружием Дегтярева на штабы и тылы врага. И, наконец, я отчетливо вижу перед собой героический штурм Берлина нашими доблестными войсками. Вижу стремительно наступающих солдат с пистолетами-пулеметами Дегтярева в руках. На фоне всех этих героических событий мне рисуется простое, ласковое лицо великого труженика — нашего славного Дегтярева. И мне хочется сказать, что среди нас нет человека более уважаемого и достойного. Попросим же его на трибуну.

Грянула музыка, раздались аплодисменты.

Василий Алексеевич поднялся на трибуну и тихо сказал:

— Мы должны и будем работать не покладая рук, чтобы оградить нашу страну и все мирные народы от новой войны. Что касается лично меня, то я отдам все свои силы на благо Отчизны, во имя нашей партии.

Спустя несколько дней прославленный конструктор Василий Алексеевич Дегтярев был вторично избран в депутаты Верховного Совета СССР.

Скоро Василий Алексеевич приехал в Москву на сессию Верховного Совета СССР и несколько дней провел у своей дочери.

В эти дни ему удалось посетить выставку трофейного вооружения.

Выставка эта произвела на него сильное впечатление. Он подходил к огромным побуревшим развалинам «тигров», «пантер», «фердинандов» и с радостью находил в их броне маленькие сквозные отверстия.

Экскурсовод, узнавший конструктора, подвел его к одному танку и, вынув из дырочки в башне танка бронебойную крупнокалиберную пулю, подал Дегтяреву.

— Узнаете, Василий Алексеевич?

— Наша? — спросил Дегтярев.

— Да, эта пуля была послана в танк из вашего противотанкового ружья. Некоторые пули из вашего ружья прошивали вражеские танки насквозь!

И он стал показывать ему пробоины в танках...

Дома у дочери Дегтярев, вспоминая об огромном количестве поверженной техники врага, увиденной им на выставке, думал о советских конструкторах, инженерах, рабочих, создавших такое вооружение, которое помогло нашим воинам разгромить фашистские армии.

В его памяти проходили образы соратников — друзей и

учеников, создателей грозного оружия Советской Армии, трудом своим утверждавших мощь родной страны.

Прославленный конструктор Федор Васильевич Токарев. Им неоднократно приходилось соревноваться друг с другом. У каждого из них были неудачи и успехи. И каждый из них неудачи другого переживал, как свои, и успехам товарища радовался, как собственным, потому что оба они работали для своего родного народа, для своей социалистической Родины.

Представитель молодого поколения — конструктор Шпагин, творец многих замечательных систем. Теперь он тоже депутат Верховного Совета СССР и Герой Социалистического Труда. Дегтярев гордится им — это его ученик.

Конструктор Симонов — создатель пятизарядного противотанкового ружья, удостоенный Сталинской премии. На выставке немало танков, подбитых из его ружья!

«В нашей стране заботами партии и правительства выращены замечательные творцы оружия», — думал Дегтярев.

Вспоминая выставку поверженной техники врага, Дегтярев с восхищением думал о доблести и отваге советских воинов и о скромных тружениках тыла, которые в невиданно короткий срок перебазировали на восток военную промышленность и развернули производство вооружения в гигантских размерах.

Он хорошо помнил годы империалистической войны, когда на трех русских солдат приходилась одна винтовка, когда десятки дивизий на фронте держались в резерве, потому что их не с чем было послать в бой.

В Отечественную войну все обстояло иначе! Ему вспомнились цифры о снабжении Красной Армии вооружением и боеприпасами, приведенные И. В. Сталиным в его речи перед избирателями 9 февраля 1946 года.

Он встал и отыскал на полке брошюру с речью вождя.

«Если не считать первого года войны, — говорил И. В. Сталин, — когда эвакуация промышленности на восток затормозила дело разворота военного производства, то в течение остальных трёх лет войны партия сумела добиться таких успехов, которые дали ей возможность не только снабжать фронт в достаточном количестве артиллерией, пулемётами, винтовками, самолётами, танками, боеприпасами, но и накоплять резервы. При этом известно, что наше вооружение по качеству не только не уступало немецкому, но в общем даже превосходило его.

Известно, что наша танковая промышленность в течение последних трёх лет войны производила ежегодно в среднем более 30 тысяч танков, самоходов и бронемашин.

Известно далее, что наша авиационная промышленность

производила за тот же период ежегодно до 40 тысяч самолётов.

Известно также, что наша артиллерийская промышленность производила за тот же период ежегодно до 120 тысяч орудий всех калибров, до 450 тысяч ручных и станковых пулемётов, свыше 3-х миллионов винтовок и около 2 миллионов автоматов.

Известно, наконец, что наша миномётная промышленность за период 1942—1944 годов производила ежегодно в среднем до 100 тысяч миномётов.

Понятно, что одновременно с этим производилось соответствующее количество артиллерийских снарядов, разного рода мин, авиационных бомб, винтовочных и пулемётных патронов.

Известно, например, что в одном только 1944 году было произведено свыше 240 миллионов снарядов, бомб и мин и 7 миллиардов 400 миллионов патронов.

Такова в общем картина снабжения Красной Армии вооружением и боеприпасами...»[10]

«Да, — подумал Дегтярев, — хорошо потрудились советские люди в тылу! Славно поработали оружейники в годы войны...»

Конструктор-оружейник В. Г. Федоров

В. А. Дегтярев в 1948 году.

Ему очень хотелось повидаться со своими друзьями и товарищами по конструкторской работе, поговорить с ними о пережитом, вспомнить годы совместной работы, подумать о будущем.

На другой день, выходя из зала заседаний Верховного Совета

СССР, Василий Алексеевич увидел перед собой приветливо улыбающегося человека в штатском костюме и в больших очках. Это был Шпагин. Впоследствии Шпагин вспоминал об этой встрече:

«Мы не виделись почти шесть лет, у каждого из нас накопилось много мыслей, впечатлений — страшно хотелось поговорить по душам.

Я пригласил его к себе в гостиницу. Несколько часов провели мы за разговором. Вспомнили о совместной работе в мастерской, порассказали друг другу о работе и жизни в годы войны, поделились своими замыслами на будущее.

Василий Алексеевич был бодр и весел. Рассказывал о своей семье, о саде, который разросся за эти годы необыкновенно. Не верилось, что ему 66 лет. Прощаясь, Василий Алексеевич настойчиво звал к себе:

— Приезжай, Семеныч, съездим за рыбкой, сходим на охоту, посмотришь мой сад, есть новые замечательные цветы.

Я обещал и собирался к нему приехать, но из-за занятости все откладывал. Мне и в голову не могло прийти, что через три года этого бодрого, жизнерадостного, мечтающего о большой работе человека не будет на свете...»

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

После войны Василий Алексеевич смог заняться и теми делами, на которые в дни войны никак не хватало времени.

Прежде всего он съездил в совхоз, носящий его имя и находящийся недалеко от города. Еще до войны Василий Алексеевич помог руководителям совхоза достать саженцы и заложить фруктовый сад. Теперь удалось посмотреть на этот сад, узнать об успехах и нуждах совхоза и помочь ему в расширении сада.

Съездил он и в Тулу, к старым друзьям-оружейникам, которым приходилось изготовлять его боевое оружие. С Михаилом Александровичем Судаковым они сходили на завод, осмотрели древний кремль, город и его живописные окрестности, съездили к старой мельнице, где когда-то ребятами ловили рыбу.

— Да, не узнаешь Тулу, — сказал Василий Алексеевич. — Огромным городом стала. А дома-то, улицы-то какие, заводы — душа радуется!..

Проезжая по окраине города, на одной из улочек они увидели несколько заржавленных танков.

— Фашистские. Тулу хотели взять, да нашли здесь себе могилу, — проговорил Дегтярев и задумался.

— Что нахмурился, Василий Алексеевич? — спросил Судаков.

— Да вот мечтали мы во время войны: разобьем фашистов — заживем мирно и думать даже не будем о войне. Я надеялся, что займусь какими-нибудь изобретениями для механизации сельского хозяйства, а тут вот новой войной грозят.

— Да, Василий Алексеевич, еще много у нас врагов...

— Вот эти-то танки и напомнили мне о том, что нам, оружейникам, нельзя предаваться отдыху, когда в Америке и Англии капиталисты готовят атомные бомбы...

* * *

Как ни любил Василий Алексеевич тихую жизнь, цветы, птиц, животных, как ни велико было его стремление к миру, он вынужден был думать о войне, которую старались разжечь агенты Уолл-стрита.

«Чтобы сохранить мир, — размышлял он, — мы должны не только бороться за него, но и быть готовыми ко всяким

случайностям».

На этот раз, как и при создании противотанкового ружья, он опять привлекает молодых специалистов, поручает им самостоятельную разработку отдельных деталей, заботливо учит, по-отечески растит молодое поколение оружейных конструкторов, передает им свои знания и богатейший опыт.

Работа над новым образцом идет на редкость успешно.

«...Там, где работал Василий Алексеевич, нельзя было оставаться простым безучастным исполнителем. Всех охватывало желание творить, изобретать. И я испытывал это чувство, — вспоминает его ближайший сотрудник инженер Е. К. Александрович. — Дегтярев давал мне эскизы деталей, я разрабатывал расчеты и чертежи, всегда поражаясь великой простоте замысла и экономности деталей...»

Но вот жестокая болезнь подкрадывается к конструктору, отрывает от любимого дела, не дает завершить начатую работу.

Однако и в больнице Василий Алексеевич не перестает думать о новом образце, поддерживает живую связь с конструкторским бюро, через помощников передает конструкторам свои замечания и советы, будучи уверен, что теперь, когда главное сделано, его помощники без труда завершат работу.

Об этих днях, последних днях работы Василия Алексеевича, так рассказывает Е. К. Александрович:

«В начале января 1949 года наш коллектив послал меня в Москву, в Кремлевскую больницу, навестить Василия Алексеевича. Рабочие, инженеры, конструкторы написали поздравительный адрес по случаю дня рождения Дегтярева и поручили мне передать его нашему любимому другу.

Я застал Василия Алексеевича в тяжелом состоянии, но он нашел в себе силы, чтобы поблагодарить за поздравление и поговорить о делах.

Когда я уходил, он еще раз сказал мне:

— Евгений Константинович, я все время думаю об образце. Если упоры будут ломаться, сделайте их из кованого материала.

Затем он жестом велел мне снова присесть. Стал говорить, как сделать другие детали, давал все новые и новые советы и просил обязательно использовать предложение, которое он обдумал здесь, в больнице.

Наконец я поднялся, так как разговор его сильно утомил.

— Передайте рабочим и инженерам, что я желаю им успеха в труде на пользу Родины.

Это было последнее пожелание и напутствие дорогого нашего учителя коллективу конструкторского бюро...»

Здоровье Василия Алексеевича ухудшалось с каждым днем.

Навестить прославленного конструктора приходили оружейники из Москвы, Тулы, Ижевска, приходили солдаты и офицеры, генералы и маршалы Советской Армии, летчики, моряки, изобретатели, рабочие.

Среди них старые друзья: Владимир Григорьевич Федоров, Федор Васильевич Токарев, ученики Дегтярева— Георгий Семенович Шпагин и Сергей Гаврилович Симонов...

Василий Алексеевич был очень слаб...

Ему хотелось свои мысли и думы передать потомству. Он подозвал сестру и попросил ее записать то, о чем думал, что чувствовал необходимым сказать:

«Сейчас, когда американские и английские империалисты потрясают атомными бомбами, наши конструкторы продолжают спокойно работать.

Мы работаем не ради наживы или страха, как изобретатели за рубежом. Нами движет святое чувство служения Отчизне, служения своему народу, великой партии большевиков, которая открыла дорогу к творчеству, дорогу к счастью...

Ни в одной стране мира не созданы такие условия для расцвета изобретательства и конструирования, как у нас в Советской стране. И нигде не ценится так высоко труд конструкторов, как у нас. Разве я, изобретатель из народа, малограмотный мастеровой, мог бы в капиталистической стране стать конструктором, заслуженным человеком, доктором технических наук, членом правительства, генералом и создать мощное оружие? Никогда! Там я был бы раздавлен, как десятки тысяч других способных людей, если не захотел бы продаться какому-нибудь предпринимателю. Этот страшный гнет капитализма я испытал на себе в царской России. Только советская власть меня, как и многих других изобретателей из рабочих, вывела на широкую дорогу творчества. И за это хочется мне от души поклониться ей, поклониться родной большевистской партии и великому вождю и другу всех трудящихся товарищу Сталину, чей гений вдохновлял и всегда будет вдохновлять наших людей на воинские подвиги и трудовую доблесть.

Сейчас тяжелая болезнь оторвала меня от любимой работы, не дав завершить многих начатых дел. Но я твердо уверен, что молодые советские конструкторы, воспитанные нашей партией, завершат мою работу и сделают еще очень много ценных изобретений...»

* * *

16 января 1949 года Василия Алексеевича не стало. 18 января во всех газетах было напечатано сообщение:

«От Центрального Комитета ВКП (б) и Совета Министров СССР Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают о смерти верного сына большевистской партии, выдающегося конструктора стрелкового оружия, Депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, генерал-майора Дегтярева Василия Алексеевича, последовавшей 16 января 1949 года после тяжелой и продолжительной болезни.

Центральный Комитет ВКП (б) и Совет Министров СССР».

О тяжелой утрате с глубоким прискорбием извещали советских людей Коллегия Министерства вооружения СССР и Министерство Вооруженных Сил СССР.

«Созданные им ручной пулемет, пистолет-пулемет, крупнокалиберный пулемет и противотанковое ружье сыграли исключительно важную роль в Великой Отечественной войне», — писали в некрологе товарищи Булганин, Сабуров, Василевский, Устинов и др.

Правительство решило увековечить память выдающегося конструктора, всю свою жизнь отдавшего служению народу. В тот же день было опубликовано постановление Совета Министров СССР. Имя Дегтярева присваивалось заводу Министерства вооружения. В городе, где работал Дегтярев, решено было воздвигнуть выдающемуся мастеру советского оружия памятник.

Для наиболее выдающихся студентов-отличников и аспирантов Ленинградского механического и Тульского механического институтов, а также для отличников в Дегтяревском техникуме Министерства вооружения были установлены повышенные стипендии имени Дегтярева.

Похороны Дегтярева были многолюдными.

С утра до вечера нескончаемым потоком шли москвичи в Мраморный зал Министерства вооружения, где был установлен гроб с прахом покойного.

Многие из идущих когда-то сражались на фронте с дегтяревским оружием в руках. Они пришли отдать дань уважения и сказать последнее «прости» замечательному изобретателю.

В почетном карауле — рабочие, маршалы, генералы, офицеры и солдаты Советской Армии, ученые, конструкторы, оружейники.

После траурного митинга траурная процессия направилась к вокзалу.

На платформе собралась многочисленная толпа

провожающих. С непокрытыми головами стоят Федоров, Шпагин, Симонов. Гроб с телом Дегтярева вносят в вагон, и под звуки печальных мелодий траурный поезд отходит...

Несмотря на ночь, на станциях поезд встречают толпы рабочих. Они пришли отдать последний долг человеку, которого любили всей душой.

Прошло всего несколько месяцев после смерти Дегтярева, как вся страна узнала о присуждении ему (посмертно) Сталинской премии первой степени. Так высоко была оценена правительством последняя работа конструктора.

Одновременно с Дегтяревым этой высокой награды были удостоены четверо из его сотрудников и учеников, в числе их сын Василия Алексеевича Владимир Дегтярев и инженер Александрович, проработавший вместе с Дегтяревым тридцать лет.

Дегтярев умер, но память о нем живет и будет жить в миллионах сердец.

Особенно дорог В. А. Дегтярев Советской Армии. «Тов. Дегтяреву армия обязана многим»[11].

* * *

Василий Алексеевич Дегтярев умер на семидесятом году жизни, но до последних минут был полон творческой энергии.

Он понимал, что укрепление оборонной мощи нашей Родины является серьезной преградой к развязыванию империалистами новой войны, и отдавал все силы тому, чтобы вооружить Советскую Армию самой новейшей боевой техникой.

Советский народ на протяжении всей своей истории всегда был противником войн и энергично боролся за мир во всем мире. Однако, зная вероломные методы поджигателей войны, советские люди никогда не забывали о том, что порох нужно держать сухим и в достаточном количестве. «Конечно, агрессоры хотят, — говорил И. В. Сталин, — чтобы Советский Союз был безоружен в случае их нападения на него. Но Советский Союз с этим не согласен и думает, что агрессора надо встретить во всеоружии»[12].

Наша страна непоколебимо стоит на страже мира, но она не боится никакого агрессора, ибо ее армия вооружена первоклассным оружием, созданным советскими конструкторами и прежде всего Дегтяревым.

Жизнь Дегтярева и его беззаветное служение Родине навсегда

останутся примером для советских людей, особенно для молодежи.

Потомственный тульский оружейник, Дегтярев так и остался бы полуграмотным рабочим, непризнанным изобретателем-самоучкой, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция. Б годы советской власти Дегтярев вырос в замечательного конструктора, создателя непревзойденных систем боевого оружия, стал генералом, доктором технических наук, общественным и государственным деятелем.

Жизнь Дегтярева наглядно показывает, какие необъятные возможности создала советская власть для развития народных талантов во всех областях науки и техники.

Жизненный путь Дегтярева типичен для многих тысяч советских людей. Он показывает, как в Советской стране растут, учатся, работают простые люди и благодаря заботам партии и правительства становятся большими изобретателями, учеными, новаторами науки и техники.

«Бывает и так, — говорил И. В. Сталин, — что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела»[13].

Эти слова вождя как нельзя лучше применимы к характеристике деятельности Василия Алексеевича Дегтярева.

Выйдя из недр трудового народа, Дегтярев всю свою жизнь посвятил служению народу. Он трудами своими укрепил его мощь и приумножил его гордую славу. Поэтому благородные деяния Дегтярева и светлая память о нем никогда не померкнут в сердцах советских людей.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. А. ДЕГТЯРЕВА

1880, 2 января (1879 г., 21 декабря по старому стилю) родился Дегтярев в г. Туле.

1891 — Поступил работать учеником на Тульский оружейный завод.

1897 — Умер отец Дегтярева.

1901 — Призван на военную службу.

1906 — Начало работы над автоматическим оружием.

1916 — Первое изобретение — автоматический карабин.

1918 — Дегтярев направлен Советским правительством на завод, ныне носящий имя В. А. Дегтярева.

1924—1927 — Создание знаменитого ручного пулемета «ДП» («Дегтярев пехотный»).

1928 — Присвоение ЦИК СССР Дегтяреву звания Героя Труда.

1927—1928 — Создание авиационного пулемета Дегтярева «ДА».

1929— 1938 — Создание в содружестве с Г. С. Шпагиным крупнокалиберного пулемета «ДШК».

1929—1939 — Создание станкового пулемета Дегтярева «ДС».

1939 — Создание пистолета-пулемета Дегтярева «ППД».

1940 — Присуждение Дегтяреву звания Героя Социалистического Труда с вручением высшей награды СССР — ордена Ленина.

1940 — Дегтяреву присуждена ученая степень доктора технических наук.

1940 — Избрание Дегтярева депутатом Верховного Совета СССР.

1941 — Присуждение Дегтяреву Сталинской премии.

1941 — Создание противотанкового ружья «ПТР».

1942 — Вступление Дегтярева в ряды ВКП (б).

1942 — Присуждение Дегтяреву второй Сталинской премии.

1944 — Присуждение Дегтяреву третьей Сталинской премии.

1946 — Вторичное избрание Дегтярева депутатом Верховного Совета СССР.

1949, 16 января — Дегтярев скончался в Москве.

1949, 18 января — Решение Совета Министров СССР об увековечении памяти В. А. Дегтярева.

1949 — Присуждение Дегтяреву (посмертно) четвертой Сталинской премии.

notes

Примечания

1

В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 371.

2

Казяками в Туле называли раньше оружейников, работавших на казенном заводе.

3

В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 303.

4

В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 46—47.

5

«Льюис» — английский ручной пулемет, применяемый также в авиации.

6

К. Е. Ворошилов. Статьи и речи. Партиздат, 1937, стр. 515.

«История ВКП(б). Краткий курс», стр. 268.

8

К. Е. Ворошилов. Статьи и речи. Партиздат, 1937, стр. 514—515.

9

И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 474.

10

И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, 9 февраля 1946 г.

11

К. Е. Ворошилов. Статьи и речи. Партиздат, 1937, стр. 515.

«Правда» от 6 октября 1951 года.

13

И. В. Сталин. Речь на приеме в Кремле работников Высшей школы 17 мая 1938 г.